

№ 2 (54)
2019

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

25

Аюшеева И. З.

Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга

64

Сойфер Т. В.

Благотворительные организации: проблемы гражданско-правового статуса в условиях развития отношений по коллективному использованию товаров и услуг

100

Богданова Е. Е.

Спорные вопросы раздела имущества супругов

№ 2 (54)
2019

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор.

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Игорь Владимирович — заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор.

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, профессор.

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор.

КИРЕЕВА Елена Юрьевна — декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук.

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор.

НИКИТИН Сергей Васильевич — проректор по учебной работе Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

РАССОЛОВ Илья Михайлович — и. о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — профессор кафедры международного права, начальник Управления организации научной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета (КНР), доктор юридических наук, профессор.

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и. о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук.

Ответственный секретарь:

САПИЯ Марианна Романовна — эксперт отдела научно-издательской политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный редактор выпуска:

БОГДАНОВА Елена Евгеньевна — и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Дата выхода в свет: 28.03.2019.

Усл. печ. л. 24,78. Формат 84x108/16. Тираж 150 экз.

Издатель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Адрес редакции:

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 2 (54)
2019

Edition
CIVIL LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairman of the Editorial Board:

BLAZHEEV Viktor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, PhD in Law, Associate Professor.

Deputy of the Chairman of the Editorial Board:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Doctor of Law, Professor.

Editor-in-Chief:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Editorial Board members:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor.

BEZVERKHOV Arthur Genadievich — Dean of the Law Faculty of the Samara National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Jurisprudence of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor.

BUKALEROVA Ludmila Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor.

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law.

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

GONCHAROV Igor Vladimirovich — Head of the Department of Nation Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorievna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Doctor of Law, Professor.

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Nina Sergeevna — Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Republic of Belarus, PhD in Law, Professor.

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of the Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Doctor of Philosophy, Professor.

KIREEVA Elena Yurievna — Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Municipal Service

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2018

Founder:

The Federal State Budgetary Educational
Establishment of the Higher Training
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”

of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor.

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

LAPINA Marina Afanasievna — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law.

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Doctor of Economy, Professor.

NIKITIN Sergey Vasilievich — Vice-Rector for Education of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

NOVOSELOVA Lyudmila Aleksandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

RYLSKAYA Marina Aleksandrovna — Director of the Institute of Problems of an Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadiyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Agricultural Sciences, Professor.

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Acting Head of the Department of IT Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

ROMANOVA Victoria Valerievna — Head of the Department of Energy Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law.

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor.

SOKOLOVA Natalya Aleksandrovna — Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University (the PRC), Doctor of Law, Professor.

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental Land and Agrarian Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Doctor of Law, Professor.

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Doctor of Political Sciences.

Executive Secretary Editor:

SALIYA Marianna Romanovna — Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Editor-in-Chief of the Issue:

BOGDANOVA Elena Evgenevna — Acting head of the Department of the Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

Passed for printing 28.03.2019.

Publication base sheet 24,78.

Circulation 150 cop.

Publisher: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Bld. 9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

The address of the Editorial Office:

Bld. 9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

Tel.: (499) 244-88-88 (# 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	8
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Актуальные проблемы гражданского права	
Аюшеева И. З.	
Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга	25
Василенко Н. В.	
Страхование профессиональной ответственности: новые горизонты	33
Ильина И. Ю.	
Правовая природа и особенности преимущественных прав и интересов при недействительности сделок, их место в системе современных преимущественных прав	46
Подузова Е. Б.	
Опционная модель организации контрактных связей в контексте коллективного использования товаров и услуг (sharing economy)	54
Сойфер Т. В.	
Благотворительные организации: проблемы гражданско-правового статуса в условиях развития отношений по коллективному использованию товаров и услуг	64
Соменков С. А.	
Искусственный интеллект: от объекта к субъекту?	75
Суворов Е. Д.	
К вопросу о правовой природе поручительства на примере сравнения с солидарными обязательствами	86
Актуальные проблемы семейного права	
Богданова Е. Е.	
Спорные вопросы раздела имущества супругов	100
Булаевский Б. А.	
Правовая охрана интересов ребенка (памяти А. М. Нечаевой)	117
Елисеева А. А.	
Личные неимущественные права, обязанности детей и родителей в российской семье: эволюция правового института	124
Зарубежный опыт	
Долинская В. В.	
Сущностные характеристики жилых помещений в законодательстве стран СНГ	131

Научный поиск

Белых В. С., Егорова М. А.

- Криптовалюта как средство платежа:
новые подходы и правовое регулирование 139

Трибуна молодого ученого

Габареев Э. А.

- Обеспечительная уступка денежного требования: обеспечительная
мера или способ обеспечения исполнения обязательств? 147

Старовойтова А. С.

- Восстановление корпоративного контроля как способ
защиты прав участников юридических лиц 155

Книжная полка кафедры 164

Дайджест мероприятий кафедры

- Круглый стол «Проблемы реформирования
наследственного законодательства в России» 170
- Международная научно-практическая конференция
«Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака
и наследовании» в рамках V Московского юридического форума 172
- Научно-практическая конференция «Новые контексты защиты
гражданских прав и законных интересов: проблемы теории
и вызовы практики» в рамках V Московского юридического форума 174
- Круглый стол «Гражданское право в век развития новых технологий» 176
- Всероссийская научно-практическая конференция
«Новеллы законодательства о финансовых сделках»
в рамках VIII Московской юридической недели 179
- Круглый стол «Конституционные аспекты семейного права»
(памяти Александры Матвеевны Нечаевой)
в рамках VIII Московской юридической недели 182

Право в историческом преломлении

Памятники права

- Декрет о гражданском браке, о детях
и о ведении книг актов состояния 183

Юридическое наследие

- О В. И. Добровольском 186

В. И. Добровольский

- Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву (фрагмент) 192

В. В. Розанов

- Законодательная помощь семье (фрагмент) 208

Постскриптум

Возвращение к истокам 221

Россия. 100 лет назад: месяц в истории 229

Слово к читателю

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представлен очередной тематический выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», подготовленный профессорско-преподавательским коллективом кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основным направлением научно-исследовательской деятельности кафедры является выработка новой парадигмы развития гражданского и семейного права в условиях трансформации государства и общества. Научные труды преподавателей кафедры способствуют развитию и укреплению цивилистической школы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), основанной профессором Владимиром Александровичем Рясенцевым.

В данном номере журнала содержатся научные статьи, посвященные таким актуальным проблемам гражданского права, как: гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга (И. З. Аюшеева); страхование профессиональной ответственности (Н. В. Василенко); сущностная характеристика жилых помещений в законодательстве стран СНГ (В. В. Долинская); правовая природа и особенности преимущественных прав и интересов при недействительности сделок (И. Ю. Ильина); опционная модель

организации договорных связей в контексте коллективного использования товаров и услуг (Е. Б. Подузова); гражданско-правовой статус благотворительных организаций в условиях развития отношений по коллективному использованию товаров и услуг (Т. В. Сойфер); искусственный интеллект как объект или субъект права (С. А. Соменков); правовая природа поручительства (Е. Д. Суворов).

Отдельные научные работы затрагивают современные проблемы семейного права, касающиеся раздела имущества супругов (Е. Е. Богданова), правовой охраны интересов ребенка (Б. А. Булаевский), эволюции правового института личных неимущественных прав и обязанностей родителей и детей (А. А. Елисеева). В номере также содержатся научные статьи аспирантов и соискателей кафедры гражданского права.

Публикуемые в настоящем выпуске журнала труды преподавателей кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), полагаем, вызовут научный интерес у широкого круга представителей юридической науки и практики.

Е. Е. Богданова,
*и. о. заведующего кафедрой гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

1 ФЕВРАЛЯ

В Москве появилась площадь имени Олега Емельяновича Кутафина

На пересечении улиц Викторенко и Острякова близ станции метро «Аэропорт» в Москве появилась площадь имени академика Олега Кутафина. Соответствующее постановление было утверждено мэром столицы Сергеем Собяниным в четверг, 31 января.

«Правительство Москвы постановляет присвоить площади, расположенной в Хорошевском районе Северного административного округа Москвы на пересечении улицы Викторенко с улицей Острякова, наименование — площадь Академика Кутафина», — говорится в документе, опубликованном на сайте Правительства и Мэра города.

4 ФЕВРАЛЯ

Круглый стол, посвященный Дню российской науки «Стратегия научно-технологического развития: формирование правовой среды и новые научно-образовательные инициативы»

В преддверии Дня российской науки в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся круглый стол «Стратегия научно-технологического развития: формирование правовой среды и новые научно-образовательные инициативы». В круглом столе принял участие помощник Президента Российской Федерации **Андрей Фурсенко**.

Открывая круглый стол, Андрей Александрович затронул ряд вопросов, стоящих перед российской наукой, а также призвал участников к поиску путей решения.

Андрея Александровича поддержал и ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Виктор Блажеев**. Виктор Владимирович обратил внимание аудитории на достаточно большой разрыв в развитии наукоемких отраслей экономики и инструментов их правового регулирования. Вместе с тем в сфере высшего юридического образования и науки предприняты попытки нивелировать этот разрыв. На примере Университета он рассказал об инновационных программах подготовки юристов, которые призваны восполнить нехватку квалифицированных кадров в соответствующих отраслях. Разговор за круглым столом предоставил участникам возможность обсудить стратегические векторы развития правовых исследований, вопросы о том, каким должно быть современное право, пережи-

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

вающее волну преобразований в связи с технологическим развитием, как распространяется междисциплинарный подход в правовых исследованиях.

В круглом столе приняли участие заведующие кафедрами, ученые, руководители научно-образовательных центров, институтов Университета имени О.Е. Кутафина, партнеры Университета по проведению совместных исследований из НИЦ «Курчатовский институт», МГИМО(У) МИД России, Института государства и права РАН, Федерального медико-биологического агентства России.

Проректор по научной работе **Владимир Синюков** в своем выступлении остановился на результатах научной работы Университета, перспективах развития юридической науки и современных исследованиях в области юриспруденции. В выступлении подчеркивалось, что ни одно научное достижение не может быть интегрировано без какой-либо инфраструктуры — это не только наша проблема, это мировая проблема. Все страны мира сейчас сталкиваются с проблемой правового регулирования отношений, которая возникает в ходе обнаружения новых закономерностей — их массовое внедрение создает новую ситуацию правового регулирования.

Екатерина Тягай, проректор по учебной и методической работе МГЮА, уделила внимание ряду инновационных подходов и практик в подготовке юристов. Например, уже сегодня на базе Университета действуют новые кафедры, которые ломают привычный отраслевой подход, но в то же время способствуют повышению практикоориентированности учебного процесса.

Директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций МГИМО(У) МИД России **Элина Сидоренко**, отвечая на вопрос о будущем правового регулирования новых технологий в рамках романо-германской правовой семьи, отметила, что такое будущее, несомненно, есть, однако перед законодателем сегодня

ня стоит масштабная задача по выработке более гибкого подхода и адаптации нормативных правовых актов к реалиям времени.

Елена Богданова, заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), подчеркнула актуальность темы законодательного закрепления научных изысканий и обратила внимание участников на зарубежный опыт регулирования правоотношений в данной сфере.

Заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Никита Лютов** в своем выступлении остановился на необходимости практико-ориентированной адаптации права.

В дискуссии также приняли участие заместитель руководителя Управления Администрации Президента РФ по научно-образовательной политике **Елена Нечаева**, заведующий сектором информационного права Института государства и права РАН **Татьяна Полякова**, директор Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Сергей Зенин**, руководитель Научно-образовательного центра сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Мария Захарова**, директор НИЦ «Курчатовский институт» **Александр Благов**, заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Елена Гринь** и многие другие.

В завершение мероприятия Андрей Александрович поблагодарил участников круглого стола, а также пообщался с магистрами уникальной программы, которая реализуется в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Юрист в сфере науки и технологий».

7 ФЕВРАЛЯ

Лекция Павла Крашенинникова «Конституции XX века»

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась лекция председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства

шенствованию гражданского законодательства Павла Крашенинникова «Конституции XX века».

Павел Владимирович рассказал о восьми конституциях нашей страны, принятых за столетний период с 1918 г.: семь из них на данный момент являются памятниками права, в которые полезно заглянуть не только юристам, но и всем интересующимся сегодняшним государственным и политическим устройством.

Лектор также представил свою точку зрения на роль каждой конституции в нашем государстве, их значение для дальнейшего развития страны, соответствие провозглашаемых концепций реализуемым стратегиям и поиске новых идей и подходов для развития общества и государства.

По итогам лекции Павел Крашенинников ответил на вопросы слушателей, а авторам самых интересных вопросов подарил экземпляры своих книг.

8 ФЕВРАЛЯ

Круглый стол «Современные задачи и тенденции развития атомного права»

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся круглый стол «Современные задачи и тенденции развития атомного права», приуроченный ко Дню российской науки.

Участники круглого стола обсудили проблемы и задачи правового обеспечения создания и функционирования Центра ядерной медицины, правовые вопросы межправительственных соглашений на строительство АЭС, правовое регулирование безопасного обращения с ОЯТ и радиоактивными отходами, правовые вопросы использования механизма государственно-частного партнерства при строительстве атомной электростанции «Аккую» (Турция), полномочия Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в области проектирования и строительства АЭС, задачи государственного регулирования в сфере добычи и переработки сырья для атомной энергетики, особенности договорного регулирования в области проектирования и строительства исследовательских реакторов.

Модератором мероприятия выступила заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Комиссии по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса Ассоциации юристов России Виктория Романова.

Участниками круглого стола стали члены кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), представители Ассоциации юристов России, члены Комиссии по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса Ассоциации юристов России, представители Международного союза юристов, представители Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», представители АО «Русатом Хэлскэа», АО «ТВЭЛ», ООО «Центр развития ядерной медицины», Центра ГЧП АО «Газпомбанк», компании «General Electric», АО «НИКИЭТ», Карлова Университета (Прага), Российского государственного университета имени И. М. Губкина, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,

представители энергетических компаний: ООО «Газпром энергохолдинг», ПАО «Мосэнерго», ООО «Газпромнефть энергосервис», ФГКУ «Росгеолэкспертиза», члены студенческого научного форума по энергетическому праву, аспиранты, магистранты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Подводя итоги работы круглого стола, участники отметили актуальность обсуждаемых тем, необходимость продолжения проведения научных, научно-практических исследований в целях развития правового регулирования в области использования атомной энергии на национальном и международном уровнях, выделили наиболее проблемные аспекты правового регулирования, отметили ценность проведения совместных исследований представителями научного сообщества и специалистами профильных энергетических компаний.

Участники мероприятия предложили сделать проведение круглого стола по атомному праву в День российской науки традиционным с участием представителей научного, экспертного сообщества, поблагодарили руководство Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ассоциацию юристов России за поддержку и помощь в подготовке и проведении мероприятия.

10 ФЕВРАЛЯ

День открытых дверей

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел день открытых дверей. На протяжении всего мероприятия абитуриенты и их родители имели возможность познакомиться с Университетом, образовательными программами, уровнями и направлениями подготовки, реализуемыми в МГЮА, а также узнать всю информацию о поступлении и обучении от первых лиц Университета.

Программу дня открыла ярмарка институтов МГЮА. Директора институтов и активисты студенческих советов знакомили абитуриентов с особенностями образовательного процесса в каждом из институтов, рассказывали об уникальности тех или иных образовательных программ и перспективах трудоустройства выпускников.

После краткого знакомства с институтами в Кутафинском зале состоялось торжественное собрание, на котором перед гостями выступили руководители Университета.

Открыла мероприятие первый проректор МГЮА **Елена Грачева**. Елена Юрьевна поприветствовала абитуриентов и родителей и рассказала о преимуществах получения юридического образования в Университете:

«Сегодня наша страна поставила перед собой чрезвычайно важную конституционную задачу — формирование правового государства. А это означает, что профессия юриста очень востребована. Где можно стать хорошим юристом? Если вы твердо решили, что юрист — это ваше призвание, то лучшее место, чтобы стать настоящим профессионалом — наш Университет. Здесь особая атмосфера, традиции, научные школы, мощный научный потенциал. По учебникам наших преподавателей учится вся страна. Проявленный вами интерес к МГЮА — большая честь для нас. И если вы, уважаемые родители, отдадите детей в наши руки, вы не пожалеете. Вы увидите, что они вырастут успешными, порядочными и будут надежной опорой вам и всей нашей стране».

Также перед гостями выступила **Екатерина Тягай**, проректор по учебной и методической работе. Екатерина Давидовна представила образовательные программы и направления, реализуемые в Университете, и отдельно обратила внимание аудитории на многообразие форм внеучебной деятельности студен-

тов, которые, несомненно, помогут реализоваться каждому в науке, творчестве и спорте.

Елена Глотова, ответственный секретарь приемной комиссии, рассказала о приемной кампании будущего года, проходных баллах, требуемых документах и экзаменах, которые необходимо сдать для поступления.

Программу дня продолжили интерактивные лекции и мастер-классы, позволившие гостям мероприятия поближе познакомиться с каждой из сфер юридической профессии и попробовать себя в роли адвоката, эксперта-криминалиста, юриста-международника и др.

14 ФЕВРАЛЯ

XII Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Юрия Марковича Козлова на тему: «Административно-правовые отношения»

Состоялась XII Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти выдающегося ученого-административиста, доктора юридических наук, профессора Юрия Марковича Козлова.

Конференция на тему «Административно-правовые отношения» была организована кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Национальной ассоциацией административистов.

В работе конференции приняли участие более 100 ученых, преподавателей, практических работников из различных регионов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья.

С приветственными словами к участникам конференции обратились проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Владимир Синюков** и первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы

Федерального Собрания Российской Федерации по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений **Дмитрий Вяткин**.

С докладом «Административно-правовые отношения» выступил Президент Национальной ассоциации административистов **Лев Попов**.

16 ФЕВРАЛЯ

Торжественная церемония награждения стипендиатов имени Анатолия Собчака

В МГЮА прошла торжественная церемония награждения стипендиатов имени Анатолия Александровича Собчака.

В церемонии приняли участие Президент Фонда Анатолия Собчака, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **Людмила Нарусова** и проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Владимир Синюков**.

Открывая мероприятие, Владимир Николаевич отметил, что соискатели стипендии имени А. А. Собчака — элита и опора будущего нашей страны и поблагодарил всех конкурсантов за тягу к знаниям, увлеченность юридической наукой и стремление сделать мир вокруг себя лучше.

Людмила Нарусова также поприветствовала студентов и отметила, что награждение стипендиатов именно в стенах МГЮА торжественно вдвойне, ведь Олег Кутафин и Анатолий Собчак были не только единомышленниками и коллегами, но и близкими друзьями. Кроме того, Людмила Борисовна отметила, что Анатолий Александрович всегда поддерживал инициативы своих соратников из числа молодежи:

«В своей деятельности Анатолий Александрович всегда опирался на молодых, на вчерашних студентов и аспирантов. На людей, не с идеологическими догмами, умеющих самостоятельно мыслить, не связанных какими-то

обязательствами перед существующей системой. Он считал, что на благо будущего должны работать те, кому предстоит жить в этом будущем», — заключила Людмила Борисовна.

В продолжение церемонии также состоялась презентация документального фильма Ксении Собчак «Дело Собчака».

VII Международный IP Форум

15—16 февраля 2019 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел VII Международный юридический форум «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP Форум).

Организаторами Форума в этом году выступили кафедра интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при поддержке Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания, Центра правовой поддержки журналистов Общероссийского народного фронта и Суда по интеллектуальным правам.

IP Форум — одно из крупнейших научных мероприятий на территории России и СНГ, посвященное обсуждению и решению вопросов охраны права интеллектуальной собственности в самых разных сферах жизни.

Основное мероприятие Форума было посвящено правовым вопросам, возникающим в театральном искусстве.

Церемония открытия Форума началась с приветственного слова ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Виктора Блажеева**.

Виктор Владимирович отметил важность события, остроту и актуальность обсуждаемых тем и пожелал участникам интересных дискуссий, новых открытий, успехов и удачи.

Панельная дискуссия «Интеллектуальная собственность в театральном искусстве» открыла Форум.

Модератором площадки выступила председатель Суда по интеллектуальным правам **Людмила Новоселова**.

Круглый стол «Что происходит с интеллектуальной собственностью в цифровую эпоху (и как с этим быть?)» прошел под руководством преподавателя Института повышения квалификации и руководителя программы «LegalTech» **Александра Трифонова**.

Еще один круглый стол, посвященный вопросам выявления и защиты региональных брендов, состоялся под руководством первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре **Лилии Гумеровой**. Соорганизатором круглого стола выступил Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре.

Также в рамках VII IP Форума был проведен День карьеры в сфере интеллектуальных прав — это прекрасная возможность пройти собеседование у ведущих юридических фирм и организаций, специализирующихся в области интеллектуальных прав, узнать об особенностях трудоустройства и оставить свое резюме.

Дискуссионные площадки по интеллектуальным правам для студентов отличались многогранностью заявленных тем — от традиционных до насущных.

19 ФЕВРАЛЯ

XXIII торжественная церемония вручения юридической премии «Фемида»

В Московском концертном зале «Зарядье» состоялась XXIII торжественная церемония вручения юридической премии «Фемида» — старейшей и одной из наиболее авторитетных правовых наград России.

Премия является высшим общественным знаком отличия, присуждаемым российским и зарубежным юристам, государственным и общественным деятелям Российской Федерации и других стран, государственным, коммерческим, некоммерческим организациям, их подразделениям или объединениям, общественным организациям, творческим союзам, авторским коллективам за вклад в создание демократического общества и развитие институтов правового государства.

В мероприятии приняли участие представители Московского регионального отделения Ассоциации юристов России: член Попечительского совета МРО АЮР, руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) **Григорий Ивлиев**, президент Федеральной нотариальной палаты

и Московской городской нотариальной палаты, член Совета МРО АЮР, председатель Комиссии АЮР по вопросам деятельности нотариата **Константин Корсик**.

В качестве гостей были приглашены председатель Совета МРО АЮР Виктор Вайпан, председатель Комиссии МРО АЮР по регулированию экономической деятельности Евгений Губин, председатель Комиссии МРО АЮР по совершенствованию антимонопольного законодательства Мария Егорова, исполнительный директор — руководитель Аппарата МРО АЮР Наталья Троицкая, ведущий советник — координатор финансовой деятельности отделения и работы по проектам Лейли Имранова, а также активисты отделения.

21 ФЕВРАЛЯ

Ректор МГЮА Виктор Блажеев принял участие в заседании президиума Общественного совета при МВД России

Темой заседания президиума Общественного совета при МВД России стали «Вопросы обеспечения учебы и занятости, доступного организованного отдыха и досуга, занятий спортом и оздоровления детей как единственная альтернатива противоправному поведению молодежи». В мероприятии участвовали члены Общественного совета: Константин Абрамов, Виктор Блажеев, Алексей Забелин, Мария Каннабих, Демури Киртадзе, Николай Кондратов и Владимир Сунгоркин, представители Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, Общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи».

Председатель Общественного совета при МВД России **Анатолий Кучерена** отметил как один из ключевых моментов обсуждаемой проблемы необходимость совершенствования межведомственного взаимодействия в части профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Фото: Антон Полинов, Объединенная редакция МВД России.

«Мы благодарны общественным организациям, экспертам, которые занимаются этой непростой темой, взаимодействуют с правоохранительными органами, отстаивая права детей», — отметил он.

Представители ГУОООП МВД России рассказали о проблемных вопросах, возникающих в работе подразделений по делам несовершеннолетних, важности правового воспитания подрастающего поколения и профилактики противоправного поведения молодежи.

Председатель РСМ Павел Красноручский заметил, что в последние годы происходят массовое закрытие, перепрофилирование детских оздоровительных лагерей, в которых в летнее время социализируется большое количество школьников. По его мнению, на это необходимо обратить внимание Правительства Российской Федерации, создать необходимые условия для сохранения и развития лагерей.

В завершение мероприятия участники заседания выразили мнение о необходимости выработки комплекса предложений и рекомендаций по обеспечению досуга несовершеннолетних и молодежи, чтобы впоследствии направить их в органы государственной власти.

22 ФЕВРАЛЯ

Подписание соглашения о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина и Международным союзом юристов и экономистов (Франция)

22 февраля 2019 г. в зале Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся Международный интерактивный круглый стол «Правовое регулирование цифровой экономики: вчера, сегодня, завтра».

Организаторами круглого стола выступили кафедра конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и редакция журнала «Право и цифровая экономика» МГЮА совместно с Московским отделением Ассоциации юристов России.

Круглый стол был приурочен к году образования журнала «Право и цифровая экономика», который публикуется на русском и английском языках и уже приобрел широкую известность как в России, так и за рубежом.

В начале мероприятия перед участниками и гостями с приветственным словом выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Виктор Блажеев**. Виктор Владимирович отметил важность проведения подобных научных мероприятий.

Модераторами круглого стали: проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Владимир Синюков** и главный редактор журнала «Право и цифровая экономика», профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, член международного комитета цифровой экономики (БРИКС) **Мария Егорова**.

Особенным моментом данного мероприятия стало подписание соглашения о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Международным союзом юристов и экономистов (Франция).

Соглашение подписывали ректор МГЮА **Виктор Блажеев** и сопresident международного союза юристов и экономистов (Франция), преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена (г. Лион, Франция) **Ален Дюфло**.

Согласно соглашению основными направлениями сотрудничества станут:

- обмен информацией, аналитическими обзорами, экспертными данными и т.п.;
- совместная организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов и иных мероприятий;
- проведение совместных научных мероприятий в целях содействия расширению и углублению связей Университета и Международного союза юристов и экономистов с зарубежными партнерами;
- информационная поддержка, включая размещение информации о проводимых мероприятиях на официальных сайтах сторон;
- совместная подготовка научных, производственно-практических и информационно-аналитических публикаций, изданий, статей.

Основные темы для обсуждения на круглом столе:

1. Современные вызовы в сфере правового регулирования цифровых технологий в современных условиях развития международных отношений.
2. Проблемы применения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики.
3. Цифровая экономика и ее влияния на геополитические отношения.
4. Правовая природа криптовалюты, частноправовые проблемы регулирования.
5. Место криптовалюты в системе средств платежа.
6. Перспективы принятия закона о цифровых активах.

7. Цифровизация государственных и муниципальных закупок.

Круглый стол был разделен на 4 основные части:

- панельная дискуссия «Современные проблемы государственного регулирования цифровой экономики: опыт России и зарубежных стран»;
- интерактивная дискуссия «Правовое регулирование цифровой экономики в отдельных сферах общественных отношений»;
- панельная дискуссия «Современные тенденции цифровизации государственного управления. Криптовалюта и блокчейн: проблемы правового регулирования. Российский и зарубежный опыт правового регулирования в сфере цифровых технологий»;
- интерактивная дискуссия «Правовое регулирование отдельных видов криптовалютной деятельности и технологий блокчейн. Развитие правового регулирования цифровой экономики в предпринимательской деятельности и в международных отношениях».

В работе круглого стола приняли участие более 80 человек — ученые и практики, как юристы, так и экономисты.

25 ФЕВРАЛЯ

Очередное заседание Ученого совета

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета.

Проректор по научной работе **Владимир Синюков**, а также директор Научно-исследовательского института МГЮА **Сергей Зенин** рассказали о научно-исследовательской работе в 2018 г.

Актуальные проблемы гражданского права

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО СОВМЕСТНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА ПРИМЕРЕ КАРШЕРИНГА¹

Аннотация. В настоящее время развиваются отношения цифровой экономики, общество стремительно движется в цифровую эпоху. В то же время проблемы экологии и ограниченные ресурсы постепенно меняют отношение к культуре их потребления: наметилась тенденция перехода от потребительского общества к экономике совместного потребления (*sharing economy*), характеризующейся коллективным использованием товаров и услуг. Эти тенденции проявляются в различных сферах, в том числе в сфере транспортной инфраструктуры. В настоящее время каршеринг определяется как вид краткосрочной аренды автомобилей. Законодатель не дает определения того, к какому виду договора аренды можно отнести каршеринг, не дает ясности и анализ договоров, которые предлагается заключать с шеринговыми компаниями. Договор каршеринга предлагают рассматривать в качестве договора проката, договора аренды транспортных средств без экипажа, как смешанный или как непоименованный договор, что требует более подробного изучения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: каршеринг, договор, обязательство, смарт-контракт, экономика совместного потребления, цифровая экономика, прокат, аренда транспортных средств, непоименованный договор, смешанный договор, гражданско-правовая ответственность, страхование.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.025-032

**Ирина Зориктуевна
АЮШЕЕВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

izayusheeva@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16054.

I. Z. AIUSHEEVA,

Associate Professor of the Department
of the Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Law, Associate Professor
izayusheeva@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CIVIL LAW REGULATION OF CAR SHARING

Abstract. *The digital economy is currently evolving, society is rapidly moving into the digital age. At the same time, environmental problems and limited resources are gradually changing their attitudes toward their consumption culture: there has been a tendency to shift from a consumer society to a sharing economy, characterized by the collective use of goods and services. These trends are manifested in various areas, including in the field of transport infrastructure. Currently, car sharing is defined as a type of short-term car rental. The legislator does not provide a definition of what type of lease agreement can be attributed to car sharing, does not provide clarity and analysis of the contracts that are proposed to be concluded with the sharing companies. The car sharing agreement is proposed to be treated as a rental agreement, a non-crewed rental agreement, as a mixed or as an unnamed agreement, which requires a more detailed study of the indicated problem.*

Keywords: *car sharing, contract, commitment, smart contract, sharing economy, digital economy, rental, rental of vehicles, unnamed contract, mixed contract, civil liability, insurance.*

Современный этап развития общественных, в том числе экономических, отношений характеризуется существенным изменением традиционных и появлением новых, ранее неизвестных институтов, что, с одной стороны, обусловлено стремительным развитием в начале XXI в. технологий, повсеместным внедрением их в повседневную жизнь, с другой — усилением кризисных явлений в экономике, экологии, в иных сферах человеческой жизнедеятельности. Стоящие перед человечеством проблемы требуют комплексного разрешения, поиск путей их преодоления имеет существенное значение для развития всего общества.

В настоящее время развиваются отношения цифровой экономики, общество стремительно движется в цифровую эпоху. В то же время проблемы экологии и ограниченные ресурсы постепенно меняют отношение к культуре их потребления: наметилась тенденция перехода от потребительского общества к экономике совместного потребления (sharing economy), характеризующейся коллективным использованием товаров и услуг. Эти тенденции проявляются в различных сферах, в том числе в сфере транспортной инфраструктуры.

В первую очередь с экологическими проблемами и ограниченностью ресурсов столкнулись жители больших городов, в том числе Москвы. Постановлением Правительства Москвы от 02.09.2011 № 408-ПП была утверждена Государственная

программа города Москвы «Развитие транспортной системы»². В данном акте были отмечены проблемы транспортной отрасли города Москвы (по состоянию на конец 2011 г.), в том числе плотность населения города Москвы; плотность улично-дорожной сети, а также другие проблемы. В подпрограмме «Общественный транспорт «Наземный городской пассажирский транспорт»» (п. 7.2 Государственной программы города Москвы «Развитие транспортной системы») было указано, что организована работа 5 компаний, предоставляющих услугу каршеринга.

В 2017 г. совершено около 5,6 млн поездок на автомобилях в рамках предоставления услуги каршеринга. Правительство Москвы из бюджета города возмещает часть затрат на уплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) легковых автомобилей, предназначенных для осуществления таксомоторных перевозок или предоставления услуги каршеринга, и (или) часть затрат на уплату процентов по кредитным договорам, заключенным с целью приобретения легковых автомобилей, предназначенных для осуществления таксомоторных перевозок или предоставления услуги каршеринга.

В Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года³ прогнозируется дальнейшее развитие сервисов общего пользования автомобилем, которые удовлетворяют потребности пользователей в осуществлении перевозок без личного владения автомобилем и позволяют избежать издержек владения транспортным средством (уплата транспортного налога, затраты на техническое обслуживание, ремонт и др.). К таким сервисам относятся каршеринг и райдшеринг, приложения для заказа такси через мобильное устройство и др. Как отмечается в Стратегии, к 2030 г. доля легковых автомобилей общего пользования может достичь 9 % общего объема продаж в мире (10 млн автомобилей общего пользования, 115 млн автомобилей всего в 2030 г.). По экспертным оценкам, перспективы развития российского рынка предполагают увеличение доли автомобилей, используемых в рамках каршеринга, до 10 % к 2025 г., что составит более 200 тыс. штук⁴.

Таким образом, запуск проекта каршеринга рассматривается как один из вариантов решения транспортной проблемы⁵, признается важность развития каршеринговых компаний и соответствующих рынков в целях экономии ресурсов, снижения транспортной загруженности, снижения количества личного транспорта на улицах города.

² Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 51.

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 831-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2804.

⁴ Подраздел 3 «Внедрение сетевых (телекоммуникационных) технологий в транспортных системах» разд. IV «Глобальные тренды в мировой автомобильной отрасли» Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года.

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в г. Москве «О деятельности Уполномоченного по правам человека в городе Москве, о соблюдении и защите прав, свобод человека и гражданина в 2015 году» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Указанные социально-экономические аспекты актуальности выбранной для исследования темы обуславливают необходимость ее теоретического осмысления, построения адекватного механизма правового регулирования возникающих отношений, в том числе определения особенностей их гражданско-правового регулирования (определение договорных конструкций, опосредующих отношения по поводу каршеринга автомобилей, их природы и содержания; проблемы определения условий привлечения к гражданско-правовой ответственности за причиненный вред при использовании каршеринговых автомобилей и т.п.).

В настоящее время каршеринг определяется как вид краткосрочной аренды автомобилей, а райдшерингом признается совместное использование частного автомобиля с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков⁶.

При этом специальные нормы гражданского законодательства о каршеринге отсутствуют, нет четкого определения того, к какому виду договора аренды можно отнести каршеринг, не дает ясности и анализ договоров, которые предлагается заключать с каршеринговыми компаниями.

Например, на сайте компании «Яндекс.Драйв» указывается, что использование сервиса регулируется Условиями использования сервиса «Яндекс.Драйв», а также документами ООО «Яндекс»: Пользовательским соглашением сервисов «Яндекса», Лицензией на использование поисковой системы «Яндекса», Политикой конфиденциальности (далее вместе — Регулирующие документы), Лицензионным соглашением на использование программы «Яндекс.Драйв» для мобильных устройств, Условиями подписки на «Яндекс.Плюс», а также документами ООО «Яндекс.Драйв» — Договором аренды транспортного средства⁷.

Компании «You Drive», «Anytime» предлагают заключить договор аренды транспортного средства без экипажа⁸.

На сайте компании «Belka car» размещен договор присоединения⁹, компания «Делимобиль» также предлагает заключить договор присоединения, в котором указано, что этот договор не является прокатом и публичной офертой¹⁰. Соглашение о присоединении к договору каршеринга размещено и на сайте компании «Car 5»¹¹.

В целом анализ существующих положений нормативных актов и различных договоров по каршерингу позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время нет единства мнений относительно природы заключаемого договора. Чаще всего сами каршеринговые компании относят его к договорам аренды транспортных средств без экипажа, предусмотренным § 3 гл. 34 Гражданского кодекса РФ¹²

⁶ Подраздел 3 «Внедрение сетевых (телекоммуникационных) технологий в транспортных системах» разд. IV «Глобальные тренды в мировой автомобильной отрасли» Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года.

⁷ URL: https://yandex.ru/legal/drive_termsfuse/ (дата обращения: 17.10.2018).

⁸ URL: <http://youdrive.today/oferta> (дата обращения: 17.10.2018) ; Anytime // URL: <https://anytimecar.ru/files/docs/anytime.contract.20180921.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

⁹ URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf?v=3.04.05> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁰ URL: <https://delimobil.ru/delimobilcontract> (дата обращения: 17.10.2018).

¹¹ URL: <https://car5.ru/uploads/docs/aa/doc4.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

¹² Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

(такая же точка зрения высказывалась и в литературе¹³); к договорам присоединения (ст. 428 ГК РФ) или к смешанным договорным типам (ст. 421 ГК РФ) с элементами аренды транспортных средств и элементами договора оказания услуг.

В постановлении Правительства Москвы «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» каршеринг называется услугой по предоставлению легковых автомобилей в краткосрочную (до 24 часов) аренду на основе поминутной тарификации физическим лицам для целей, не связанных с осуществлением такими физическими лицами предпринимательской деятельности¹⁴.

Однако практически все каршеринговые компании придерживаются позиции, что указанные договоры нельзя отнести к такой разновидности договора аренды, как прокат, либо прямо указывают в договоре, что он не относится к публичной оферте.

Не все пользователи, однако, согласны с этим. В настоящее время Лефортовским районным судом города Москвы рассматривается дело № 02-3451/2018 по иску И. Р. Сетдинова к ООО «Новые транспортные системы», АО «Каршеринг», ООО «Каршеринг Руссия», ООО «ИЗИ РАЙД», ООО «Яндекс.Драйв», ООО «ЭНИ-ТАЙМ», ООО «БИПМАШИН» о защите прав потребителей¹⁵.

Ильяс Сетдинов утверждает, что договоры, заключаемые с каршеринговыми компаниями, являются публичными договорами проката¹⁶, к указанным отношениям должны применяться положения Закона о защите прав потребителей¹⁷. Так, со ссылкой на положения ст. 426 и 626 ГК РФ автор блога приводит доводы в пользу своей позиции, указывая, что отказ в заключении договора каршеринга на основании возраста и стажа незаконен; цена должна быть одинаковой; отказ возможен только в случаях, указанных в законе. Все операторы каршеринга, ока-

¹³ Анищенко А. Каршеринг или аренда авто? // Практический бухгалтерский учет. 2017. № 12. С. 76—80.

¹⁴ Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП (ред. от 14.06.2018) «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» (вместе с Порядком предоставления субсидий из бюджета города Москвы юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим таксомоторные перевозки и (или) предоставляющим услугу каршеринг в городе Москве, в целях возмещения части затрат на уплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) легковых автомобилей, предназначенных для осуществления таксомоторных перевозок или предоставления услуги каршеринг, и (или) части затрат на уплату процентов по кредитным договорам, заключенным с целью приобретения легковых автомобилей, предназначенных для осуществления таксомоторных перевозок или предоставления услуги каршеринг») // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 50.

¹⁵ Суды общей юрисдикции города Москвы. Официальный портал. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁶ Сетдинов И. Шеринг-экономика только для опытных. Как я подал в суд на каршеринг // Трушеринг. URL: <https://truesharing.ru/b/10970/> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁷ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.06.2018) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

зывающие предпочтение одним водителям перед другими, нарушают условия, прописанные в ГК РФ для оказания этих услуг. А занимаются они именно сдачей в аренду автомобилей (движимых вещей), исходя из данных, указанных при регистрации юридического лица (основной вид деятельности для многих каршеринговых компаний). По мнению истца, ссылки на § 3 гл. 34 ГК РФ не исключают действие предыдущих статей (о договоре проката, например). Соответственно, все условия, противоречащие законодательству, в договоре недействительны согласно ст. 16 Закона о защите прав потребителей¹⁸.

Указание на то, что договор каршеринга можно считать договором проката, а физических лиц-арендаторов, пользующихся услугой, — потребителями, права которых находятся под защитой Закона о защите прав потребителей, встречается и в юридической литературе¹⁹.

Таким образом, анализ практики применения норм гражданского права в сфере каршеринга позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время не сложилось единого понимания природы исследуемых отношений, в законодательстве отсутствуют специальные нормы о договоре каршеринга, не выработана единая позиция в судебной практике по спорным вопросам о правовой природе заключаемого договора, его содержании, хотя такая необходимость назрела.

В настоящее время договор каршеринга невозможно отнести в чистом виде ни к одному из поименованных в законе видов договоров аренды либо к договору оказания возмездных услуг.

Так, по договору проката арендодатель, осуществляющий сдачу имущества в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности, обязуется предоставить арендатору движимое имущество за плату во временное владение и пользование, данный договор является публичным договором. При этом согласно абз. 2 п. 1 ст. 426 ГК РФ лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами. В публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории. Иные условия публичного договора не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения, за исключением случаев, если законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей (п. 2 ст. 426 ГК РФ).

Думается, что ограничения или запреты в возможности заключения договора каршеринга либо в возможности установления разного размера арендной платы в зависимости от особенностей арендатора (возраст, стаж вождения, история привлечения к ответственности за нарушение правил дорожного движения и т.п.) могут быть обоснованы спецификой объекта аренды — автомобиля, деятельность по эксплуатации которого относится к источникам повышенной опасности, что существенно влияет на условия привлечения к ответственности за вред,

¹⁸ *Сетдинов И.* Указ. соч.

¹⁹ *Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32—36.

причиненный третьим лицам, а также обуславливает повышенные требования к безопасности дорожного движения. Однако в действующем законодательстве нет соответствующих норм, позволяющих оказывать предпочтение тем или иным потребителям при заключении договора каршеринга в случае признания его договором проката.

Кроме того, установленные законом права и обязанности сторон по договору проката не во всех случаях подходят к правам и обязанностям, вытекающим из существа договора каршеринга. В частности, речь идет о положениях ст. 627, 628 ГК РФ, согласно условиям которых арендатор вправе отказаться от договора проката в любое время, письменно предупредив о своем намерении арендодателя не менее чем за 10 дней (п. 3 ст. 627 ГК РФ), а арендодатель, заключающий договор проката, обязан в присутствии арендатора проверить исправность сдаваемого в аренду имущества, а также ознакомить арендатора с правилами эксплуатации имущества либо выдать ему письменные инструкции о пользовании этим имуществом (ст. 628 ГК РФ). Специфика заключения каршерингового договора, его исполнения и прекращения связывается с использованием новых технологий: договор каршеринга на современном этапе является примером смарт-контракта, который заключается и прекращается дистанционно путем регистрации пользователя в соответствующей программе (приложении), в связи с чем между пользователем такого приложения и каршеринговой компанией возникает одновременно целый ряд обязательств из лицензионных и пользовательских соглашений. На этом же основании не вполне соответствует практике расчетов по договору каршеринга и условие п. 3 ст. 630 ГК РФ, согласно которому взыскание с арендатора задолженности по арендной плате производится в бесспорном порядке на основе исполнительной надписи нотариуса. По условиям договора каршеринга при регистрации пользователя в соответствующем приложении к личному кабинету пользователя привязываются данные его счета, с которого денежные средства подлежат списанию автоматически при наличии соответствующих оснований.

Точно так же действующие положения ГК РФ о договоре аренды транспортного средства без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации не в полной мере подходят для целей правового регулирования отношений каршеринга. Так, например, согласно ст. 644 ГК РФ арендатор в течение всего срока договора аренды транспортного средства без экипажа обязан поддерживать надлежащее состояние арендованного транспортного средства, включая осуществление текущего и капитального ремонта, а в ст. 645 ГК РФ закреплено правило о том, что арендатор своими силами осуществляет управление арендованным транспортным средством и его эксплуатацию, как коммерческую, так и техническую. Не вполне соответствует существу деятельности каршеринговых компаний и положение ст. 648 ГК РФ о том, что ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием, несет арендатор.

Сам смысл договора аренды транспортных средств заключается в том, что имущество передается прежде всего во владение и пользование арендатору, который по общему правилу получает также ограниченную возможность распоряжаться объектом аренды, извлекать из него выгоду, использовать по своему усмотрению в течение всего срока действия договора. Однако существо карше-

ринговых отношений не дает (и не должно давать) такой возможности пользователю. В договорах каршеринга всегда жестко ограничиваются территория использования автомобиля, возможность парковки транспортных средств (запрещено парковать на закрытых территориях, например), кроме того, арендодатель имеет техническую возможность отследить перемещение автомобиля и заглушить его двигатель дистанционно.

По сути, предоставляется возможность только лишь ограниченного пользования автомобилем. С учетом специфики возникающих отношений также вряд ли целесообразно возлагать ответственность за вред, причиненный автомобилем как источником повышенной опасности, на пользователя, исключая ответственность собственника. Очевидно, перед третьими лицами должен отвечать собственник вещи, который имеет право взыскать убытки в рамках заключенного договора с арендатора при наличии его вины в причинении вреда.

Таким образом, договор каршеринга сегодня без внесения соответствующих изменений в нормы ГК РФ нельзя обозначить ни в качестве договора проката, ни в качестве договора аренды транспортного средства без экипажа. Этот договор, тяготеющий к конструкции арендного обязательства, тем не менее может содержать в себе и элементы иных договоров (пользование сервисом, парковка, страхование и т.п.), которые при этом вряд ли можно назвать главными конституирующими элементами договорной конструкции каршеринга. Возможно, впоследствии будет сформирована определенная группа договоров, опосредующих отношения экономики совместного потребления в век новых технологий, когда каршеринг не будет рассматриваться арендой в чистом виде и к регулированию соответствующих отношений положения о данном договоре будут применяться лишь по аналогии либо указанный договор будет признан самостоятельным видом договора аренды. В настоящее время разумно предположить, что к отношениям каршеринга могут быть применены общие положения о договоре аренды с учетом действия принципа свободы договора.

При этом в связи со спецификой потребительских целей заключения договора каршеринга к рассматриваемым отношениям могут быть применены положения законодательства о защите прав потребителей в случае их нарушения. Однако в настоящее время в связи с отсутствием императивных норм гражданского законодательства о договоре каршеринга сложно оценить объем обязанностей каршеринговых компаний и пределы действия принципа свободы договора в этой сфере, что также требует дальнейшего осмысления и поиска путей решения обозначенной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анищенко А.* Каршеринг или аренда авто? // Практический бухгалтерский учет. — 2017. — № 12. — С. 76—80.
2. *Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. — 2018. — № 7. — С. 32—36.

СТРАХОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

***Аннотация.** В статье сделана попытка определить наиболее значимые проблемы страхования профессиональной ответственности на современном этапе и пути их преодоления с целью формирования самостоятельного вида страхования ответственности. Необходимость введения общих норм страхования профессиональной ответственности обосновывается отличиями такого договора от договоров страхования договорной и деликтной ответственности как комплексного, имеющего особенности в субъектном составе, страховом интересе, страховом риске договора. Формирование специального законодательства по страхованию профессиональной ответственности отдельных субъектов является необходимым элементом системы страхования профессиональной ответственности в силу значительных особенностей осуществления различных видов профессиональной деятельности: степени страхового риска, видов последствий ненадлежащего исполнения обязанностей, доказуемости наступления страхового случая, исчисления размера страхового возмещения. Введение обязательного страхования профессиональной ответственности возможно только при значительной степени формализации (стандартизации) процесса осуществления профессиональной деятельности. В статье также отстаивается мысль о том, что по договору обязательного страхования профессиональной ответственности подлежит страхованию интерес выгодоприобретателя, которым является лицо, в пользу которого осуществлялись действия профессионального субъекта, а также третьих лиц, которым может быть причинен вред ненадлежащим исполнением.*

***Ключевые слова:** страхование профессиональной ответственности, страхование договорной ответственности, страхование ответственности за причинение вреда, объект страхования, страховой интерес, страховой риск, страховой случай, выгодоприобретатель, страхователь.*

**Наталья
Владимировна
ВАСИЛЕНКО,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
nvvasilenko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.033-045

N. V. VASILENKO,

Associate Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Law, Associate Professor
nvvasilenko@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PROFESSIONAL LIABILITY INSURANCE: NEW HORIZONS

Abstract. *The article attempts to identify the most significant problems of professional liability insurance at the present time and ways to overcome them in order to form an independent type of liability insurance. The need to introduce general norms of professional liability insurance is justified by the differences of such a contract with insurance contracts of contractual and tort liability, as a complex, having features in the subject composition, insurable interest, insurance risk of the contract. Formation of special legislation on professional liability insurance of individual subjects is a necessary element of the professional liability insurance system due to the significant features of the implementation of various types of professional activity: the degree of insurance risk, the types of consequences of improper performance of duties, the provability of the insurance case, the calculation of the amount of insurance compensation. The introduction of compulsory professional liability insurance is possible only with a significant degree of formalization (standardization) of the professional activity process. The article also defends the idea that under a compulsory professional liability insurance contract the beneficiary's interest is insured, the person's in whose favor the actions of the professional subject were carried out as well as the third parties which may be harmed by improper performance.*

Keywords: *professional liability insurance, contractual liability insurance, liability insurance for injury, insurance object, insurance interest, insurance risk, insurance case, beneficiary, insurer.*

Распоряжением Правительства РФ от 25.09.2002 № 1361-р¹ была утверждена Концепция развития страхования в Российской Федерации, в которой указывалось на необходимость развития страхования профессиональной ответственности. Причинами такой ориентации стали динамично меняющаяся экономическая ситуация в стране, выход отечественных страховых компаний на международный рынок, появление новых видов профессиональной деятельности и новых видов страховых продуктов. Кроме того, страхование профессиональной ответственности за рубежом давно и эффективно защищает интересы заинтересованных лиц в различных сферах профессиональной деятельности.

¹ СЗ РФ. 2002. № 39. Ст. 3852.

Как отмечается в литературе с учетом иностранной практики, «страхование профессиональной ответственности преследует две цели»²: защитить клиента от неплатежеспособности субъекта профессиональной деятельности, причинившего убытки, и уберечь данного субъекта от разорения в случае совершения профессиональной ошибки.

На сегодняшний день нормотворчество и научные исследования по данному вопросу значительно продвинулись. Законодательно закреплены такие виды обязательного страхования профессиональной ответственности, как страхование ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой³; страхование ответственности туроператора по договору о реализации туристского продукта⁴; страхование ответственности кадастрового инженера перед заказчиком кадастровых работ⁵; страхование профессиональной ответственности оценщика⁶; страхование ответственности арбитражного управляющего⁷. Добровольно могут страховать свою ответственность адвокаты⁸ и аудиторы за нарушение договора об оказании аудиторских услуг⁹. Вместе с тем институт страхования профессиональной ответственности в Российской Федерации нельзя назвать сформировавшимся. Вопрос о необходимости выделения страхования профессиональной ответственности в качестве вида страхования гражданской ответственности не нашел еще своего разрешения в доктрине.

Отсутствует нормативный материал, который определял бы общие параметры страхования профессиональной ответственности. Отдельные законодательные акты отличаются бессистемностью. Особо следует подчеркнуть разнообразные подходы в правилах страхования различных страховщиков и противоречивость правоприменительной практики. Так, потребность гарантировать свои обязательства перед контрагентами и запрет страховать ответственность по договору в случаях, не предусмотренных в законе, порождают на практике заключение договоров страхования деликтной ответственности (в обход закона), предпринимательских рисков или страхования имущества с целью покрытия рисков на-

² Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 280—281.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

⁴ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

⁵ Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

⁶ Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

⁷ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁸ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁹ Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

ступления ответственности за нарушение договора. Единообразие в судебной практике по данному вопросу отсутствует.

Ряд судов признает договоры страхования деликтной ответственности в обход запрета страхования договорной ответственности действительными сделками¹⁰, другие квалифицируют их как притворные сделки, совершенные с целью прикрыть подразумеваемый сторонами договор страхования профессиональной ответственности¹¹.

Отметим, что проблемы правоприменения являются следствием отсутствия законодательной регламентации и доктринального единодушия по целому перечню принципиальных для страхования профессиональной ответственности следующих вопросов.

1. Определение профессиональной деятельности. Непонятно, относится ли к профессиональной деятельности таких субъектов, как перевозчик, депозитарий, эмитент облигаций с ипотечным покрытием, клиринговые и микрофинансовые организации, организатор публичных торгов или застройщик по договору долевого участия в строительстве? В доктрине имеется даже спорное мнение о необходимости отнесения к профессиональным субъектам лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность¹².

Некоторые выделяют профессиональных субъектов по критерию возможности страхования ответственности по договору¹³. К таким субъектам (кроме перечисленных выше) относятся: управляющий ипотечным покрытием, специализированный депозитарий и регистратор перед владельцами ипотечных ценных бумаг, специализированный депозитарий и управляющая компания накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, туроператор, а также кредитные кооперативы за нарушение договоров, на основании которых привлекаются денежные средства пайщиков, оператор по приему платежей физических лиц и др.

¹⁰ См.: Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.04.2010 № 16996/09 по делу № А43-27008/200839-731 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2017 по делу № А40-237636/16 (оставлено в силе Арбитражным судом Московского округа и Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Высшего Арбитражного Суда № 16996/09 от 13.04.2010); определение Верховного Суда РФ от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Романова И. Н. К вопросу о страховании ответственности за вред, причиненный окружающей природной среде при осуществлении предпринимательской деятельности // Юрист. 2016. № 9. С. 30—32.

¹³ См., например: Дедиков С. В. Научно-практический комментарий к гл. 48 «Страхование» ГК РФ. Статья 932 // Юридическая и правовая работа в страховании. 2010. № 3. С. 51—58; Самохвалов А. С. Страхование профессиональной ответственности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.

Однако применение данного критерия не оправданно, так как ответственность субъекта, осуществляющего профессиональную деятельность, может наступить как перед клиентом (заказчиком услуги), так и перед третьими лицами, а главное — осуществление профессиональной деятельности происходит как посредством установления договорных связей, так и без них (например, осуществление деятельности медицинскими работниками).

В Федеральном законе «О потребительском кредите (займе)»¹⁴ содержится определение профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов. В Модельном законе о рынке ценных бумаг¹⁵ есть определение профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Ввиду того, что данные понятия были закреплены только для целей вышеуказанных нормативных правовых актов, на их основе невозможно сформулировать межотраслевое определение профессиональной деятельности. Кроме того, следует учитывать, что любая профессиональная деятельность имеет свою специфику, что затрудняет понимание общих, характерных для любой профессиональной деятельности признаков. В доктрине можно встретить следующее определение профессиональной деятельности: «это осуществляемая в определенной профессиональной сфере разновидность человеческой деятельности на основе комплекса знаний, умений и навыков, составляющих компетенцию субъекта такой деятельности, направленная на достижение запланированных результатов, и являющаяся, как правило, основным источником дохода субъекта профессиональной деятельности»¹⁶.

Можно добавить, что комплекс знаний, умений и навыков должен подтверждаться документально (например, дипломом о высшем образовании, сертификатом допуска к определенным видам деятельности, возможно, опытом работы по профессии и др.) и представлять сложность для оценки существа совершаемых профессионалом действий, в силу чего заказчик (услуг, работ) не в состоянии определить в ходе осуществления такой деятельности степень ее качества. В определенных случаях требуется также членство в СРО и отсутствие медицинских противопоказаний.

Следует указать также на то, что страхование профессиональной ответственности призвано защитить интересы слабой стороны в правоотношении, которая вынуждена полагаться на профессионализм контрагента. В литературе не все поддерживают данное мнение, считая, что «посредством страхования профессиональной ответственности осуществляется защита имущественных интересов причинителя вреда»¹⁷. Автор приведенного высказывания отстаивает позицию,

¹⁴ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

¹⁵ Принят в г. Санкт-Петербурге 24.11.2001 постановлением № 18-7 на 18-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2002. № 28. С. 125—162.

¹⁶ Козачкова Д. С. О понятии профессиональной деятельности // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2016. Вып. 24. С. 55.

¹⁷ Луговец В. Я. Защита имущественных интересов субъектов посредством страхования профессиональной ответственности // Власть Закона. 2015. № 2. С. 92.

согласно которой страхование является способом защиты гражданских прав¹⁸. Учитывая, что данный вид страхования осуществляется на случай причинения вреда в результате противоправных действий застрахованного лица, можно говорить о страховании как способе защиты нарушенных прав исключительно контрагента профессионального субъекта.

2. Определение правового статуса субъектов профессиональной деятельности. Необходимо отметить противоречивость в вопросе возможности страхования профессиональной ответственности юридических лиц. Позиция, исходя из которой только физические лица могут застраховать свою профессиональную ответственность, так как организации не обладают профессией, основывается на письме Министерства финансов РФ от 23.10.1997 № 24-11/05 «Об упорядочении проведения страхования профессиональной ответственности отдельных категорий работников»¹⁹.

В документе указывается, что «в соответствии со ст. 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный работником юридического лица при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, возмещает юридическое лицо. Исходя из этого, юридическое лицо вправе застраховать свою гражданскую ответственность перед третьими лицами за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Данный вид страхования в соответствии с Классификацией относится к страхованию иных видов ответственности» (абз. 3). Профессиональная ошибка работника может повлечь неблагоприятные последствия для третьих лиц, однако ответственность у него перед этими лицами не возникнет, поскольку по закону возложена на работодателя.

В доктрине существуют различные мнения по поводу субъектов профессиональной ответственности. Чаще высказываются позиции нежелательности ограничения субъектного состава на стороне страхователя в данном виде страхования только физическими лицами²⁰. В качестве аргументов приводятся следующие:

- в Гражданском кодексе РФ и в Законе РФ «Об организации страхового дела»²¹ отсутствует запрет страховать гражданскую ответственность юридических лиц;
- в действующем законодательстве уже реализована позиция о возможности страхования профессиональной ответственности юридических лиц. Например, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»²² туроператорская деятельность — деятельность по формированию, продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом;

¹⁸ Луговец В. Я. Указ. соч. С. 95.

¹⁹ Экономика и жизнь. 1997. № 46.

²⁰ См. например: *Долотина Р. Р.* Правовое регулирование обязательного страхования профессиональной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 6 ; *Ножкина А. А.* Страхование профессиональной ответственности в системе существующих видов страхования // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10.— С. 1254—1263.

²¹ Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 // Российская газета. 12.01.1993. № 6.

²² Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

- так как юридическое лицо является фикцией, любой вид экономической деятельности осуществляют работники организации. Согласно ст. 402 ГК РФ действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника. А в соответствии со ст. 403 ГК РФ должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение, если законом не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо;
- страхование профессиональной ответственности юридических лиц необходимо для соблюдения баланса интересов и недопущения ущемления прав выгодоприобретателя как слабой стороны.

Однако страхование профессиональной ответственности связано в первую очередь с возможностью допущения субъективной ошибки конкретным профессиональным субъектом в силу недостатка компетентности, невнимательности либо иных личностных причин. Поэтому заслуживает внимания мнение Л. В. Балашовой, которая считает, что «ответственность за качество выполняемой профессиональной функции застрахованного лица строго персонифицирована, поскольку критерий правовой оценки последствий его деловой активности и, соответственно, степени страхового риска основывается не только на характеристике выполняемой работы, но и непосредственно связан с психофизическим аспектом трудоспособности застрахованного лица»²³.

Именно причины возникновения ответственности побуждают согласиться с необходимостью применения страхования профессиональной ответственности исключительно к физическим лицам. Обязательное участие в качестве членов саморегулируемых организаций лиц определенных профессий (например, оценщиков, арбитражных управляющих) не создает предпосылки для страхования профессиональной ответственности самих организаций.

Проблемный вопрос о страховании профессиональной ответственности юридических лиц может разрешаться аналогично со страхованием ответственности адвоката. Адвокатские объединения выступают как налоговые агенты²⁴. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» устанавливает, что «члены коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов» (п. 12 ст. 22); это же правило распространяется на адвокатское бюро (п. 2 ст. 23).

Однако, на наш взгляд, отсутствуют препятствия в выступлении юридического лица (по аналогии с налоговым агентом) в качестве страхователя по договору страхования профессиональной ответственности конкретного субъекта профессиональной деятельности, в том числе и по договорам коллективного страхования. Например, в договорах страхования профессиональной ответственности адвоката страхование от лица адвокатского объединения создаст дополнительные пре-

²³ Балашова Л. В. Гражданско-правовое регулирование договора страхования профессиональной ответственности в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 45.

²⁴ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». П. 13 ст. 22 // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

имущества по охвату застрахованных лиц, получению, возможно, более льготных условий страхования и формированию положительного имиджа объединения.

3. Ключевым вопросом в существующем сегодня доктринальном споре о целесообразности выделения страхования профессиональной ответственности в качестве вида страхования ответственности следует указать вопрос о понятии и видах профессиональной ответственности.

Профессиональная ответственность — это юридическая ответственность, возникающая в связи с ненадлежащим исполнением профессиональным субъектом своих профессиональных обязанностей.

Профессиональная ответственность по своему характеру может быть административной, уголовной, гражданско-правовой, а также дисциплинарной. Аннулирование лицензии, фактический запрет на занятие профессиональной деятельностью, прекращение статуса адвоката — вот только некоторый перечень последствий ненадлежащего исполнения профессиональным субъектом своих обязанностей.

При этом следует отметить, что профессиональная ответственность может наступить и в тех случаях, когда отсутствует имущественный вред, причиненный клиенту. Например, если оказание медицинских услуг осуществлено с нарушением Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг²⁵, не повлекшим причинение имущественного вреда или вреда жизни и здоровью, может последовать дисциплинарная ответственность или ответственность в виде возмещения морального вреда.

Нарушение Правил осуществления различных видов деятельности не приводит к возникновению самостоятельного вида ответственности, а только создает основания для формальной оценки соответствия осуществляемых действий установленным стандартам для констатации факта вины субъекта профессиональной деятельности. В отношении деятельности адвоката специальные правила разработаны в части соблюдения профессиональной этики²⁶. Природа таких правил сегодня определяется в доктрине по-разному: как моральная, корпоративная или как правовая. Установление ответственности за нарушение правил профессиональной этики в виде дисциплинарных взысканий, отстранения от осуществления деятельности придает данным нормам правовой оттенок.

Застраховать риски наступления уголовной или административной ответственности невозможно в силу п. 1 ст. 928 ГК РФ, дисциплинарной — в связи со значительным объемом последствий нематериального характера. Опосредованный неблагоприятный имущественный эффект в таких случаях не поддается исчислению и, соответственно, не может передаваться на страхование. Поэтому, когда речь идет о страховании профессиональной ответственности, подразумевается именно гражданско-правовая профессиональная ответственность.

²⁵ Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5628.

²⁶ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2 (ред. от 20.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

В свою очередь, гражданско-правовая ответственность подразделяется на договорную и деликтную. Возмещение ущерба может рассчитываться либо по нормам гл. 25 Гражданского кодекса РФ, либо в соответствии с гл. 59 ГК РФ. Зачастую ответственность носит смешанный характер: «договорный характер — перед контрагентом по договору, деликтный — перед третьими лицами, которым из-за профессиональной ошибки может быть причинен вред»²⁷. Вследствие этого в доктрине применительно к данному виду страхования часто используется понятие комплексного договора.

Встает вопрос о соотношении понятий «смешанный договор» и «комплексный договор». Заслуживающей внимания представляется позиция Д. В. Огородова и М. Ю. Чельшева, согласно которой смешанный договор нужно отличать от комплексных договоров. «Комплексный договор — это сложный, многокомпонентный договор, прямо предусмотренный в нормах гражданского права и урегулированный ими (например, договор финансовой аренды). Хотя он может основываться на элементах простых традиционных договоров, но тем не менее строго формально он отнесен законодателем к самостоятельному договорному типу... Смешанный договор имеет место только тогда, когда участники гражданских правоотношений сами, своей согласованной волей смешивают (конструируют) условия договора, используя при этом элементы нормативно установленных договоров, включая комплексные»²⁸.

Судебная практика также разграничивает понятия «смешанный договор» и «комплексный договор». В определении Верховного Суда РФ от 08.10.2013 № 78-КГ13-27²⁹ была процитирована ст. 421 ГК РФ, после чего Суд указал, что гражданское законодательство допускает возможность заключения также комплексных договоров. В решении Верховного Суда РФ от 21.05.2014 № АКПИ13-1053 используется термин «комплексный договор» в значении договора, который является «основанием возникновения двух и более обязательств с единой хозяйственной целью»³⁰. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 13.04.2010 г. № 16996/09 по делу № А43-27008/200839-731 комплексным назвал договор страхования, который содержит признаки различных видов имущественного страхования³¹.

Вследствие этого необходимо сделать вывод о том, что договор страхования профессиональной ответственности должен быть закреплен в законодательстве как самостоятельный комплексный договор, имеющий индивидуализирующие его элементы, такие как страховой интерес, страховой риск, объекты страхования, субъекты страхового правоотношения.

Что же мы имеем сегодня? Страхование профессиональной ответственности сегодня осуществляется как по модели страхования ответственности за причи-

²⁷ Ножкина А. А. Страхование профессиональной ответственности в системе существующих видов страхования // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 47.

²⁸ Огородов Д. В., Чельшев М. Ю. Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 59.

²⁹ СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ СПС «КонсультантПлюс».

³¹ СПС «КонсультантПлюс».

нение вреда, так и по модели страхования договорной ответственности. Следует отметить, что ни одна, ни другая модель в полной мере не отвечает потребностям страхования профессиональной ответственности, хотя модель страхования договорной ответственности защищает интересы страхователя в большей мере, позволяя включать страховые риски уплаты неустойки и компенсации убытков, а не ущерба:

- страхование профессиональной ответственности возможно как в случаях осуществления профессиональной деятельности по договору, так и без заключения договора (медицинские работники, адвокаты, представляющие интересы подзащитных на безвозмездной основе, арбитражные управляющие и др.). Выбор в каждом конкретном случае модели страхования в зависимости от наличия или отсутствия разрешения страхования договорной ответственности не отвечает принципу равенства всех перед законом. Различны страховые риски, объемы возмещения, сроки исковой давности и др.;
- к страховым рискам по договорам страхования профессиональной ответственности относятся как риски наступления ответственности в связи с причинением вреда лицу, в отношении которого осуществлялась профессиональная деятельность, так и в связи с причинением вреда третьим лицам. Такая ответственность может быть застрахована по договору страхования деликтной ответственности, но не договорной;
- размер возмещения в случаях наступления профессиональной ответственности должен охватывать как реальный ущерб, так и упущенную выгоду, а также иные убытки, вплоть до компенсации морального вреда³², в том числе в случаях отсутствия прямого имущественного ущерба (при участии потребителей в правоотношении) и неустойки за ненадлежащее исполнение договора, а также в случаях, когда у контрагента не возникли убытки. Модели страхования деликтной и договорной ответственности не охватывают в полной мере перечисленные риски;
- следует признать, что по договору обязательного страхования профессиональной ответственности страхуется интерес не страхователя, а выгодоприобретателя, в силу социальной значимости такого вида страхования. Добровольное же страхование профессиональной ответственности не выходит за пределы страхования интереса застрахованного лица;
- страхование профессиональной ответственности определяет основания возникновения такой ответственности — причинение вреда в результате грубой неосторожности или небрежности. Вина в виде умысла исключается из оснований наступления ответственности вследствие отсутствия случайности страхового риска, а невиновное причинение вреда по обстоятельствам, за которые исполнитель не отвечает, не влечет возникновения ответственности, следовательно, не относится к страховым рискам. Учитывая особенности страхования профессиональной ответственности, обязательное страхование должно строиться без учета п. 1 ст. 963 ГК РФ. Вина страхователя не может

³² Подробнее о компенсации морального вреда в страховании профессиональной ответственности см.: *Мохов А. А., Капранова С. Ю., Акишева Г. Р.* Страхование профессиональной ответственности и компенсация морального вреда // Юрист. 2006. № 6.

являться основанием для отказа страховщика в выплате страхового возмещения, так как в этом случае будут ущемлены интересы выгодоприобретателей, чей страховой интерес и подлежит обязательному страхованию. Следует сконструировать дополнительную норму в ст. 963 ГК РФ, в соответствии с которой страховщик не освобождается от выплаты страхового возмещения по договору обязательного страхования профессиональной ответственности, если вред причинен по вине ответственного за него лица. Интересы страховщика в такой ситуации могут быть защищены правилами о суброгации (ст. 965 ГК РФ).

В связи с тем, что элементом страхового риска по договору страхования профессиональной ответственности является вина субъекта профессиональной деятельности, введение обязательного страхования профессиональной ответственности в отношении медицинских работников и адвокатов затруднено из-за отсутствия стандартов осуществления деятельности представителями этих профессий. Степень формализации деятельности имеет важное значение для определения наступления страхового случая. Из-за отсутствия о вещественного результата в договорах оказания различных услуг контроль качества сводится в первую очередь к соблюдению регламента деятельности.

Сегодня мы наблюдаем тенденцию к стандартизации деятельности медицинских работников³³, не за горами и стандартизация деятельности юристов. Сфера оказания правовых услуг готовится к реформированию: имеется проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи»³⁴; в Государственной Думе находится законопроект «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»³⁵. Целью реформирования является в том числе повышение качества оказания профессиональной юридической помощи. Данные документы закрепляют формальные критерии, которые являются недостающим звеном в вопросе обязательного страхования профессиональной ответственности данных субъектов.

Однако закрепление основных положений страхования профессиональной ответственности в гл. 48 ГК РФ и Законе РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», которые были бы применимы для любых профессиональных субъектов и объединений таких субъектов, не решит полностью проблему правового регулирования страхования профессиональной ответственности.

Дело в том, что субъекты различных профессий при осуществлении своей профессиональной деятельности находятся в различных по специфике условиях. Это касается способов оказания профессиональных услуг, возможности контроля действий исполнителя профессиональных услуг, последствий ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. Для определенных профессий

³³ Проект приказа Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 21.09.2018).

³⁴ URL: <http://minjust.ru/> (дата обращения: 24.10.2017).

³⁵ Проект федерального закона № 273154-7 // URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 27.09.2017).

последствия могут быть связаны с причинением вреда жизни и (или) здоровью гражданина (медицинские услуги), в других случаях — с возникновением неблагоприятных экономических последствий для заказчика или третьих лиц (услуги по оценке) или ухудшением иных качественных характеристик их существования (невозможность распоряжения имуществом в случае ненадлежащего осуществления нотариальных действий и т.д.).

Различен также уровень вероятности наступления неблагоприятных последствий оказания профессиональных услуг, т.е. степень риска, которая зависит от частоты совершения профессиональных ошибок субъектами профессиональной деятельности; доказуемости вины и последствий ненадлежащего исполнения обязанностей. Например, адвокатская практика показывает, что исход судебного разбирательства зависит, как правило, не только от адвоката, но и от многочисленных иных сопутствующих факторов, которые не позволяют в случае проигрыша процесса однозначно в качестве причины признавать вину защитника (представителя)³⁶.

Частота наступления событий, признаваемых страховыми случаями, и размер причиненного клиенту вреда зависят от уровня профессиональной компетенции субъекта; его личностных качеств; а также сферы применения профессиональных компетенций. Например, аудитор может иметь специализацию по профилю аудируемых организаций, что должно учитываться для расчета страхового тарифа.

В связи с этим представляется более эффективным формировать не только общую концепцию страхования профессиональной ответственности, а устанавливать и конкретные правила страхования профессиональной ответственности по отдельным видам профессиональной деятельности, учитывая особенности осуществления такой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балашова Л. В.* Гражданско-правовое регулирование договора страхования профессиональной ответственности в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 69 с.
2. *Дедиков С. В.* Научно-практический комментарий к гл. 48 «Страхование» ГК РФ. Статья 932 // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2010. — № 3. — С. 51—58.
3. *Жалинский А., Рерихт А.* Введение в немецкое право. — М., 2001. — 832 с.
4. *Козачкова Д. С.* О понятии профессиональной деятельности // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. — 2016. — Вып. 24. — С. 54—56.

³⁶ Подробнее о страховании профессиональной ответственности адвоката см.: *Михайлова А. С.* Гражданско-правовое регулирование страхования профессиональной ответственности адвокатов по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 71 с. ; *Михайлова А. С.* Страхование профессиональной ответственности адвокатов по законодательству РФ : монография / науч. ред. А. В. Барков. М. : Юрист, 2012. 184 с.

5. *Луговец В. Я.* Защита имущественных интересов субъектов посредством страхования профессиональной ответственности // *Власть Закона.* — 2015. — № 2. — С. 90—104.
6. *Михайлова А. С.* Страхование профессиональной ответственности адвокатов по законодательству РФ : монография / науч. ред. А. В. Барков. — М. : Юрист, 2012. — 184 с.
7. *Мохов А. А., Капранова С. Ю., Акишева Г. Р.* Страхование профессиональной ответственности и компенсация морального вреда // *Юрист.* — 2006. — № 6. — С. 36—40.
8. *Ножкина А. А.* Страхование профессиональной ответственности в системе существующих видов страхования // *Актуальные проблемы российского права.* — 2013. — № 10. — С. 45—49.
9. *Огородов Д. В., Чельшев М. Ю.* Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // *Законодательство и экономика.* — 2005. — № 10. — С. 56—61.
10. *Романова И. Н.* К вопросу о страховании ответственности за вред, причиненный окружающей природной среде при осуществлении предпринимательской деятельности // *Юрист.* — 2016. — № 9. — С. 30—32.
11. *Самохвалов А. С.* Страхование профессиональной ответственности : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — М., 2004. — 62 с.

**Ирина Юрьевна
ИЛЬИНА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
profirina29@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК, ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Аннотация. Статья посвящена преимущественным правам и интересам при недействительности сделок. Определено место преимущественных прав при недействительности сделок в системе преимущественных прав.

Ключевые слова: преимущественные права, интересы, недействительность сделок, преимущество, правовая конструкция, ущерб, признание сделки действительной, особые последствия недействительности, традиционные преимущественные права, правовая природа.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.046-053

I. Y. ILINA,

Associate Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Law, Associate Professor
profirina29@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE LEGAL NATURE AND FEATURES OF PREEMPTIVE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS IN CASE OF INVALIDITY OF DEALS, THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF MODERN PREEMPTIVE RIGHTS

Abstract. The article is devoted to preemptive rights and legal interests in case of invalidity of deals, the place of preemptive rights and legal interests in case of invalidity of deals is determined, their place in the system of modern preemptive rights.

Keywords: preemptive rights, legal interests, invalidity of deals, privilege, legal construct, damages, recognition of a deal as valid, special consequences of invalidity, traditional preemptive rights, legal nature.

Преимущественные права на современном этапе развития гражданского законодательства и гражданского права в целом имеют свои особенности в рамках конкретных правовых институтов гражданского права. При этом всем преимущественным правам присуща определенная правовая общность конструкции. В литературе существуют многочисленные попытки систематизации современных преимущественных прав. В данном случае представляется

целесообразным сконцентрироваться на преимущественных правах в сфере недействительности сделок и их особом месте в системе современных преимущественных прав.

Говоря о понятии преимущественных прав в целом, следует согласиться с дефиницией, предложенной еще В. П. Грибановым, который под преимущественными правами понимал такие случаи, когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками¹. Зададимся вопросом об особенностях проявления правовой природы преимущественных прав в сфере недействительности сделок и отдельных преимущественных правах при недействительности сделок. Одна из проблем состоит в том, что выделение преимущественных прав при недействительности сделок не характерно для традиционного понимания правовой сферы преимущественных прав, однако не противоречит общей их возможной дефиниции.

Если проблематика преимущественного права покупки постоянно находилась и находится в поле зрения ученых-цивилистов, то выделение преимущественных прав при недействительности сделок не совсем характерно для преобладающей правовой доктрины в силу определенных особенностей. Традиционные преимущественные права: преимущественное право покупки и его разновидности, преимущественные права на заключение договоров, преимущественные права в наследственном праве, постоянно находящиеся в поле зрения ученых², как представляется, однако они не исчерпывают правовую категорию преимущественных прав как закрепленных законом конкретных преимуществ одного участника правоотношения перед другим.

Представляется, что систему преимущественных прав нужно понимать более широко в современных условиях, особенно в связи с повышением практического значения охраняемых законом интересов как правовой категории и преимущественных интересов в частности. Предоставляемые законом преимущества определенным субъектам при недействительности сделок нельзя отнести строго к категории преимущественных прав в узком смысле. В то же время, если исходить из понятия, предложенного В. П. Грибановым, которое легло в определенной степени в основу отечественного учения о преимущественных правах, то права и интересы конкретных субъектов при недействительности сделок вполне укладываются в общую концепцию преимущественных прав, так как понятия «преимущественное право» и «преимущественный интерес» охватываются общим понятием «преимущество».

Не углубляясь в данной работе в правовую природу преимущественных прав и интересов в гражданском праве в целом, обратимся к преимущественным правам и интересам участников правоотношений в сфере недействительности сделок.

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 295—296.

² См. например: Леонова Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Санкина С. С. Преимущественные права и особенности их осуществления в процессе формирования договорных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Прежде всего следует обратить внимание, что преимущественными при недействительности сделок являются права и интересы недееспособных лиц. Специальный подход к обеспечению прав недееспособных лиц красной нитью проходит через правовые источники большинства отраслей российского права. Преимущество в данном случае выражается в двух аспектах. Во-первых, это необходимость возмещения понесенного реального ущерба недееспособной стороны в указанных в законе случаях. При этом проявление преимущественной природы прав и интересов недееспособных связано с фактором добросовестности либо недобросовестности другой стороны сделки, который базируется на принципах УНИДРУА³ и в современных гражданских правоотношениях приобретает все большее социально-юридическое значение при регулировании различных правовых институтов гражданского права.

Во-вторых, преимущество прав и законных интересов недееспособных выражается в том, что сделка может быть признана действительной судом при условии, что она привела или приведет в будущем к выгоде для недееспособного лица.

Безусловно, законодатель установил данную правовую конструкцию именно в таком виде, так как сделки недееспособных ничтожны. И если рассматривать такую ничтожную сделку в аспекте преимущественных прав с точки зрения бремени доказывания, то имеющаяся правовая конструкция обязывает законного представителя доказывать, что сделка совершена к выгоде недееспособного либо доказывать факт и размер причиненного реального ущерба. Таким образом, как конструкция преимущественных прав и законных интересов недееспособных, проявленная через право требования возмещения причиненного реального ущерба и через право требовать признания сделки действительной в судебном порядке, так и конструкция классических преимущественных прав (таких как преимущественное право покупки) перелагает бремя доказывания на заинтересованную сторону.

Если преимущественное право покупки В. И. Синайский справедливо относил к группе абсолютных прав, имеющих название прав присвоения, отмечая, что «при праве присвоения нет непосредственного господства над самой вещью, но есть право получить в собственность вещь»⁴, то преимущественные права при недействительности сделок, безусловно, носят относительный характер. Однако же следует отметить, что ряд авторов придерживается позиции, что преимущественные права всегда связаны со встречной обязанностью конкретного участника гражданского правоотношения⁵, тем самым относя их к относительным правам в целом. Следует сказать, что абсолютно-правовая природа характерна для большинства преимущественных прав. Так, праву участников долевой собственности корреспондирует обязанность неопределенного круга лиц воздержаться от нарушения данного права. При этом меры защиты и ответственности могут

³ URL: <http://www.convention.ru>.

⁴ Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 260.

⁵ Глушкова Е. А. Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 9.

быть применены к любому нарушителю права. Это касается и преимущественного права арендатора на заключение договора на новый срок и вытекающего из него требования о переводе на него прав и обязанностей арендатора на себя, и преимущественных прав покупки доли общества с ограниченной ответственностью его участником, и преимущественного права покупки акций непубличного акционерного общества его акционером, если оно предусмотрено уставом непубличного акционерного общества⁶.

Также абсолютна природа преимущественных прав вкладчиков в товариществе на вере (п. 4 ст. 85 ГК РФ⁷) при покупке доли в складочном капитале товарищества. Имеет место преимущественное право покупки пая в производственном кооперативе⁸. Абсолютная природа названных преимущественных прав в указанных случаях выражается прежде всего в том, что соответствующее требование может быть заявлено по отношению к любому нарушителю преимущественного права и не ограничивается участниками договорного или корпоративного правоотношения. Преимущественные права (преимущества), принадлежащие недееспособному лицу, при недействительности сделки имеют выраженную относительную правовую природу. Требование о возмещении реального ущерба недобросовестной дееспособной стороной может быть, соответственно, предъявлено только против этого лица. Требование же о признании сделки действительной, если она выгодна недееспособному, заявляемое в суд, также имеет относительную природу, вытекающая из обязательственного правоотношения, которым является недействительная сделка.

Обратим внимание, что в целом предоставление преимущественных прав делает исключение из принципа равенства участников гражданских правоотношений, т.е. законодательно ограничивает его. Что касается свободы договора, которая известным образом ограничена в классических преимущественных правах, таких как преимущественное право покупки доли в общей долевой собственности, то в рамках существования преимущественных прав и интересов недееспособных лиц при недействительности сделок имеет место лишь легальное ограничение принципа равенства участников гражданских правоотношений.

Преимущественным правам недееспособного лица на возмещение ему реального ущерба недееспособным лицом корреспондирует обязанность недобросовестной стороны возместить такой ущерб. Право же требовать признания сделки, совершенной к выгоде дееспособного, действительной имеет несколько иную конструкцию, так как ему не корреспондирует определенная обязанность другой стороны сделки. Это связано с тем, что в основе признания сделки действительной, которая совершена к выгоде недееспособного, лежит не субъективное право, а охраняемый законом интерес недееспособного лица придать

⁶ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 01.09.2018). П. 3 ст. 7 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Федеральные законы от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (ред. от 30.11.2011). П. 4 ст. 9 ; от 08.12.1995. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (ред. от 23.04.2018). П. 4 ст. 16 // СПС «КонсультантПлюс».

силу выгодной сделке. Признание за недееспособным преимущественных прав и интересов основано на общей обязанности дееспособной стороны сделки как участника правоотношения знать содержание законодательства, в том числе правовые запреты совершения сделок с недееспособными, а также основано на необходимости правового обеспечения прав и законных интересов слабой стороны правоотношения, какой является недееспособное лицо.

Преимущественные права и интересы недееспособного лица при недействительности сделки, совершенной с ним, направлены на восстановление и защиту имущественной сферы недееспособного лица. При этом при признании действительной сделки, совершенной к выгоде недееспособного лица, с точки зрения содержания правовой защиты ярко выражено не субъективное право, а охраняемый законом интерес недееспособного гражданина на придание юридической силы такой сделке.

Что касается преимущественных прав и интересов несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, закрепленных законом, при совершении им недействительной сделки, то правовая природа таких преимущественных прав и интересов сходна с преимущественными правами и интересами недееспособных как менее защищенной стороны правоотношения. Право законного представителя малолетнего лица требовать возмещения реального ущерба, как и право требовать признания сделки действительной, основано на необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетних в имущественных правоотношениях и основано не только на внутреннем российском законодательстве, но и на международных нормах⁹.

Заметим, что специфика преимущественных прав и интересов при недействительности сделок состоит также и в порядке их осуществления. Так, осуществление преимущественного права как недееспособного, так и малолетнего на возмещение реального ущерба недобросовестной стороной сделки может быть осуществлено как во внесудебном (добровольном) порядке, так и в судебном. Признание же в интересах такой сделки, совершенной к их выгоде, действительной возможно только в судебном порядке в силу правовой сущности ничтожных сделок. Для классических же преимущественных прав в узком смысле слова возможен как судебный, так и внесудебный, в том числе добровольный, порядок осуществления.

Важно отметить, что преимущественными правами и интересами закон наделяет не только недееспособных и малолетних, но и лиц, не способных понимать значение своих действий или руководить ими. Говоря о неполной точности формулировки данной нормы вообще, стоит отметить, что неспособность понимать значение своих действий может проявляться как совместно, так и отдельно со способностью руководить своими действиями. Необоснованность использования союза «или» неоднократно отмечалась в юридической литературе.

Однако данная норма по сей день не претерпела соответствующих этому пониманию изменений. Не обращаясь подробно к данной проблеме юридической техники действующего Гражданского кодекса РФ, все же будем в целях полной юридической корректности использовать оба союза «и (или)», что отражает со-

⁹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990). Ст. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

держанию данного вида недействительной сделки¹⁰. Преимущественное право и интерес лица, не способного понимать значение своих действий и (или) руководить ими, выражаются следующим образом. Это, с одной стороны, — право требовать возмещения реального ущерба от стороны, которая знала или должна была в силу конкретных обстоятельств дела знать о таком состоянии другой стороны сделки, а с другой — имущественный интерес в восстановлении прежнего имущественного состояния. Обратим внимание, что преимущественный интерес сохранения сделки в силе не требует закрепления в законе соответствующего преимущественного права требования признания сделки действительной, так как сделка, совершенная лицом, не способным понимать значения своих действий и (или) руководить ими, не является ничтожной и не требует восстановления своей юридической силы через суд, а является оспоримой в силу закона.

Преимущественные права и интересы несовершеннолетних от 14 до 18 лет и ограниченно дееспособных сходны, так как выражаются в праве их законных представителей требовать возмещения реального ущерба недобросовестной стороной сделки, которая заведомо знала или должна была знать об отсутствии полной дееспособности, в данном случае — о несовершеннолетии или ограниченной дееспособности. Так как данные сделки оспоримы, преимущественное право менее защищенной стороны правоотношения (ограниченно дееспособного или несовершеннолетнего) и их законных представителей требовать признания сделки действительной исходя из преимущественного интереса в сохранении сделки в силе отсутствует. Безусловно, это связано с тем, что такая сделка имеет юридическую силу как действительная, если ее никто не оспорил и не требует признания ее действительной, во всяком случае.

Интересна ситуация с преимущественными правами и интересами участников сделки, совершенной под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение. Если другая сторона сделки, действуя с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, не могла распознать заблуждение, под влиянием которого действовала заблуждавшаяся сторона, то сторона, вступившая в правоотношения с заблуждавшейся стороной, приобретает установленные законом преимущества. Преимущественные права и интересы такой стороны выражаются в праве требовать возмещения реального ущерба от заблуждавшейся стороны и, соответственно, охраняемом законом интересе сохранения и восстановления своей имущественной сферы.

Недействительные сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения, с точки зрения преимущественных прав и интересов специфичны тем, что таким образом заблуждавшаяся сторона, которая не проявляет черт недобросовестности, обязана возместить другой стороне, также действующей добросовестно, реальный ущерб при предъявлении и обосновании такого требования. В этой ситуации проявлена такая причина закрепления преимущественных прав и интересов, как приоритет сохранения устойчивости гражданского оборота, который призывает участников правоотношений действовать с должной заботливостью и осмотрительностью. Напротив, если другая сторона сделки могла распознать,

¹⁰ См., например: *Павлова И. Ю.* Недействительность сделок в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

что ее контрагент действует под влиянием соответствующего заблуждения, то преимущественное право заблуждавшейся стороны не возникает.

Безусловно, следует отличать ситуацию, в которой сторона сделки могла распознать, что ее контрагент вступает в правоотношение под влиянием заблуждения, и ситуацию, в которой сторона сделки ответственна за обстоятельства, вследствие которых произошло заблуждение ее контрагента. Последний случай, как известно, сближает такую сделку со сделкой, совершенной под влиянием обмана, но не равнозначен ей. Наиболее близки сделки, совершенные под влиянием заблуждения, со сделками, в которых другая сторона намеренно умалчивает о конкретных обстоятельствах и фактах, о которых она должна сообщить, действуя добросовестно.

Грань между такими сделками, когда обман заключается в пассивном поведении, и сделками, совершенными под влиянием существенного заблуждения одной стороны без участия в таком заблуждении другой стороны, необходимо четко проводить в каждом конкретном случае. В юридической литературе обычно принято разграничивать недействительные сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения и совершенные под влиянием обмана по критерию наличия или отсутствия умысла другой стороны сделки относительно воли и волеизъявления заблуждавшейся стороны либо, соответственно, другой стороны относительно обманутой стороны.

С точки же зрения преимущественного права заблуждавшейся стороны, как и стороны, совершившей сделку под влиянием обмана, оно в обоих случаях выражается в случае недействительности такой сделки в праве требовать полного возмещения понесенных ею убытков в связи данной сделкой. Может возникнуть не вполне верное впечатление, что преимущественные права при недействительности сделок сходны с ответственностью. Безусловно, возможность возмещения убытков полностью или только реального ущерба имеет место в рамках гражданско-правовой ответственности. Как справедливо отмечает Л. Ю. Василевская, принцип полного возмещения убытков — *expressis verbis* — всегда рассматривался как один из ключевых, основных начал гражданско-правовой ответственности¹¹.

Представляется, что преимущественное право как преимущество, включающее в себя как собственно преимущественные права, так и преимущественные законные интересы, при недействительности сделок нельзя смешивать с мерами гражданско-правовой ответственности прежде всего в силу того, что лишь одной из сторон предоставляется законная возможность предъявлять такое требование и тем самым предоставляется юридическое преимущество, так же, как невозможно смешивать понятия последствий недействительности сделок с преимущественными правами и интересами при недействительности сделок.

Можно сделать вывод, что при применении последствий недействительности сделок, кроме классических случаев двусторонней и односторонней реституции, все исключения и дополнительные гарантии определенным категориям лиц или лицам, оказавшимся менее защищенными в правовой ситуации определенно-го типа (закрепленной в нормах о недействительности), имеет место закрепле-

¹¹ Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М., 2018. С. 118—119 (автор главы — Л. Ю. Василевская).

ние именно преимущественных прав таких лиц в широком смысле понимания современных правовой категории преимущественных прав и интересов. Непосредственное классическое понимание преимущественных прав покупки и иных, ранее указанных и в достаточной мере исследованных цивилистами в различные периоды развития отечественной науки, как представляется, не ограничивает более широкое понимание данной правовой категории, а дает основу для него.

Отметим, что все преимущественные права и интересы указанных в законе участников недействительных сделок, а в определенных случаях их законных представителей, действуют в рамках последствий недействительности сделки либо в рамках преимущественного права требовать придания данному соглашению юридической силы действительной сделки. Данная особенность является важнейшей характерной чертой преимущественных прав и интересов при недействительности сделок. Таким образом, несмотря на разработанность темы классических преимущественных прав в российском гражданском праве, данная правовая категория является развивающейся и требующей пристального внимания как с научной, так и с практической точки зрения в современных условиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000.
2. *Глушкова Е. А.* Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.
3. *Леонова Л. Ю.* Преимущественные права в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
4. *Кузнецова Л. В.* Преимущественные права в гражданском праве России : монография. — М., 2007.
5. *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. — М., 1954.
6. *Новоселова Л. А.* Преимущественное право приобретения акций в закрытом акционерном обществе // Арбитражная практика. — 2004. — № 4.
7. *Рабинович Н. В.* Недействительность сделки и ее последствия. — Л., 1960.
8. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М., 2018.
9. *Павлова И. Ю.* Недействительность сделок в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
10. *Санкина С. С.* Преимущественные права и особенности их осуществления в процессе формирования договорных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.
11. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. — М., 2002.

**Екатерина Борисовна
ПОДУЗОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ebpoduzova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОПЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРАКТНЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРОВ И УСЛУГ (SHARING ECONOMY)¹

Аннотация. Современный социально-экономический контекст совместного потребления (*sharing economy*) ставит новые вопросы использования конструкций организации контрактных связей, в частности опционов и связанных с ними соглашений. Опционная конструкция была предложена к введению Концепцией развития гражданского законодательства РФ. Затем она была закреплена в проекте закона о внесении изменений в ГК РФ, базируясь на ряде положений проекта, Закон от 8 марта 2015 г. о внесении изменений в часть первую ГК РФ закрепляет в ст. 429.2 ГК РФ конструкцию опциона на заключение договора, в ст. 429.3 ГК РФ — конструкцию опционного договора.

В доктрине положения об опционе на заключение договора и опционном договоре вызвали критический отклик. Неоднозначна природа опционных конструкций в контексте производных финансовых инструментов. В работе анализируются понятие, правовая природа, конститутивные признаки опционов, их соотношение с иными конструкциями, а также доктрина и правоприменительная практика. Определяется роль опционных конструкций в условиях экономики совместного потребления.

Ключевые слова: коллективное использование товаров и услуг, опцион, опционный договор, соглашение о предоставлении опциона, оферта, договор, соглашение, предварительный договор, возмездность, производный финансовый инструмент.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.054-063

E. B. PODUZOVA,

Associate Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law
ebpoduzova@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

OPTION MODEL OF CONTRACT LINKS ORGANIZATION IN SHARING ECONOMY CONTEXT

Abstract. Contemporary social and economic context of sharing arising new questions of using legal links organization models such as options and related to agreements. Option is suggested to be legalized in Conception

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16054.

of development of Russian legislation. Then it was fixed in Project of making amendments to the Russian Civil Code, based on Project's points, the Law by 08-th of March 2015 devoted to amendments to the Russian Civil Code introduced option for contract conclusion and option contract in articles 429.2 and 429.3.

In the civil doctrine statute of option for contract conclusion and option contract arose critical opinion. The legal nature of option constructions is ambiguous in context of derivatives.

The idea, legal nature, basic features of options, their correlation to other constructions, the doctrine and legal practice are analyzed in the article. The role of option constructions is determined in sharing economy.

Keywords: *sharing economy usage, option, option contracts, option agreement, offer, contract, agreement, preliminary agreement, onerousness, derivative.*

Современная социальная реальность смещает свои акценты с индивидуального высокоресурсного потребления на совместное потребление и экономию ресурсов. Как отмечается в литературе, большую популярность приобрела бизнес-модель «убер», построенная на началах экономики совместного потребления — sharing economy firm². Применительно к компании «Uber» и к аналогичным компаниям, действующим на рынке такси перевозок и оказания иных услуг, используются также более конкретные термины — «ride-sharing company»³, «transportation network companies»⁴, «online-enabled car transportation service»⁵.

Для целей определения статуса подобных компаний в литературе используется категория «агрегаторы». Выделяют две их разновидности. Первая модель используется на рынке оказания услуг такси. Она предполагает, что агрегаторы осуществляют подбор заказчику конкретного исполнителя, устанавливают цены на услуги исполнителей. Вторая модель агрегаторов лишь предоставляет удобный сервис для поиска исполнителя. Сам заказчик принимает решение о выборе подходящего ему контрагента, сравнивая предлагаемые условия⁶, например,

² См.: *Rauch D. E., Schleicher D. Like Uber, but for Local Governmental Policy: The Future of Local Regulation of the Sharing Economy // George Mason Law & Economics Research Paper. 2015. № 15-01. P. 1.*

³ См.: *Rogers B. The Social Costs of Uber // University of Chicago Law Review Dialogue. 2015. № 28. P. 85.*

⁴ См.: *Geradin D. Should Uber Be Allowed to Compete in Europe? And If so How? // Forthcoming in Competition Policy International. 2015. № LS 15—11 ; № 15—29.*

⁵ См.: *Edelman B. G. Whither Uber? Competitive Dynamics in Transportation Networks (November 24, 2015). P. 1. Competition Policy International, Forthcoming.*

⁶ См. об этом подробнее: *Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016 ; Бычков А. Посредничество при оказании юридических услуг: практика, риски, перспективы // Новая бухгалтерия. 2016. № 9. С. 130—143 ; Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145—157 ; Молотников А.Е., Архипов Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4.*

посредством применения моделей перераспределения трудовых ресурсов — моделей *crowdwork* и *work on demand via apps*⁷. По модели *crowdwork* работа организуется с помощью онлайн-интернет-платформ, которые позволяют установить деловые связи между неопределенным количеством организаций и физических лиц. В частности, при краудсорсинге организация или определенное лицо (*crowdsourcer*) предлагают неопределенному кругу лиц на основе открытого запроса посредством интернет-платформ выполнить задание, работу. *Work-on-demand via apps* (работа на основании запроса на базе приложений) организуется с помощью мобильных приложений и включает в себя оказание различных услуг: транспорт, уборка, работа курьером, канцелярская работа⁸.

В свете указанной социально-экономической ситуации приобретает важное значение использование современных форм организации контрактных связей. Одной из таких форм являются опционные конструкции. С финансовой точки зрения опционы квалифицируются как право совершать имущественные действия⁹. Верховный Суд РФ, признавая опцион на заключение договора сделкой с заинтересованностью, подтверждает имущественную направленность опциона¹⁰.

В статье 429.2 ГК РФ в новой редакции предусмотрено соглашение о предоставлении опциона на заключение договора. Таким образом, по сравнению с проектом закона о внесении изменений в ГК РФ¹¹ была уточнена терминология, но не изменилось существо отношений из опциона. Подобное соглашение о предоставлении опциона на заключение договора относится к числу договоров, поскольку первая сторона связывает себя обязанностью заключить в будущем договор (договоры) по требованию второй стороны.

⁷ См. об этом, например: *De Stefano V. The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy»*. Conditions of work and employment. Series No. 71. Geneva : ILO, 2016. P. 1 // URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁸ См. об этом подробнее: *Чесалина О. В.* Работа на основе интернет-платформ (*crowdwork* и *work on demand via apps*) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1.

⁹ См., например: Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 15 «Выручка по договорам с покупателями» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 27 июня 2016 г. № 98н) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «КонсультантПлюс». Также об этом см.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 августа 2017 г. по делу № А40-228051/16 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Разработан Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Опубликован 7 февраля 2012 г. на сайте «Российской газеты» // СПС «КонсультантПлюс».

Приоритетное положение покупателя (приобретателя) заключается в том, что он только вправе заключать определенный договор¹².

Согласно п. 2 ст. 429.2 ГК РФ в случае, когда опционом на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, этот срок считается равным одному году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев. Если опционом на заключение договора не предусмотрено иное, платеж по нему не засчитывается в счет платежей по договору, заключаемому на основании безотзывной оферты, и не подлежит возврату в случае, когда не будет акцепта (п. 3 ст. 429.2 ГК РФ).

Содержание опциона имеет сходство с содержанием предварительного договора, обеспеченного задатком (п. 2, 3 ст. 429.2 ГК РФ)¹³, однако есть определенная специфика в отношении предмета будущего договора: в законодательстве предусмотрен диспозитивный способ его описания (п. 4 ст. 429.2 ГК РФ). Требования к форме опциона сходны с требованиями к форме предварительного договора (п. 5 ст. 429.2 ГК РФ). Особенность опциона заключается в том, что он может быть включен в другое соглашение (п. 6 ст. 429.2 ГК РФ), помимо этого, права по опциону на заключение договора могут быть уступлены другому лицу (п. 7 ст. 429.2 ГК РФ).

Наряду с соглашением о предоставлении опциона в ст. 429.3 ГК РФ предусмотрена конструкция опционного договора, который представляет собой односторонне обязывающий условный договор, как возмездный, так и безвозмездный, направленный на совершение организационных или имущественных действий.

Введение ст. 429.2 и 429.3 ГК РФ вызвало критический отклик в доктрине¹⁴.

Ряд признаков опциона на заключение договора сходны с признаками опционного договора, предусмотренного в американском праве — в § 45 и 87 Акта, посвященного второму пересмотру положений договорного права США (United States Restatement (Second), Contracts)¹⁵. На наш взгляд, к ним относятся: наличие безотзывной оферты, односторонне обязывающая правовая связь между сторо-

¹² См.: Михайлов В. В. Безотзывная оферта // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2016 г. № 02АП-893/2016 по делу № А31-7898/2014; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 августа 2016 г. № 11АП-8521/2016 по делу № А65-4266/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Это сходство нашло свое отражение в действующем законодательстве. Согласно ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора), а впоследствии — нотариального удостоверения акцепта.

¹⁴ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018.

¹⁵ United States Restatement, Contracts (2nd). 1981 // URL: http://www.lexinter.net/LOTWVers4/exchange.htm#%C2%A771._Requirement_of_exchange (дата обращения: 13 октября 2018 г.).

нами. По общему правилу опционное соглашение квалифицируется в качестве договора независимо от наличия в нем встречного предоставления (consideration), встречное предоставление необходимо определять в опционном соглашении только в том случае, когда оно содержит условие о будущем исполнении.

Наличие элементов организации контрактных связей ставит вопрос об организационной природе опционных конструкций.

Как отмечается в литературе, в законодательстве некорректно выбраны одновременно концепции предварительного опционного договора и опционного условия договора¹⁶.

Конструкция опционного договора (контракта) была закреплена в Положении о видах производных финансовых инструментов¹⁷. И лишь один из видов опционного договора, закрепленных в данном Положении, имел сходство с опционными конструкциями, предусмотренными Гражданским кодексом РФ (п. 3 Положения). Положение утратило силу, в настоящий момент конструкция опционного договора содержится в п. 2 Указаний Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов»¹⁸, при этом упомянутая выше разновидность опционного договора осталась без изменений.

Необходимо обратить внимание, что термин «опцион» также применим к именованным эмиссионным ценным бумагам (ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹⁹). В литературе отмечается, что назначение опциона эмитента видится в том, чтобы стимулировать наемных сотрудников, прежде менеджеров высших структурных звеньев компании, к более активной работе. Поводом к невостребованности опционов эмитента является их достаточно позднее появление в Законе «О рынке ценных бумаг» (2002 г.)²⁰.

Согласно распространенному подходу к квалификации опционного договора он относится к категории возмездных, односторонних предварительных договоров²¹, т.е. является одним из видов договора по организации контрактных связей.

Возможно представить и другие подходы к определению правовой сущности опционного договора (контракта).

¹⁶ См.: Балкаров А. Б. Критика концепций понимания опционного договора // Юрист. 2013. № 13.

¹⁷ Положение о видах производных финансовых инструментов. Утверждено приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 4 марта 2010 г. № 10-13/пз-н // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Указания Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. 2015. № 28.

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

²⁰ См.: Корпоративное право : учебный курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2018. Т. 2.

²¹ Мельничук Г. В. Сделки на срочных рынках // Законодательство. 1999. № 10. С. 23—25 ; Петросян Э. С. Фьючерсные договоры в классификации гражданско-правовых договоров // Юрист. 2003. № 6 ; Меньшенин П. А. Опционный договор на заключение срочной сделки // Право и экономика. 2008. № 5. С. 24 ; Красников Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. 2009. № 12.

Опционный договор имеет ряд отличий от предварительного договора и может быть отнесен к непоименованным договорам, предусматривающим невзаимное право заключить в будущем договор²².

Опционный договор относится к числу специальных договорных конструкций, применимых практически к любым типам (видам) договорных обязательств²³. Эта конструкция также определяется как договор купли-продажи права заключить иной договор²⁴.

Представляется, что право на организацию контрактных связей посредством заключения договора не относится к числу имущественных, поскольку объектом данного права являются действия — организация контрактных связей, а не материальные блага. Неимущественное право не может быть объектом купли-продажи по причине невозможности определить точный эквивалент, поэтому вызывает сомнения правовая корректность квалификации опционного договора (опциона) как договора о предоставлении права заключить договор на возмездной основе.

Хотя ряд положений ст. 429.2 и 429.3 ГК РФ демонстрируют сходные черты опционного договора и предварительного договора, преимущественно возмездный характер опционного договора (опциона) выражает его имущественную природу, поэтому этот договор к числу договоров по организации контрактных связей не может быть отнесен. Обязанность заключить договор относится к числу обязанностей поведенческого характера. Как отмечается применительно к германской доктрине, поведенческая (охранительная) обязанность никогда не может находиться в отношениях встречности с обязанностью совершить предоставление²⁵, в то время как конструкция опционного договора как раз такую встречность обязанностей и предусматривает.

Дискуссионным является вопрос о квалификации опциона на заключение договора в качестве организующей односторонне обязывающей сделки.

По нашему мнению, односторонняя сделка (ст. 153, 154 ГК РФ), как и любая иная сделка, порождает не возможности, а права и обязанности сторон. Односторонняя сделка может порождать права и обязанности в отношении третьих лиц, если законом разрешено такое порождение.

По справедливому утверждению С. С. Алексеева, проблема односторонних сделок в гражданском праве затрагивает возникновение, движение и формирование содержания обязательственных отношений²⁶, а также отношений в области

²² Жуков Д. А. Правовое регулирование срочных сделок на фондовом рынке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8 ; Иванова Е. В. Деривативы. Форвард, фьючерс, опцион, своп : экономико-правовая квалификация. М. : Ось-89, 2007. С. 213.

²³ Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 1.

²⁴ Морозов С. Ю. Покупка прав на заключение договора // Юрист. 2011. № 2.

²⁵ Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3.

²⁶ См.: Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Теоретические проблемы гражданского права : сборник ученых трудов / под науч. ред. С. С. Алексеева, О. А. Красавчикова. Свердловск : СЮИ, 1970. С. 58—65.

наследования, при этом вслед за Б. Б. Черепахиным²⁷ и В. С. Толстым²⁸ автор различает односторонне управомочивающие и односторонне обязывающие сделки. Односторонне управомочивающие сделки базируются на гражданских субъективных правах, на входящей в их содержание возможности распоряжаться правом. Односторонне обязывающие сделки представляют собой односторонние акты субъекта, в силу которых оказывается воздействие на правовую сферу иных лиц, они основываются на особых правомочиях, именуемых в юридической литературе «вторичные правомочия»²⁹ либо «правообразовательные правомочия»³⁰, или «правомочия на изыскание юридического положения»³¹.

Под организующей сделкой предлагается понимать правомерное неимущественное волевое действие субъектов (субъекта) гражданского права, направленное на организацию деятельности как самих субъектов (самого субъекта) сделки, так и лиц, участвующих в порожденной этой сделкой организационном правоотношении (по организации совместной деятельности или по организации контрактных связей в широком смысле этого слова, т.е. по заключению, изменению либо расторжению договора, а также по организации иных взаимоотношений сторон).

Исходя из представленного определения, для организующих сделок важное значение имеет ее основание (*causa*). Придерживаясь классического подхода, полагаем, что основанием сделки является ее цель, которая едина как для договорного типа, так и для отдельного договора. Под целью сделки в цивилистике, как правило, понимается ее направленность на установление правовых последствий³². Полагаем, что основанием организующей сделки является возникновение организационного правоотношения, а также его реализация посредством совершения организационных действий (организация контрактных связей в широком смысле слова, организация совместной деятельности, организация иных взаимоотношений сторон).

Применительно к делению односторонних сделок на управомочивающие и обязывающие, полагаем, что организующая сделка относится к обеим выделяемым группам одновременно. Поскольку цель организующей сделки — порождение организационного правоотношения, то организующая управомочивающая сделка

²⁷ См., например: *Черепахин Б. Б.* Юридическая природа векселя и «Положение о векселях» // *Право и жизнь.* 1922. Кн. 9—10.

²⁸ См.: *Толстой В. С.* Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 7—8.

Необходимо обратить внимание, что у В. С. Толстого данная классификация имеет иную структуру: односторонние сделки делятся на правоустанавливающие, правоизменяющие, правопрекращающие и порождающие правовые последствия нескольких видов.

²⁹ См.: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М. : Госюриздат, 1950. С. 9—11.

³⁰ См.: *Гурвич М.А.* К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // *Ученые записки ВЮОН.* 1945. Вып. 4. С. 46—48.

³¹ См.: *Агарков М. М.* Юридическая природа железнодорожной перевозки // *Право и жизнь.* 1922. Кн. 3. С. 17—19.

³² См., например: *Кашанин А. В.* Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // *Журнал российского права.* 2001. № 4.

не может не быть обязывающей в широком смысле слова (сделка, связывающая обязанностью совершившее ее лицо в отношении другого лица, а также сделка, обязывающая другое лицо).

В соответствии с конститутивными признаками полагаем, что среди выделяемых цивилистами односторонних организующих сделок к таковым относятся: выдача доверенности (ст. 182, 185 ГК РФ), односторонний отказ от договора, завещательный отказ (ст. 1137 ГК РФ), действия госзаказчиков и потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при размещении госзаказов, извещение о проведении конкурентных закупочных процедур (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ), заявления граждан о постановке на учет (ч. 3 ст. 52 ЖК РФ).

Опцион представляет собой безотзывную оферту, направленную на организацию контрактных связей, и по общему правилу является встречным предоставлением соглашения о предоставлении опциона. Представляется спорной квалификация оферты, включая безотзывную, в качестве односторонней сделки, поскольку оферта без акцепта имеет правовое значение только для лица, ее направившего, цель оферты реализуется только при наличии акцепта.

Несмотря на длительное существование и использование опциона в российском праве и правоприменительной практике, единообразного подхода к регулированию опционных отношений так и не сложилось. Опцион представляет собой разрозненную конструкцию, содержащую разные элементы в зависимости от цели и сферы применения. На данный момент правовая природа опциона, соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опциона) и опционного договора остается неясной и нуждающейся в определении. Не решен вопрос о сфере применения данных конструкций и о соотношении норм Гражданского кодекса РФ о них и норм об опционных договорах (контрактах), а также об опционе, закрепленных в иных нормативных правовых актах.

Сфера совместного потребления предполагает, в частности, сложноструктурную, двухуровневую модель организации контрактных связей, в рамках которой посредник организует договорные отношения между предполагаемыми контрагентами либо создает условия (среду) для их организации. Опцион и опционный договор могут быть использованы в различных моделях экономики совместного потребления: агрегаторной модели, моделей crowdwork и work on demand via apps. Представляется, что эти конструкции применимы на разных стадиях организации контрактных связей. Приобретение права требовать заключения договора является целесообразным как для организации-посредника, так и для субъекта, предлагающего вещь, товар, работу или услугу, а также для потребителя, заказчика.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азарков М. М.* Юридическая природа железнодорожной перевозки // *Право и жизнь*. — 1922. — Кн. 3.
2. *Алексеев С. С.* Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // *Теоретические проблемы гражданского права : сборник ученых трудов / под науч. ред. С. С. Алексеева, О. А. Красавчикова*. — Свердловск : СЮИ, 1970.
3. *Балкаров А. Б.* Критика концепций понимания опционного договора // *Юрист*. — 2013. — № 13.
4. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. — М. : Госюриздат, 1950.
5. *Бычков А.* Посредничество при оказании юридических услуг: практика, риски, перспективы // *Новая бухгалтерия*. — 2016. — № 9.
6. *Иванов А. А.* Бизнес-агрегаторы и право // *Закон*. — 2017. — № 5.
7. *Молотников А. Е., Архипов Е. В.* Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // *Предпринимательское право*. — 2017. — № 4.
8. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. — М. : Статут, 2018.
9. *Витрянский В. В.* Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2012. — № 1.
10. *Гурвич М. А.* К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // *Ученые записки ВИАУН*. — 1945. — Вып. 4.
11. *Егоров А. В.* Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // *Вестник гражданского права*. — 2011. — № 3.
12. *Жуков Д. А.* Правовое регулирование срочных сделок на фондовом рынке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
13. *Иванова Е. В.* Деривативы. Форвард, фьючерс, опцион, своп : экономико-правовая квалификация. — М. : Ось-89, 2007.
14. *Кашанин А. В.* Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // *Журнал российского права*. — 2001. — № 4.
15. *Корпоративное право : учебный курс / отв. ред. И. С. Шиткина*. — М. : Статут, 2018. — Т. 2.
16. *Красников Н.* О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // *Юрист*. — 2009. — № 12.
17. *Мельничук Г. В.* Сделки на срочных рынках // *Законодательство*. — 1999. — № 10.
18. *Меньшенин П. А.* Опционный договор на заключение срочной сделки // *Право и экономика*. — 2008. — № 5.
19. *Михайлов В. В.* Безотзывная оферта // СПС «КонсультантПлюс».
20. *Морозов С. Ю.* Покупка прав на заключение договора // *Юрист*. — 2011. — № 2.
21. *Петросян Э. С.* Фьючерсные договоры в классификации гражданско-правовых договоров // *Юрист*. — 2003. — № 6.

22. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2016.
23. *Толстой В. С.* Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1966.
24. *Черепухин Б. Б.* Юридическая природа векселя и «Положение о векселях» // *Право и жизнь*. — 1922. — Кн. 9—10.
25. *Чесалина О. В.* Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // *Трудовое право в России и за рубежом*. — 2017. — № 1.
26. *Edelman B. G.* Whither Uber? Competitive Dynamics in Transportation Networks (November 24, 2015). *Competition Policy International*, Forthcoming.
27. *Geradin D.* Should Uber Be Allowed to Compete in Europe? And If so How? // Forthcoming in *Competition Policy International*. — 2015. — №. LS 15—11 ; № 15 — 29.
28. *Rauch D. E., Schleicher D.* Like Uber, but for Local Governmental Policy: The Future of Local Regulation of the Sharing Economy // *George Mason Law & Economics Research Paper*. — 2015. — № 15—01.
29. *Rogers B.* The Social Costs of Uber // *University of Chicago Law Review Dialogue*. — 2015. — № 28.

**Татьяна
Владимировна
СОЙФЕР,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
tvsojfer@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО КОЛЛЕКТИВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТОВАРОВ И УСЛУГ¹

Аннотация. Эффективность благотворительной деятельности во многом зависит от уровня нормативной регламентации гражданско-правового статуса благотворительных организаций, участвующих в имущественном обороте для реализации поставленных перед ними целей. В настоящее время законодательное регулирование в этой области недостаточно совершенно и имеет определенные недостатки, снижающие результативность благотворительных организаций, в том числе в новой социально-экономической сфере коллективного использования товаров и услуг.

На основе анализа действующего законодательства и материалов судебной практики в статье исследуются особенности правового положения благотворительных организаций как юридических лиц и участников гражданского оборота; выявляются отдельные проблемы их нормативного обеспечения, обусловленные множественностью действующих законодательных актов и отсутствием между ними взаимосвязи, нечеткостью понятия благотворительной организации и содержания ее гражданской правоспособности.

В результате формулируется вывод о необходимости дальнейшего реформирования гражданского законодательства о юридических лицах, в рамках которого следует более четко определить место благотворительных организаций в системе некоммерческих юридических лиц, уточнить присущие им признаки и объем их гражданской правоспособности, предложить для них оптимальные формы. Это позволит расширить правовые возможности благотворительных организаций в условиях развития отношений совместного потребления.

Ключевые слова: благотворительные организации, некоммерческие организации, юридические лица, благотворительная деятельность, совместное потребление, коллективное использование товаров и услуг.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.064-074

T. V. SOJFER,

*Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Law, Associate Professor
tvsojfer@msal.ru*

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CHARITABLE ORGANIZATIONS: PROBLEMS OF CIVIL-LAW STATUS IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE SHARING ECONOMY

Abstract. *Charitable organizations are special entities. Their successful activity promotes the development of many social sectors. The nature of relations in which charitable organizations are entering for the realization of their socially useful goals assume the availability of their civil legal personality. At the present time the regulation of civil-law status of charitable organizations is characterized by series of uncertainties and contradictory issues. It lowers the efficiency of function of these legal entities, including in the sharing economy. The article is based on the analysis of current regulatory provisions and their practical applications that reveal the main limitations of the legislation on charitable organizations. In particular, the plurality of normative acts regulating the civil-law status of charitable organizations are noted, and the absence of the necessary interrelation between them. The author draws attention to the vagueness of the concept of charitable organization and their characterizing features, establishes the problems regarding the notion of civil capacity of charitable organizations are established.*

In the result, the conclusion is formed regarding the necessity of carrying out the next stage of the reform of civil legislation on legal entities in the course of which it is necessary to determine the place of charitable organizations in the system of legal entities and to clarify the characteristics inherent to non-profit organizations of a special kind; to strengthen the possibility of formation of charitable organizations only in certain legal forms, adequate to their purpose and methods of activity; more clearly establish the scope and content of their civil capacity. It will expand the legal opportunities of charitable organizations in the sharing economy.

Keywords: *charitable organizations, non-profit organizations, legal entities, charitable activity, sharing economy.*

Благотворительная деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим развитие многих социальных сфер. Особое значение она приобретает в современных условиях, требующих пересмотра традиционных подходов к определению сущности благотворительности и ее возможных форм. Развитие и расширение сектора экономики совместного потребления (sharing economy) предполагает не только поиск новых правовых категорий в целях обеспечения возникающих общественных отношений, но и использование существующих

ющих эффективных конструкций, способных создать необходимую правовую среду для реализации как потребностей участников этих отношений, так и публичных интересов².

Достаточно часто sharing economy представляется как особая бизнес-модель, позволяющая получать прибыль, примерами могут быть коммерческие сервисы «Uber» и «Airbnb». Вместе с тем, по мнению ряда экономистов, направленная на извлечение дохода деятельность выходит за рамки классического понимания sharing economy, основной отличительной чертой которой является исключительно некоммерческий характер отношений по коллективному использованию товаров и услуг³. В связи с этим следует обратить внимание, что возникновению онлайн-платформы для аренды жилья «Airbnb»⁴ предшествовало создание интернет-сообщества «CouchSurfer»⁵, которое позволяет путешественникам получить возможность временного пользования жилыми помещениями на бесплатной основе.

Некоммерческой является деятельность организаций, куда лица безвозмездно отдают ненужные им вещи и откуда любой желающий может взять их бесплатно или за символическую плату, впоследствии направляемую на благотворительные цели. В частности, такова концепция магазина «Share» в Великобритании⁶, отечественных социальных сервисов и благотворительных проектов «Чумодан»⁷, «Свалка»⁸, «Добрый ящик»⁹, «Лавка радостей»¹⁰. Также действуют площадки, обеспечивающие с помощью современных интернет-технологий создание повсеместной практики социального дарения вещей и безвозмездного оказания услуг тем, кто в них нуждается. К примеру, на подобных принципах функционирует международное сообщество «Дарудар»¹¹.

Представляется, что формы новой социально-экономической модели совместного потребления товаров и услуг могут быть весьма разнообразными и иметь направленность не только на извлечение прибыли или экономию собственных материальных средств, но и на реализацию социальных целей посредством бес-

² В частности, в литературе выделяются те преимущества, которые обеспечивает конструкция sharing economy для социально незащищенных слоев населения. См.: *Whitman D. How The Fast-Growing «Sharing Economy» Can Benefit Those With Disabilities*. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/sharing-economy_b_13627502 (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

³ См.: *Жидков А. С. Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1 «Экономика и управление». 2017. № 4 (23). С. 51—52.*

⁴ URL: <https://www.airbnb.ru/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁵ URL: <https://www.couchsurfing.com/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁶ См.: *Birch S. Share Economy* // URL: <https://www.ethicalconsumer.org/money/share-economy> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁷ URL: <http://chumodan.com/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁸ URL: <http://svalka.me/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

⁹ URL: <http://dobrobox.ru/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

¹⁰ URL: <https://lavkaradostej.ru/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

¹¹ URL: <http://darudar.org/> (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

корыстной, по сути, благотворительной деятельности в пользу других лиц. В таких условиях особой задачей государства является всемерное содействие дальнейшему совершенствованию форм благотворительности, в том числе ее институционализации посредством создания оптимальных условий для функционирования благотворительных организаций и повышения их результативности. Подобные организации, в силу присущих им свойств и преимуществ, способны выступать площадками для безвозмездного предоставления и коллективного потребления ресурсов или адекватным образом обеспечивать их эффективную работу.

Тот факт, что в Мировом рейтинге благотворительности (CAF World Giving Index), ежегодно составляемым CAF (Charities Aid Foundation) и являющимся крупнейшим в мире исследованием подобного рода, охватывающем 139 стран, Россия по итогам 2017 г. заняла 124-е место¹², свидетельствует об определенных недостатках государственной политики в этой области. Одним из них является отсутствие эффективной законодательной регламентации гражданско-правового статуса благотворительных организаций, оформляемых в качестве юридических лиц и участвующих в широком круге имущественных отношений.

Специальным актом, закрепляющим правовые основы благотворительной деятельности и специфику правового положения осуществляющих ее лиц, является Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹³ (далее — Федеральный закон № 135-ФЗ). Закон признает благотворительной добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. Возможные цели благотворительной деятельности определяются нормативно исчерпывающим образом и включают 21 направление: социальная поддержка и защита граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальная реабилитация безработных, инвалидов и др. (п. 1 ст. 2 Федерального закона № 135-ФЗ).

Провозглашая беспрепятственность и добровольность благотворительной деятельности, свободу выбора ее целей, законодатель наделяет правом на занятие ею граждан и юридические лица, которые могут осуществлять ее индивидуально или объединившись, с образованием или без образования благотворительной организации. При этом благотворительная организация рассматривается как самостоятельное правосубъектное образование, поскольку она подлежит государственной регистрации в установленном порядке. Согласно ст. 6 Федерального закона № 135-ФЗ благотворительной является неправительственная некоммерческая организация, созданная для реализации предусмотренных законом целей путем осуществления благотворительной деятельности в интересах общества в целом или отдельных категорий лиц. Законом устанавливаются некоторые положения о создании и прекращении благотворительных организаций, их учредителях, структуре и компетенции органов управления; предусматриваются общие

¹² URL: http://www.cafussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения: 31 октября 2018 г.).

¹³ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

условия и порядок деятельности благотворительных организаций. Также он определяет возможные меры поддержки благотворительных организаций, включает нормы о контроле за их деятельностью и об ответственности за допущенные нарушения. Эти специальные правила применяются ко всем благотворительным организациям независимо от их форм.

Унификация отдельных аспектов статуса благотворительных организаций сыграла определенную положительную роль. Вместе с тем практика применения Федерального закона № 135-ФЗ, принятого более 20 лет назад, выявила в нем ряд недостатков¹⁴, которые не были устранены в процессе недавнего обновления его положений. Изменения, внесенные в Закон в 2018 г. и продиктованные необходимостью формирования единого подхода к регулированию отношений в сфере добровольчества (волонтерства), вопросы правового положения благотворительных организаций существенно не затронули¹⁵.

Отчасти устранению нормативных дефектов способствуют субъекты РФ, имеющие возможность принимать законы, регулирующие благотворительную деятельность, не вступая в противоречие с федеральными нормами (п. 1, 2 ст. 3 Федерального закона № 135-ФЗ). К примеру, Закон Самарской области от 24 мая 1999 г. 18-ГД «О благотворительной деятельности в Самарской области»¹⁶ определяет, когда деятельность не должна считаться благотворительной; предусматривает условия, порядок и последствия приобретения специального статуса «Благотворительная организация в Самарской области» и др. Однако регламентация вопросов создания, деятельности и прекращения благотворительных организаций остается прерогативой федерального законодателя и, по мнению судебных органов, на уровне субъектов РФ не допускается¹⁷.

Из Федерального закона № 135-ФЗ следуют три признака благотворительных организаций. Во-первых, это некоммерческие юридические лица, имеющие основные цели, не связанные с извлечением прибыли и не распределяющие полученную прибыль между участниками (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Их правовые формы четко не определены. Устанавливается, что они могут создаваться в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений (только при условии, что их учредителем является благотворительная организация) и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций (ст. 7 Федерального закона № 135-ФЗ).

Во-вторых, благотворительными могут признаваться лишь негосударственные и немunicipальные некоммерческие организации, т.е. их учредителями не

¹⁴ См., например: *Кожевников О. А.* Положительные и отрицательные стороны законодательства о благотворительной деятельности в Российской Федерации // Социальное и пенсионное право. 2012. № 2. С. 7—10 ; *Кумаритова А.А.* Благотворительные организации в гражданском законодательстве // Право и экономика. 2006. № 3. С. 8—13.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // СЗ РФ. 2018. № 7. Ст. 975.

¹⁶ Волжская коммуна. 1999. № 83.

¹⁷ См.: решение Верховного суда Республики Тыва от 25 января 2012 г. № 3-6/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

могут быть органы государственной власти и местного самоуправления, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия и учреждения (ст. 8 Федерального закона № 135-ФЗ). В-третьих, основные цели благотворительных организаций должны соответствовать целям благотворительной деятельности, перечисленным в ст. 2 Федерального закона № 135-ФЗ, и предполагать ее осуществление.

Основные проблемы, связанные с определением понятия благотворительных организаций и их гражданской правосубъектности, обусловлены множественностью нормативных актов, регламентирующих статус данных образований. Содержащиеся в них нормы нередко противоречат друг другу, а установить однозначно принципы их взаимосвязи и соподчинения достаточно сложно.

Поскольку благотворительная организация — это всегда юридическое лицо, основополагающим актом, закрепляющим ее правовое положение, является ГК РФ, который в общем виде регулирует статус юридических лиц, в том числе некоммерческих, их гражданскую правоспособность, принципы внутреннего устройства и управления, вопросы их возникновения и прекращения. Также ГК РФ устанавливает возможные организационно-правовые формы некоммерческих юридических лиц и основные особенности большинства из них, допуская закрепление специфики статуса некоммерческих организаций в иных актах (п. 4 ст. 49 ГК РФ).

По общему правилу нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ (п. 2 ст. 3 ГК РФ), однако они могут иметь приоритет, если это допускается самим ГК РФ. Каких-либо указаний на преимущественное применение Федерального закона № 135-ФЗ по сравнению с закрепленными в нем положениями ГК РФ не содержит.

Поскольку благотворительные организации являются некоммерческими, к ним применяются нормы Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹⁸ (далее — Федеральный закон № 7-ФЗ), устанавливающие общее понятие некоммерческих организаций и их возможные цели, особенности их создания и прекращения, требования к их учредителям (участникам), порядок деятельности и формирования имущества.

Кроме того, существует ряд специальных законов о некоммерческих организациях отдельных форм, которые применяются к имеющим соответствующую форму благотворительным организациям. К примеру, создание, деятельность и прекращение общественных организаций и общественных движений регулируются Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»¹⁹, причем при регламентации статуса общественных движений данный Закон имеет приоритет над ГК РФ (п. 2 ст. 123.7-1 ГК РФ).

Естественно, к благотворительным организациям любых правовых форм также применяется Федеральный закон № 135-ФЗ, который содержит некоторые общие правила для группы некоммерческих юридических лиц, имеющих благотворительные цели, т.е. сходные направленность и принципы деятельности.

Соответственно, гражданско-правовой статус благотворительных организаций в зависимости от их форм (благотворительная общественная организация,

¹⁸ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

¹⁹ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

благотворительный фонд и др.) регулируется различным образом. При этом если нормы ГК РФ о юридических лицах в рамках реформирования гражданского законодательства подверглись существенному обновлению, то изменения в специальные законы не вносились, вследствие чего между ними имеется ряд расхождений, в частности в отношении прав и обязанностей участников организаций, структуры их органов, вопросов деятельности организаций, их прекращения и др.

В настоящее время в ГК РФ закреплены исчерпывающий перечень форм некоммерческих юридических лиц, их цели и характерные признаки. На первый взгляд для благотворительных организаций относительно пригодными являются лишь некоторые. Из числа предусмотренных для корпораций — общественная организация (п. 1 ст. 123.4 ГК РФ), общественное движение (п. 1 ст. 123.7-1 ГК РФ), ассоциация (союз) (п. 1 ст. 123.8 ГК РФ). Формами унитарных юридических лиц для благотворительных организаций могут быть фонд (п. 1 ст. 123.17 ГК РФ), учреждение (п. 1 ст. 123.21 ГК РФ) и автономная некоммерческая организация (п. 1 ст. 123.24 ГК РФ). Вместе с тем анализ посвященных им положений свидетельствует, что законодатель исходит из традиционных взглядов: юридическое лицо корпоративного типа направлено на удовлетворение личных потребностей участников, и лишь унитарная организация действует в интересах пользователей (дестинаторов), не связанных непосредственно между собой и организацией в качестве ее членов²⁰. Поэтому наиболее адекватными для благотворительных организаций являются формы унитарных юридических лиц, главным образом форма фонда.

В связи с установлением для благотворительных организаций специальных нормативных требований и преимуществ особое значение приобретает закрепление четких критериев, позволяющих отграничить благотворительные организации от иных некоммерческих. Из положений Федерального закона № 135-ФЗ следует, что основным признаком благотворительных организаций являются их цели деятельности, которые должны соответствовать нормативно установленным целям благотворительной деятельности. Они предусматриваются в учредительных документах организаций и определяют объем их специальной гражданской правоспособности (п. 1 ст. 49 ГК РФ). Однако возможные цели деятельности благотворительных организаций, закрепленные в ст. 2 Федерального закона № 135-ФЗ, в значительной степени совпадают с целями других некоммерческих организаций, и прежде всего относящихся к категории социально ориентированных (ст. 2, 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ).

Соответственно, о благотворительном характере организации могут свидетельствовать лишь условия осуществления ею деятельности. Для благотворительных организаций она предполагает бескорыстную — безвозмездную или на льготных условиях — передачу имущества гражданам или юридическим лицам, бескорыстное выполнение работ, предоставление услуг, оказание иной поддержки. Но объем гражданской правоспособности некоммерческого юридического лица определяется его основной целью, а не путями и способами ее достижения, видами и условиями его деятельности. Ситуация осложняется тем, что осуществ-

²⁰ См.: *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица. М., 1947. С. 46.

влять благотворительную деятельность в целях своего создания может любая некоммерческая организация.

Судебные органы в качестве ориентира нередко используют наименование некоммерческой организации, поскольку согласно п. 1 ст. 54 ГК РФ оно должно содержать указание на характер ее деятельности. Наличие в наименовании организации слова «благотворительная», по мнению судов, свидетельствует о ее соответствующем качестве, причем даже тогда, когда наименование одновременно включает указание на несколько направлений деятельности. Так, оценивая статус Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительное, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»», суд выразил мнение, что, поскольку в наименовании присутствовало указание на благотворительный характер деятельности, организация должна соблюдать требования Федерального закона № 135-ФЗ. Доводы, что эти требования относятся только к тем юридическим лицам, для которых благотворительная деятельность является основной, были судом отклонены²¹. Однако следует отметить, что не все организации, имеющие в своем наименовании соответствующее указание, реализуют непосредственно благотворительные цели²². Напротив, действует значительное число некоммерческих организаций, нацеленных на благотворительную деятельность, в названии которых прилагательное «благотворительная» отсутствует и заменено близкими по содержанию понятиями²³.

Дополнительно возникают проблемы в связи со специальной нормативной регламентацией отдельных видов деятельности, признаваемых Федеральным законом № 135-ФЗ благотворительными. Так, целью благотворительных организаций может быть содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства. Сходные цели в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности»²⁴ характерны для меценатской деятельности. Содержание осуществляемых при этом видов деятельности также имеет сходство. Но, если благотворительная деятельность по передаче имущества другим лицам бескорыстна, т.е. осуществляется безвозмездно или на льготных условиях, то меценатская деятельность предполагает

²¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 14 июля 2014 г. по делу 33-28196 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Так, основными целями Ассоциации социально ориентированных организаций «Благотворительное собрание «Все вместе»» являются координация деятельности ее членов и содействие членам в осуществлении деятельности, направленной на популяризацию благотворительной деятельности в Российской Федерации, в создании и продвижении новых благотворительных проектов и инициатив и т.п. (URL: http://www.wse-wmeste.ru/userfiles/img_20160127_0001.pdf (дата обращения: 31 октября 2018 г.)).

²³ К примеру, основная цель автономной некоммерческой организации «Международный центр помощи пациентам с орфанными заболеваниями «Редкие Люди» состоит в предоставлении услуг в помощи пациентам с орфанными заболеваниями, в том числе содействие защите их прав и законных интересов, осуществление благотворительной деятельности (URL: <http://orphanpeople.ru/images/Docs/ustav%20glya.pdf> (дата обращения: 31 октября 2018 г.)).

²⁴ СЗ РФ. 2014. № 45. Ст. 6137.

передачу имущества исключительно безвозмездно. В связи с этим остается неясным, как соотносятся благотворительная и меценатская деятельность; следует ли признавать благотворительной (и применять к ней специальные положения Федерального закона № 135-ФЗ) некоммерческую организацию, созданную для осуществления меценатской деятельности.

Использование в качестве критерия выделения благотворительных организаций условий осуществления ими уставной деятельности также недостаточно эффективно. Предусматривая, что благотворительные организации осуществляют бескорыстную, т.е. безвозмездную или на льготных условиях передачу имущества, бескорыстное выполнение работ и предоставление услуг благополучателям, законодатель не раскрывает соответствующие понятия применительно к возникающим отношениям. В результате остаются открытыми вопросы: может ли рассматриваться как благотворительная некоммерческая организация, к примеру, оказывающая услуги с взиманием за это платы ниже рыночной, со скидками для отдельных категорий лиц, с предоставлением отсрочки оплаты и т.д. Кроме того, неясно, как следует оценивать льготность условий (в сравнении с условиями оказания аналогичных услуг этой же организацией другим категориям лиц или с условиями оказания услуг иными организациями и какими именно — любыми, только некоммерческими, какой-то их частью и т.д.), должны ли параметры этой льготности где-либо закрепляться и как-то обеспечиваться.

При отсутствии четких признаков благотворительных организаций их внешним показателем зачастую становится наличие благотворительной программы, представляющей собой комплекс мероприятий, утвержденных высшим органом управления организацией и направленных на решение ее конкретных задач, соответствующих уставным целям. Благотворительная программа включает смету предполагаемых поступлений и планируемых расходов, устанавливает этапы и сроки ее реализации. При этом на финансирование благотворительных программ должно быть использовано не менее 80 % поступивших за финансовый год доходов от внебюджетных операций, поступлений от учрежденных благотворительной организацией хозяйственных обществ и доходов от разрешенной законом приносящей доход деятельности (ст. 17 Федерального закона № 135-ФЗ). На практике наличие в некоммерческой организации благотворительной программы позволяет контролирующим и судебным органам рассматривать организацию как исключительно благотворительную, несмотря на ее наименование и основную цель²⁵. При этом не учитывается, что благотворительной деятельностью могут заниматься в принципе любые некоммерческие организации, чье имущество также формируется за счет добровольных имущественных взносов и пожертвований (п. 1 ст. 26 Федерального закона № 7-ФЗ). Порядок и сроки расходования пожертвований в этом случае могут определяться договором с жертвователем (п. 3 ст. 582 ГК РФ) или организацией самостоятельно, в том числе путем принятия локальных документов, без учета рассчитанных на благотворительные организации предписаний Федерального закона № 135-ФЗ.

²⁵ См.: апелляционное определение Самарского областного суда от 17 июня 2016 г. по делу № 33а-7521/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Значительные проблемы возникают и при определении гражданской правоспособности благотворительных организаций. Согласно п. 1 ст. 12 Федерального закона № 135-ФЗ благотворительная организация вправе осуществлять благотворительную деятельность, направленную не только на достижение целей, ради которых она создана, но и на достижение любых иных предусмотренных Федеральным законом № 135-ФЗ целей. Соответственно, если цель благотворительной организации состоит, к примеру, в улучшении материального положения малообеспеченных граждан, она вправе действовать и в направлении охраны окружающей среды, даже когда ее устав это не предполагает. Иначе говоря, если организация благотворительная, она независимо от содержания устава способна заниматься любой деятельностью в весьма многочисленных сферах. С позиций ГК РФ это означает выход за пределы целевой гражданской правоспособности некоммерческого юридического лица, который может привести не только к недействительности заключаемых им сделок, но и к его ликвидации в принудительном порядке (пп. 3, 4 п. 3 ст. 61 ГК РФ).

Необходимо обратить внимание на действие специальных нормативных положений, введенных законодателем, видимо, предполагающим наличие общности у всех благотворительных организаций как юридических лиц независимо от их форм. Так, согласно ст. 10 Федерального закона № 135-ФЗ высший орган управления любой благотворительной организации должен быть коллегиальным. Его компетенция установлена нормативно, к ней отнесены: изменение устава организации, образование ее органов и досрочное прекращение их полномочий, утверждение благотворительных программ и других документов, принятие решений о создании других юридических лиц и участии в них, принятие решений о реорганизации и ликвидации благотворительной организации (за исключением благотворительного фонда). Обоснованность и универсальность этих положений вызывает сомнения, к примеру, если благотворительная организация имеет форму учреждения. Такое учреждение всегда частное, поскольку может быть создано только благотворительной организацией. Согласно ГК РФ руководителя учреждения, являющегося его органом управления, назначает учредитель. Его избрание коллегиальным органом учреждения допускается только в предусмотренных законом случаях и исключительно для государственного или муниципального учреждения, при условии утверждения принятого решения учредителем. Предусматривается, что по решению учредителя в учреждении могут быть созданы коллегиальные органы, однако они должны быть подотчетны учредителю, что не позволяет квалифицировать их как высшие органы управления учреждением (п. 4 ст. 123.21 ГК РФ).

Вызывает сложности применение к благотворительным учреждениям и других норм Федерального закона № 135-ФЗ. Частное учреждение полностью или частично финансируется учредителем и не является собственником приобретаемого имущества. Согласно п. 1 ст. 298 ГК РФ оно не вправе отчуждать либо иным способом распоряжаться имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным этим учреждением за счет выделенных им средств. Самостоятельно распоряжаться частное учреждение может лишь доходами, полученными от приносящей доходы деятельности, и приобретенным за счет этих доходов имуществом, если право на осуществление такой деятельности предусмотрено

в его уставе. Судебная практика признает приносящую доход деятельность, по сути, предпринимательской. Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁶ на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Очевидно, что пожертвования, поступления от привлеченных ресурсов и из ряда других источников, допускаемых ст. 15 Федерального закона № 135-ФЗ, не являются полученными от приносящей доход деятельности, в связи с чем самостоятельность благотворительного учреждения в распоряжении ими ограничена.

Отмеченные проблемы, не являющиеся единственными, указывают на значительные недостатки законодательных подходов к регламентации гражданско-правового статуса благотворительных организаций. Нечеткость понятия благотворительной организации и присущих ей признаков, множественность правовых актов, определяющих ее правовой статус, и отсутствие между ними необходимой взаимосвязи снижают эффективность благотворительных организаций и во многом ограничивают возможности их участия в новых социально-экономических отношениях совместного потребления.

Все это свидетельствует о необходимости проведения второго этапа реформы законодательства о юридических лицах, в ходе которого особое внимание должно быть уделено благотворительным организациям. Прежде всего требуется с учетом современных социально-экономических потребностей уточнить понятие благотворительных организаций и критерии их отграничения от иных некоммерческих юридических лиц; установить возможность создания благотворительных организаций лишь в определенных правовых формах, соответствующих их целям, направлениям и методам деятельности; более четко определить объем и содержание их гражданской правоспособности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица. — М., 1947. — 364 с.
2. *Жидков А. С.* Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. — Серия 1 «Экономика и управление». — 2017. — № 4 (23). — С. 46—54.
3. *Кожевников О. А.* Положительные и отрицательные стороны законодательства о благотворительной деятельности в Российской Федерации // Социальное и пенсионное право. — 2012. — № 2. — С. 7—10.
4. *Кумаритова А. А.* Благотворительные организации в гражданском законодательстве // Право и экономика. — 2006. — № 3. — С. 8—13.

²⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОТ ОБЪЕКТА К СУБЪЕКТУ?

Аннотация. В настоящее время наука и техника вплотную подошли к активному внедрению систем искусственного интеллекта в самые разные сферы жизни общества. Целью данной статьи является попытка наметить некоторые правовые проблемы, возникающие или потенциально способные возникнуть в этой связи в будущем. С развитием науки и техники искусственный интеллект постепенно получит возможности совершать самостоятельные, в том числе юридически значимые, действия. В статье искусственный интеллект рассматривается как вещь с функцией искусственного интеллекта, обеспечиваемого с помощью специальных программ, способных к самообучению на основе анализа собственных успешных и ошибочных действий, и характеризующихся автономной (т.е. не требующей вмешательства оператора) работой. На сегодняшний день несомненно, что системы искусственного интеллекта — это объекты гражданско-правовых отношений. Но искусственный интеллект все активнее входит в самые разные сферы, которые ранее считались доступными только для человека — это, в частности, создание произведений литературы и искусства. В статье анализируется проблема определения автора таких произведений. Искусственный интеллект входит и в те области, где его деятельность напрямую может затронуть жизнь и здоровье людей, такие как медицина, транспорт. В статье рассматривается проблема ответственности за вред, который может быть причинен устройством, обладающим искусственным интеллектом. Также в статье рассматривается возможность присвоения роботам с искусственным интеллектом статуса субъекта права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объект гражданского правоотношения, субъект гражданского правоотношения, источник повышенной опасности.

**Семен Алексеевич
СОМЕНКОВ,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sasomenkov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085

S. A. SOMENKOV,

*Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
sasomenkov@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM OBJECT TO SUBJECT?

Abstract. *Currently, science and technology have come close to the active implementation of artificial intelligence systems in various spheres of society. The purpose of this article is to attempt to identify some of the legal problems that arise or are potentially capable of arising in this connection in the future. With the development of science and technology, artificial intelligence will gradually receive opportunities to perform independent, including legally significant, actions. The article considers artificial intelligence as a thing with the function of artificial intelligence, provided with the help of special programs capable of learning based on the analysis of their own successful and erroneous actions and characterized by autonomous (that is, not requiring operator intervention) work. Today, there is no doubt that artificial intelligence systems are objects of civil law relations. But artificial intelligence is increasingly entering various spheres that were previously considered accessible only to humans — this, in particular, the creation of works of literature and art. The article analyzes the problem of determining the author of such works. Artificial intelligence is also included in those areas where its activity can directly affect the lives and health of people, such as medicine and transport. The article deals with the problem of liability for harm that may be caused by a device with artificial intelligence. The article also considers the possibility of assigning the status of a subject of law to robots with artificial intelligence.*

Keywords: *artificial intelligence, the object of civil legal relations, the subject of civil legal relations, a source of increased danger.*

Вопросы искусственного интеллекта (далее также — ИИ) разрабатываются учеными в течение многих десятилетий, но только сейчас наука и техника вплотную подошли к активному внедрению систем искусственного интеллекта в самые разные сферы нашей жизни. Уже сейчас мы используем в повседневной жизни компьютеризированные устройства, или, как еще говорят, «умные вещи», о которых еще лет 30—40 назад могли писать только фантасты, причем зачастую относили возможность их появления к гораздо более далекому будущему. Эти устройства кардинально меняют нашу жизнь. И этот процесс продолжается. Целью данной статьи является попытка наметить некоторые правовые проблемы, возникающие или потенциально способные возникнуть в будущем в сфере применения искусственного интеллекта.

На сегодняшний день искусственный интеллект становится предметом изучения не только кибернетиков, биологов, психологов, лингвистов, математиков,

инженеров, но и юристов. С развитием науки и техники в данной сфере искусственный интеллект постепенно получит возможность совершать самостоятельные, в том числе юридически значимые, действия.

И это уже не фантастика. В правовых актах термин «искусственный интеллект» уже активно используется. Например, Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ)¹ называет такой вид товара: «Роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» (класс 09, базовый № 090778).

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» искусственный интеллект отнесен к основным сквозным цифровым технологиям, которые входят в рамки указанной Программы².

Прежде чем говорить о понятии искусственного интеллекта, попытаемся ответить на вопрос, что же такое интеллект? Традиционно слово «интеллект» связывают исключительно с человеком. Так, толковые словари русского языка определяют интеллект как ум, рассудок, мыслительную способность у человека³; как мыслительную способность, умственное начало у человека, определяющее его деятельность⁴. Философский энциклопедический словарь определяет интеллект как способность мышления, рационального познания, при этом такие, например, душевные способности, как чувство, воля, интуиция, воображение и т.п., к интеллекту не относятся⁵. В психологии под интеллектом понимается «относительно устойчивая структура умственных способностей индивида»⁶. Энциклопедия «Britannica» определяет человеческий интеллект как умственное качество, которое состоит из способности учиться на опыте, адаптироваться к новым ситуациям, понимать и обрабатывать абстрактные понятия и использовать знания для воздействия на окружающую среду⁷.

Что такое искусственный интеллект? Что охватывает собой это понятие? По мнению Джона Маккарти, который и ввел этот термин в 1956 г., ИИ — «это наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Это связано с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но ИИ не должен ограничиваться биологически наблюдаемыми методами»⁸.

Также понятием «искусственный интеллект» обозначаются технические системы, способные к адаптивному поведению и решению задач, в том числе и таких,

¹ Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (Одиннадцатая редакция, издание 1-е, принята в г. Ницце 15.06.1957) (с изм. и доп. от 2017 года) // СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2009. С. 311.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 245.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 215.

⁶ Философский энциклопедический словарь. С. 216.

⁷ Encyclopedia Britannica // URL: <https://www.britannica.com/science/human-intelligence-psychology> (дата обращения: 16.09.2018).

⁸ McCarthy J. What is artificial intelligence? // URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html> (дата обращения: 16.09.2018).

которые относятся к сфере восприятия, организации движений, понимания текста и т.п.⁹ Некоторые авторы также добавляют сюда способность таких систем выполнять творческие функции, которые традиционно рассматриваются как атрибут человека¹⁰. Характерно, что все эти определения искусственного интеллекта не учитывают правовых аспектов данного явления. В литературе отмечается проблема отсутствия «легального определения термина “искусственный интеллект”, в то время как в науке существует порядка пятнадцати его естественно-научных определений»¹¹.

В целом проблема создания искусственного интеллекта сводится к максимально точному воспроизведению работы мозга человека с помощью технических средств. Эта задача сможет быть решена с помощью создания нейронных сетей, над созданием которых сейчас активно работают специалисты в области ИИ. Подобно нервной системе человека нейронные сети «обучаются на основе опыта, обобщают предыдущие прецеденты на новые случаи и извлекают существенные свойства из поступающей информации, содержащей излишние данные»¹². Пока еще создание полноценного ИИ делает первые шаги, хотя и они выглядят достаточно впечатляюще. Примером системы ИИ на основе нейронной сети является голосовой помощник, разработанный компанией «Яндекс». С его помощью можно разговаривать со своим компьютером или мобильным устройством и осуществлять поиск в Интернете. При этом данная система является самообучающейся (т.е. не ограничивается набором заранее заданных ответов) и совершенствуется, «общаясь» с пользователями.

Нас в первую очередь интересует второе понятие искусственного интеллекта (как технической системы), и в дальнейшем применительно к ИИ мы будем говорить именно о вещах с функцией искусственного интеллекта, обеспечиваемого с помощью специальных программ, способных к самообучению на основе анализа собственных успешных и ошибочных действий и характеризующихся автономной (т.е. не требующей вмешательства оператора) работой. При этом не все автономно действующие вещи могут признаваться имеющими функцию ИИ.

Можно создать робота, который будет запрограммирован выполнять какую-то функцию, например будет танцевать. Но если он будет выполнять ее чисто механически, то нет оснований говорить о наличии в этой вещи признаков ИИ. Если же робот научился танцевать сам, наблюдая за делающим это человеком, и постоянно совершенствует этот процесс, учитывая свой предыдущий опыт, в том числе негативный, есть основания считать, что он наделен ИИ. Если компьютерная программа по запросу пользователя выдает из базы данных определенные значения, она еще не обладает ИИ. Но если данная программа после обучения может самостоятельно решать определенные задачи, есть основания говорить

⁹ Философский энциклопедический словарь. С. 216.

¹⁰ Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поселов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992.

¹¹ Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69—89.

¹² Уоссермен Ф. Нейрокомпьютерная техника: теория и практика / пер. с англ. Ю. А. Зуева, В. А. Точенова. М.: Мир, 1992. С. 5.

о наличии признаков ИИ. Например, когда справочно-правовые системы будут на основании загруженных в них данных о споре выдавать правовое заключение по этой ситуации, можно будет говорить о наличии у данной программы ИИ.

Искусственный интеллект все активнее входит в самые разные сферы, которые ранее считались доступными только для человека. Применительно к гражданско-правовым отношениям на сегодняшний день несомненно, что системы ИИ — это объект таких отношений. Но объект достаточно специфичный. Всегда считалось, что творчество доступно лишь человеку. Но, как уже отмечалось выше, способность выполнять творческие функции также рассматривается некоторыми исследователями как свойство ИИ. Так, Google осуществляет разработки, совмещающие нейросети, рисование и искусственный интеллект. Одной из таких разработок является проект Sketch-RNN, представленный в 2017 г.¹³ Он представляет собой самообучающуюся нейросеть, которая может рисовать эскизы различных предметов, имеющихся в ее базе. Смысл в том, что человек рисует предмет, а Sketch-RNN распознает, что именно нарисовано, и рисует аналогичную картинку. Но это не копирование распознанного рисунка. Если системе предложить нарисовать, скажем, кошку, она создаст свой уникальный рисунок кошки. Более того, система может улучшать предложенные ей рисунки. Так, когда системе было дано изображение кошки с тремя глазами, она нарисовала нормальную кошку с двумя глазами. При этом рисунок нейросети получился лучше, чем человеческий.

Но простейшими рисунками дело не ограничивается. Ученые из Ратгерского университета лаборатории Facebook's AI создали систему, в которой две нейронные сети взаимодействуют друг с другом как оппоненты — одна сеть предлагает решение, а другая его критикует. Это способствует получению наилучшего результата и самосовершенствованию ИИ. Интересно, что картины, созданные ИИ, предложили оценить людям наряду с картинами, написанными рукой человека. При этом опрошенным не сообщили, какие картины «написал» ИИ. Результат опроса удивил разработчиков данной системы — во многих случаях картины, созданные ИИ, были оценены выше, чем написанные человеком¹⁴.

Искусственный интеллект успешно пробует себя и на ниве художественной литературы. Исследователи из Университета будущего в Хакодате (Япония) создали робота-писателя. Роман, написанный роботом, был отправлен на соискание престижной Литературной премии имени Хоси Синъити и вышел в финал. Интересна оценка данного произведения со стороны японского писателя-фантаста Сатоши Хасэ. Выступая на пресс-конференции после конкурса, он сказал: «Я был удивлен работой, потому что это был хорошо структурированный роман. Но есть еще некоторые препятствия для того, чтобы выиграть приз, такие как описания персонажей»¹⁵.

¹³ См.: *David Ha, Douglas Eck*. A Neural Representation of Sketch Drawings // URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.03477.pdf> (дата обращения: 16.09.2018).

¹⁴ См.: *Ефимова Е.* Новое слово в живописи: искусственный интеллект «пишет» картины в уникальном стиле // Вести.Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2905726> (дата обращения: 16.09.2018).

¹⁵ См.: *Clark B.* While Microsoft's Tay was being racist, an AI entered a writing contest — and nearly won // TNW. URL: <https://thenextweb.com/insider/2016/03/24/while-microsofts-tay->

Есть успешные попытки разработки ИИ, способного сочинять музыку. В августе 2017 г. система ИИ Amper сочинила музыку для альбома «I AM AI», что в переводе с английского означает «Я — искусственный интеллект»¹⁶.

Возникает вопрос — кто является автором таких произведений? Разработчик ИИ или пользователь, давший ИИ задание на создание произведения? Сам ИИ, разумеется, не может быть признан автором, по крайней мере в рамках действующего законодательства. Но можно ли признать автором разработчика такой системы? Или владельца, эксплуатирующего систему и загружающего в нее определенное задание? Думается, что их также нельзя признать авторами, так как согласно ст. 1257 ГК РФ «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано». Применительно к разработчику ИИ можно сказать, что его творческим трудом создана данная система, но то, что она делает сама, — никак нельзя отнести к творческому труду ни разработчика, ни эксплуатанта.

Возможно, придется выработать новую категорию произведений — созданных ИИ. Может быть, следует отнести их к произведениям, не являющимся объектами авторских прав (п. 6 ст. 1259 ГК РФ). Да, пока произведения ИИ несовершенно. Пока они существуют только как «удивительное рядом». Но со временем все может измениться. Этот вопрос станет особенно актуальным, если произведения ИИ станут коммерчески привлекательными для издателей.

Сфера применения ИИ постоянно растет. Выяснилось, что ИИ может взять на себя роль посредника на переговорах и поддерживать отношения эффективнее людей. Для этих целей исследователи из Университета Бригама Янга и Массачусетского технологического института создали соответствующую систему ИИ. Выяснилось, что в большинстве случаев устройства превосходили людей в поиске компромиссов, которые приносят пользу обеим сторонам. Сами разработчики считают, что это может иметь долгосрочные последствия для человеческих отношений. Один из них, профессор Якоб Крэнделл, отмечает, что «в обществе отношения постоянно портятся, и люди, которые были друзьями в течение многих лет, внезапно становятся врагами. Поскольку машине зачастую удается в лучшей степени достигнуть компромисса, чем нам, искусственный интеллект может научить нас, как это лучше сделать»¹⁷.

Искусственный интеллект входит и в те области, где его деятельность напрямую может затронуть жизнь и здоровье людей. Так, ИИ активно внедряется в сферу медицинских услуг. Китайская компания «iFlytek» создала интеллектуального робота Xiaoyi (Сяо И), который впервые сдал экзамен на врача и получил лицензию на врачебную деятельность. Конечно, это можно рассматривать,

was-being-racist-an-ai-entered-a-writing-contest-and-nearly-won/#gref (дата обращения: 16.09.2018).

¹⁶ См.: Galeon D. The World's First Album Composed and Produced by an AI Has Been Unveiled // Сайт futurism.com. URL: <https://futurism.com/the-worlds-first-album-composed-and-produced-by-an-ai-has-been-unveiled/> (дата обращения: 16.09.2018).

¹⁷ Искусственный интеллект сможет вести переговоры и поддерживать отношения // Портал искусственного интеллекта. URL: <http://www.aiportal.ru/news/13566.html> (дата обращения: 16.09.2018).

скорее, как рекламный ход, чтобы привлечь интерес медицинских организаций к новой продукции. Никто не собирается ставить этого робота на место врача. Его назначение — ассистировать врачам, чтобы повысить качество их работы. Как сообщается, этот робот сосредоточится на противоопухолевой терапии, а также на обучении врачей общей практики, которых в сельских районах Китая недостаточно¹⁸. Непосредственную ответственность за работу такой машины несет эксплуатирующая ее медицинская организация, как и применительно к любому медицинскому оборудованию. Но здесь встает вопрос и об ответственности производителя системы ИИ, к которому эксплуатант может предъявить требования в случае, если неправильное лечение было осуществлено вследствие недостатков самой системы ИИ.

Автомобили, управляемые ИИ, уже появляются на дорогах. Такие эксперименты идут и за рубежом, и в России. Так, 12 июня 2018 г. компания «КамАЗ» продемонстрировал в Казани прототип беспилотного электробуса КамАЗ-1221 «ШАТЛ» (широко адаптивная транспортная логистика). Это транспортное средство разработано ПАО «КамАЗ» совместно с ФГУП «НАМИ». Внедрению этого электробуса в широкую эксплуатацию препятствует то, что в России в настоящее время отсутствует законодательство, регулирующее движение беспилотного транспорта¹⁹.

22.06.2018 было объявлено, что беспилотный автомобиль, разрабатываемый российской компанией «Яндекс», впервые в автономном режиме проехал из Москвы в Казань. Автомобиль преодолел 789 км за 11 часов. 99 % пути были преодолены в режиме автопилота. Все время поездки на водительском месте находился пилот-испытатель, готовый взять на себя управление в случае нештатной ситуации.

Законодательство и общество пока не готовы к полноценному допуску автомобилей, управляемых ИИ, на дороги общего пользования, но со временем ситуация изменится.

За рубежом соответствующая правовая база уже появляется. Так, в марте 2012 г. в штате Невада вступил в силу закон, разрешающий езду по автомагистралям «автомобилей, которые используют искусственный разум, сенсоры и систему глобального позиционирования, чтобы передвигаться самостоятельно, без активного вмешательства водителя-человека». Данный закон именуется водителя «оператором», при этом он остается им, даже если «физически не присутствует» в автомобиле. У таких автомобилей особые номера — с красным фоном и значком бесконечности (когда начнется коммерческое использование машин, фон поменяют на зеленый). Оператор такой машины должен получить не только обычные права, но и специальный документ, удостоверяющий его способность управлять именно роботом, а не просто машиной²⁰. Очевидно, фигура оператора

¹⁸ См.: *Шестакова К.* Герои будущего. Как работает искусственный интеллект // URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/781064> (дата обращения: 16.09.2018).

¹⁹ «КамАЗ» представил в Казани беспилотный электробус «ШАТЛ» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/avto/20180612/1522556402.html> (дата обращения: 16.09.2018).

²⁰ Автомобили, умеющие ездить без водителя // Сетевой журнал «Softmixer». URL: http://www.softmixer.com/2012/10/blog-post_9748.html (дата обращения: 16.09.2018).

нужна для того, чтобы можно было без проблем определить субъекта ответственности за возможный вред, причиняемый таким транспортным средством. Вероятно, некоторое время ИИ в автомобиле будет выполнять функцию автопилота. Со временем можно ожидать, что автомобили-роботы будут перевозить пассажиров и грузы без номинального присутствия в кабине оператора.

Как мы уже отмечали ранее, на сегодняшний день с точки зрения гражданского права система, оснащенная ИИ, — это вещь. При этом законодательство не содержит каких-либо особенностей правового режима этих вещей и не ограничивает их оборот. Однако у этого объекта есть ряд особенностей, связанных с возможностью его автономного функционирования. Поэтому деятельность, связанная с использованием ИИ, нуждается в специальном правовом регулировании. Особенно очевидно это на примерах использования ИИ в медицине, на транспорте и в других сферах, где ценой выхода ИИ из-под контроля может быть не только имущественный вред, но даже здоровье и жизнь человека.

К таким системам ИИ, как беспилотные транспортные средства, применимы положения ГК РФ об источнике повышенной опасности (ст. 1079). А то, что опасность для человека они представляют, к сожалению, недавно подтвердилось — в марте 2018 г. беспилотный автомобиль передвигался в автономном режиме по улицам города Темпе (штат Аризона, США) и на скорости 63 км/ч в темное время суток совершил наезд на женщину, которая позже умерла в больнице. При этом испытатель, который находился на водительском кресле и должен был следить за обстановкой, не сумел избежать столкновения²¹.

Думается, что есть смысл рассматривать ИИ как источник повышенной опасности и в других случаях. Чем ИИ становится «умнее», тем он становится опаснее, так как моральных ограничений у него нет. Интересно, что предпринимаются попытки сформировать у ИИ определенные моральные установки. Так, ученые из Массачусетского технологического института создали проект, названный ими «Moral Machine». На специально созданном сайте посетителям предлагается решить моральные дилеммы, где управляемый ИИ автомобиль должен выбрать наименьшее из двух зол: например, смерть двух пассажиров или пяти пешеходов²².

В этой связи нельзя забывать и об ответственности разработчика ИИ за его дальнейшее поведение. Искусственный интеллект сродни ребенку — как его воспитаешь, что вложишь в него, таким он и будет. Потому представляется, что со временем потребуется лицензирование деятельности, связанной с производством и, возможно, даже с эксплуатацией ИИ. Возможно, потребуется регистрация систем ИИ, как это сейчас установлено для транспортных средств. Помочь в случае причинения вреда искусственным интеллектом третьим лицам может страхование ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ). Думается, что следовало бы сделать такое страхование обязательным. Но для этого необходимо четко определить в законе критерии отнесения соответствующих систем к ИИ.

²¹ *Wakabayashi D.* Self-Driving Uber Car Kills Pedestrian in Arizona, Where Robots Roam // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/uber-driverless-fatality.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur> (дата обращения: 16.09.2018).

²² *Moral Machine.* URL: <http://moralmachine.mit.edu/hl/ru> (дата обращения: 16.09.2018).

Может ли ИИ когда-нибудь перейти из объектов в субъекты правоотношений? Постановка вопроса на первый взгляд кажется фантастической. Тем не менее такой вопрос за рубежом уже обсуждается на весьма серьезном уровне. В Европейском парламенте рассматривается законопроект о предоставлении роботам статуса «электронной личности». Автором законопроекта является представитель социалистов из Люксембурга Мадди Дельво-Стер (Mady Delvaux-Stehres). По его мнению, сейчас из-за внедрения роботов, андроидов и других форм искусственного интеллекта в мире происходит «технологическая революция», и ЕС необходимо установить базовые этические принципы и юридические рамки, регулирующие работу устройств. Он считает, что по мере того, как роботы начинают действовать все более автономно, становится все сложнее считать их «лишь орудиями в руках других субъектов» — производителя, владельца или пользователя. Данный законопроект предполагает возможность возложить на роботов ответственность за совершаемые ими действия. «Обычные нормы ответственности становятся неэффективными, и появляется необходимость создать новые нормы, которые в первую очередь определяют, как аппараты могут быть привлечены к ответственности — полной или частичной — за свои действия или бездействие», — говорится в тексте документа. Данный законопроект получил одобрение Комитета по юридическим вопросам Европарламента²³.

В Европарламенте заявили, что закон будет касаться «умных» роботов, способных учиться, приобретая новый опыт и адаптируя свои поведение и действия к окружающей среде. Сюда отнесены автономные транспортные средства и беспилотные летательные аппараты, заводские роботы и некоторые модификации домашней техники, например робот-пылесос. Наделять роботов всеми правами человека, например правом голоса, правом на жизнь или правом на владение имуществом, не предполагается.

Этот законопроект вызвал резкую критику специалистов в области искусственного интеллекта, робототехники, права и этики. Более 150 экспертов из 14 стран подписали открытое письмо Европейскому парламенту с осуждением данного законопроекта. По мнению ученых, невозможно доказать ответственность машины, если она из-за сбоя или недостаточного совершенства своих алгоритмов нанесла окружающим вред²⁴. Здесь также можно задать вопрос: как реализовать ответственность машины, если у нее даже согласно этому законопроекту не может быть своего имущества? Разве что разобрать ее на запчасти и продать их?

Проекты нормативных актов, призванные создать специальное правовое регулирование в сфере применения искусственного интеллекта, разрабатываются и в России. Так, Д. С. Гришин (основатель «Grishin Robotics») представил проект закона²⁵, которым предлагается закрепить в ГК РФ понятие робота-агента. Такой

²³ Европарламентарии могут предоставить роботам юридический статус // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20170114/1485715425.html?injal=1> (дата обращения: 16.09.2018).

²⁴ Ксенофонт А. Бесправный механизм: почему ученые выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности» // RT. URL: <https://russian.rt.com/science/article/504118-roboty-evroparlament-yuridicheskoye-lico> (дата обращения: 16.09.2018).

²⁵ Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области

робот, согласно проекту, должен иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. К гражданским отношениям с участием роботов-агентов предлагается применять по аналогии нормы о юридических лицах.

А. В. Незнамов и В. Б. Наумов разработали проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте²⁶. В статье 29 этого документа указано, что роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, если это прямо установлено применимым законодательством. Сами авторы этого проекта указывают, что тем самым они «сознательно оставили за его пределами регулирование вопроса о том, должны ли в будущем умные роботы стать субъектами права или оставаться объектами»²⁷.

Кто заинтересован в попытках законодательного присвоения роботам с ИИ статуса субъекта права? Это не только и не столько энтузиасты новых технологий. Реально в таких законодательных нововведениях заинтересованы компании, производящие системы ИИ. В рамках действующего законодательства они вполне могут быть привлечены к ответственности за недостатки в своей продукции, оснащенной ИИ. Признание же роботов «личностью» позволит им избежать такой ответственности.

На сегодняшний день ни одна система ИИ не является полностью автономной и не может обойтись без того или иного участия человека в ее работе. Смогут ли когда-либо осуществиться идеи фантастов о роботах, являющихся полноценными (или почти полноценными) членами общества? Пока об этом говорить преждевременно. Современный уровень науки и техники не позволяет создать робота, который смог бы мыслить подобно человеку. Но попытки «очеловечить» робота не только на уровне технического воплощения в человекообразной форме, но и юридически, уже есть. В 2017 г. в прессе появилась информация, что человекообразный робот София, произведенный гонконгской компанией «Hanson Robotics», получил гражданство Саудовской Аравии²⁸.

Искусственный интеллект уже меняет нашу жизнь. Станет ли он благом или проблемой — во многом зависит от людей. Во всяком случае, определенные со-

робототехники» // Сайт Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта «Робоправо». URL: http://robopravo.ru/matieraly_dlia_skachivaniia#ul-id-4-35 (дата обращения: 16.09.2018).

²⁶ Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта // URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 16.09.2018).

²⁷ Незнамов А. В., Наумов В. Б. Указ. соч.

²⁸ Даная информация выглядит сомнительной, так как была озвучена модератором дискуссии на конференции «Инвестиционная инициатива будущего», проходившей в Эр-Рияде, и не была подтверждена официально (но и не была опровергнута). Во всяком случае, в настоящее время эта информация доступна на сайте Саудовского центра международных коммуникаций (URL: <https://cic.org.sa/2017/10/saudi-arabia-is-first-country-in-the-world-to-grant-a-robot-citizenship/>) (дата обращения: 16.09.2018)).

циальные последствия его внедрение уже порождает. В сентябре 2016 г. Герман Греф сказал, что Сбербанк через пять лет сможет принимать 80 % всех решений с помощью искусственного интеллекта. При этом Г. Греф заметил: «Это означает, что в нашем случае десятки тысяч людей потеряют свою сегодняшнюю работу»²⁹. В январе 2017 г. зампред правления Сбербанка Вадим Кулик, выступая на Гайдаровском форуме в РАНХиГС, сообщил, что Сбербанк в 2017 г. сократит 3 тысячи рабочих мест из-за работа-юриста, который будет выполнять функции соответствующих сотрудников, сокращениям по мере развития роботизации подвергнутся и другие специальности. Этот робот может сам писать искивые заявления. По словам В. Кулика, Сбербанк будет предлагать юристам пройти переобучение, но всех это не спасет от увольнений³⁰.

Жюль Верн сказал: «Успехи науки не должны обгонять совершенствование нравов»³¹. Но зачастую бывает наоборот. Если наука и техника сумеют приблизиться к созданию реально мыслящего ИИ, аналогичного человеческому разуму, то, возможно, понадобятся временные ограничения на разработку таких систем, аналогично тому, как это сейчас сделано в отношении клонирования человека³², до тех пор, пока общество не будет готово разумно взаимодействовать с ИИ. А для этого нужно в том числе и преобразование правовых подходов к проблеме искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Уоссермен Ф. Нейрокомпьютерная техника: теория и практика / пер. с англ. Ю. А. Зуева, В. А. Точенова. — М. : Мир, 1992. — С. 5.
2. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М., 2009. — С. 311.
3. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — С. 215.

²⁹ Греф: Сбербанк сможет принимать 80 % решений искусственным интеллектом // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20160908/1476449735.html> (дата обращения: 16.09.2018).

³⁰ Сбербанк в 2017 году сократит три тысячи рабочих мест из-за работа-юриста // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20170112/1485611123.html> (дата обращения: 16.09.2018).

³¹ Верн Ж. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 9. М., 1957. С.384.

³² См.: Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

**Евгений Дмитриевич
СУВОРОВ,**

старший преподаватель
кафедры гражданского
права Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
esuvorov@bk.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ С СОЛИДАРНЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ

Аннотация. Статья посвящена разграничению поручительства и солидарных обязательств. Автор обосновывает подход, согласно которому у поручителя имеется свое собственное обязательство, отличное от обязательства основного должника. При этом указывается, что солидарность ответственности поручителя не должна приводить к выводу о солидарности общего для основного должника и поручителя обязательства. В качестве примеров, подтверждающих самостоятельную природу обязательства поручителя, приводятся: различия в последствиях исполнения обязательства основным должником или поручителем, возможность выдвижения поручителем возражений, доступных основному должнику, право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не реализует право на зачет против основного должника, право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не предъявит требование к основному должнику в деле о его банкротстве, способы прекращения обязательства поручителя, последствия прекращения основного обязательства для поручителя, последствия пропуска срока исковой давности кредитором в отношении основного должника, и др. С учетом различной правовой природы солидарных обязательств и поручительства предлагается уточнить п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54, исключив из него второй абзац.

Ключевые слова: поручительство, солидарные обязательства, солидарная ответственность, акцессорность, множественность лиц в обязательстве, пассивная солидарная множественность, солидарная ответственность, возражения, суброгация, регресс, срок исковой давности, прекращение обязательств, недействительность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.086-099

E. D. SUVOROV,

Senior Lecturer of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law
esuvorov@bk.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE LEGAL NATURE OF THE GUARANTEE ON THE EXAMPLE OF COMPARISON WITH SOLIDARY OBLIGATIONS

Abstract. *The article is devoted to the distinction between guarantees and joint obligations. The author substantiates the approach according to which the guarantor has his own obligation, different from the obligation of the main debtor. At the same time, it is stated that the solidarity of the responsibility of the guarantor should not lead to the conclusion about the solidarity of the obligation common to the main debtor and the guarantor. As examples confirming the independent nature of the obligation of the guarantor are given: differences in the consequences of the fulfillment of the obligation by the principal debtor or guarantor, the possibility of the guarantor making objections available to the principal debtor, the right of the guarantor not to fulfill his obligation until the creditor realizes the right to set-off against the principal debtor, the right of the guarantor not to discharge his obligation until the creditor claims the principal debtor in his bankruptcy proceedings, lady termination of the obligation of the guarantor, the consequences of termination of the principal obligation of the guarantor, the consequences of missing the limitation period in respect of the creditor against the principal debtor, and others. Taking into account the different legal nature of joint obligations and sureties, it is proposed to clarify paragraph 52 of the Resolution of the Plenum of the Russian Armed Forces of November 22, 2016 No. 54, excluding the second paragraph from it.*

Keywords: *surety, joint obligations, joint liability, accessibility, plurality of persons in the obligation, passive joint liability, joint liability, objections, subrogation, regress, limitation period, termination of obligations, invalidity.*

В настоящее время актуальность приобрел вопрос о правовой природе обязательства поручителя перед кредитором — идет ли речь о совместном едином обязательстве с множеством лиц на стороне должника (пассивная множественность) либо у поручителя свое обязательство перед кредитором, дополнительное к обязательству основного должника.

Поводом к актуализации проблематики служит п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54, допускающий применение положений о солидарных обязательствах к поручителю и должнику. Так, в соответствии с названным пунктом согласно ст. 324 ГК РФ солидарный должник не может ссылаться в качестве возражения на то обстоятельство, что кредитор отказался от иска к другому солидарному должнику или простил ему долг. Вне зависимости

от этих действий кредитора должник, исполнивший солидарную обязанность, получает регрессное требование, в том числе и к должнику, в отношении которого кредитор отказался от иска или которому он простил долг. Вместе с тем по общему правилу поручитель вправе ссылаться на то, что кредитор простил долг должнику или отказался от иска к должнику. Из указанного следует, что поручитель рассматривается в качестве солидарного должника в смысле солидарных обязательств (ссылка на ст. 324 ГК РФ).

На наш взгляд, поручитель не является солидарным содолжником в общем с основным должником обязательстве, а имеет свое особое акцессорное обязательство по отношению к кредитору. Речь идет об обязательстве из ответственности за исполнение обязательства другим лицом, т.е. не о первичном, а о производном обязательстве. Можно также назвать поручителя должником по обязательству второго уровня, имея в виду его надстроечную природу в обязательственном правоотношении.

По вопросу различия между основным обязательством и обязательством поручителя точно высказался И. Б. Новицкий: «Получается как бы два слоя обязательственных отношений: первый слой — основное обязательство между кредитором и главным должником и, в качестве придатка к этому основному обязательству, второй слой — обязательство из договора поручительства (между тем же кредитором и поручителем)»¹. О самостоятельности данного обязательства писал и Г. Ф. Шершеневич: «Установление поручительства как средства обеспечения предполагает существование другого, главного обязательства...»².

Существенным для определения природы поручительства является то обстоятельство, что основное обязательство не является для поручителя *своим*, его обязательство состоит в ответственности по *чужому* обязательству. Иными словами, исполнение основного обязательства не падает на имущество поручителя, который выполняет транзитную роль, испрашивая компенсацию исполненного через суброгацию требования.

Заранее оговоримся, что мы исходим из представления о солидарном обязательстве как о едином обязательстве с множеством лиц на стороне должника (или кредитора — что нами по понятным причинам не сравнивается в данной статье). Данная оговорка вызвана тем, что ставится под сомнение традиционное представление³ (соответствующее в том числе букве закона⁴) о солидарном обязательстве как о едином обязательстве, сопровождающемся предложением рассматривать пассивное солидарное обязательство в качестве множественности самостоятельных обязательств⁵.

¹ Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 256.

² Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001. С. 386.

³ См., например: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М. : Статут, 2015. Т. 2 : Обязательственное право. С. 50—51.

⁴ В соответствии с п. 1 ст. 308 ГК РФ в обязательстве в качестве каждой из его сторон — кредитора или должника — могут участвовать одно или одновременно несколько лиц.

⁵ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 164 (автор комментария — А. А. Павлов).

Нам кажется удачным пояснение правовой природы солидарного обязательства, данное французским ученым Леоном Жюллио де ла Морандьером: «Права кредитора в отношении солидарных должников и предоставленные каждому из должников средства защиты основываются на двойственной концепции наличия единого долга с единым предметом и единым основанием, каждый из которых, лично и особо от других, отвечает за уплату этого долга полностью. Иначе говоря, существует столько отдельных обязательств, сколько есть должников, но предмет всех этих обязательств один и тот же»⁶. Как представляется, именно наличием отношений кредитора с каждым из солидарных содолжников опосредуется в приведенном определении указание на множественность обязательств, но они (отношения) не оторваны от главного — предмета обязательства, который у них один.

Названный подход — в солидарном обязательстве единый долг — подтверждает, что долг этот принадлежит каждому из содолжников, является для них *своим*. Иными словами, солидарный содолжник является должником в своем, а не в чужом обязательстве. Это означает, что исполнение этого обязательства в конечном счете относится на имущество такого содолжника, даже разверстка (регрессное требование после исполнения) при исполнении одним из них подтверждает это: содолжник лишь компенсирует то, что не приходится на его долю; его доля окончательно ложится на его имущественную обособленность.

Именно этот аспект (кто является обязанным по долгу в конечном счете, а не только как промежуточное звено) не учитывается при смешении солидарных обязательств и поручительства.

Несмотря на то, что на первый взгляд вопрос может показаться исключительно академическим, от ответа на него зависят многие практические последствия. В частности, к таковым можно отнести:

- последствия исполнения обязательства основным должником;
- последствия исполнения обязательства поручителем;
- возможность выдвижения поручителем возражений, доступных основному должнику;
- право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не реализует право на зачет против основного должника;
- право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не предъявит требование к основному должнику в деле о его банкротстве;
- способы прекращения обязательства поручителя;
- последствия прекращения основного обязательства для поручителя;
- последствия пропуска срока исковой давности кредитором в отношении к основному должнику;
- возможность самостоятельного обеспечения обязательства поручителя;

Автор приходит к не разделяемому нами выводу о том, что солидарное обязательство составляет множество самостоятельных обязательств, в том числе за счет примера с поручительством. Такой пример, на наш взгляд, показателен: как раз поручительство, не будучи солидарным обязательством, не может обосновывать изменение природы солидарного обязательства.

⁶ Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / пер. Е. А. Флейшиц. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. Т. 2. С. 637—638.

- право кредитора на реальное исполнение основного обязательства со стороны поручителя;
- последствия недействительности основного обязательства для обязательства поручителя;
- последствия изменения основного обязательства для обязательства поручителя;
- последствия уступки основного требования;
- последствия перевода долга по основному требованию;
- последствия введения в отношении основного должника процедуры банкротства или его ликвидации;
- последствия частичного исполнения поручителем обязательства.

Имеются основания утверждать, что во всех приведенных случаях последствия для отношений поручительства будут отличны от последствий для солидарной пассивной множественности; соответствующий анализ будет приведен ниже.

При таких обстоятельствах кажется сомнительной сама по себе идея поставить природу отношений поручительства в дискуссионный режим. Кажется также, что и норм о солидарной пассивной множественности, которые могли бы применяться к отношениям поручительства, не имеется. Последнее обосновывает тезис об отсутствии практической значимости отхода от квалификации обязательства поручителя в качестве собственного, наряду с обязательством основного должника, что было сделано в п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42. Так, в соответствии с названным пунктом поручитель не является содолжником в обеспеченном поручительством обязательстве (абз. 1 ст. 361, п. 1 ст. 365 ГК РФ), предъявленный к нему в случае просрочки должника иск о понуждении к исполнению обеспеченного обязательства в натуре не подлежит удовлетворению, так как в данном случае поручитель обязан уплатить денежную сумму, соответствующую имущественным потерям кредитора, вызванным неисполнением либо ненадлежащим исполнением должником обеспеченного обязательства.

Аналитическая часть

Последствия исполнения обязательства основным должником. Исполнение обязательства одним из солидарных содолжников влечет появление у него регрессного требования к остальным содолжникам в общем обязательстве в части долей, падающих на таких солидарных содолжников (п. 2 ст. 325 ГК РФ). Такое решение обусловлено тем, что солидарное обязательство является общим и должно исполняться за счет всех содолжников одновременно.

В свою очередь, исполнение обязательства, обеспеченного поручительством, основным должником повлечет прекращение обязательства поручителя (п. 1 ст. 367, п. 1 ст. 408 ГК РФ). Такое решение органично вытекает из того факта, что у поручителя нет участия в общем обязательстве, следовательно, он и не должен что-либо компенсировать исполнившему основному должнику.

Последствия исполнения обязательства поручителем. Принципиально разные последствия возникают при исполнении обязательства поручителем и одним из содолжников в общем солидарном обязательстве.

При исполнении обязательства поручителем имеет место суброгация обеспеченного требования, оно переходит к поручителю в том объеме, в каком оно было исполнено (п. 1 ст. 365 ГК РФ). В то же время исполнение обязательства солидарным содолжником, как уже говорилось выше, приводит к возникновению регрессного требования исполнившего содолжника к остальным содолжникам в долях, падающих на них (п. 2 ст. 325 ГК РФ).

В первую очередь это вытекает из того обстоятельства, что основной долг не является личным долгом поручителя, он как бы замещает на время должника, превращаясь в кредитора после исполнения. Существо поручительства состоит в принятии риска неисполнения обязательства основным должником, и не более, в то время как существо солидаритета состоит в множестве лиц, имеющих один общий собственный долг. Если это так, то реализация риска должна приводить к замещению кредитора в отношениях поручительства, при этом исполнение в солидаритете не должно иметь таких последствий: разверстка последствий исполнения подтверждает, что речь идет о собственном долге, который исполняется за счет участников пассивной солидарной множественности и не подлежит предъявлению кому бы то ни было еще.

Возможность выдвижения поручителем возражений, доступных основному должнику. Поручитель, являясь должником в обязательстве из ответственности за основного должника, вправе выдвигать все те возражения, которые доступны основному должнику (п. 1 ст. 364 ГК РФ). Если скоро такие возражения препятствуют имущественной ответственности основного должника, они должны быть доступны и должнику по обязательству из ответственности.

Напротив, солидарный должник в общем обязательстве не вправе выдвигать против кредитора возражения из отношений другого солидарного должника и кредитора (ст. 324 ГК РФ). Такое решение связано с тем, что солидарный должник является должником в своем обязательстве, а не в обязательстве из ответственности за другое лицо. Следовательно, он и отвечает за исполнение своего, а не чужого обязательства, что не предполагает возможность использования не принадлежащих ему эксцепций.

Право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не реализует право на зачет против основного должника. Поручитель, будучи ответственным за исполнение чужого обязательства, не может быть присужден к исполнению этой ответственности, если такое исполнение возможно посредством совершения кредитором собственных действий. Несмотря на то, что речь идет только о зачете — суррогате исполнения обязательства (п. 2 ст. 364 ГК РФ), представляется целесообразным давать поручителю эксцепцию каждый раз, когда обязательство может быть исполнено без привлечения поручителя. Даже если свести подобные возражения к случаям допустимости зачета, отметим, что подобной ссылки нет и не может быть у солидарного должника (ст. 324 ГК РФ). Будучи должником в своем обязательстве, он отвечает за его исполнение первичным, а не производным образом.

Право поручителя не исполнять свое обязательство до момента, пока кредитор не предъявит требование к основному должнику в деле о его банкротстве. Для поручителя такое право было признано на уровне постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 и, как и прежние

эксцепции, вытекает из того обстоятельства, что поручитель имеет производное обязательство из ответственности за исполнение чужого (первичного обязательства). Здесь указанная природа приводит к суброгации требования, что, в свою очередь, ставит вопрос о подготовке такого требования кредитором к переходу к поручителю. Риск невозможности последующего удовлетворения перешедшего требования (по которому поручитель не являлся должником) при банкротстве основного должника должен быть снижен за счет возложения на кредитора обязанности проявить заботу о таком требовании с учетом его правовых возможностей (соблюдение срока на включение требования в реестр требований кредиторов).

В связи с изложенной идеей в соответствии с п. 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42, имея в виду право поручителя покрыть свои имущественные потери за счет требования кредитора к основному должнику, которое переходит к поручителю на основании п. 1 ст. 365 ГК РФ, а также принимая во внимание необходимость добросовестного поведения в имущественном обороте, суды должны исходить из того, что кредитору до закрытия реестра требований кредиторов следует обратиться с заявлением об установлении его требований в деле о банкротстве основного должника. Если будет установлено, что кредитор не совершал названных действий и это повлекло либо может повлечь негативные последствия для поручителя в будущем, например в виде пропуска срока, установленного п. 1 ст. 142 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», на что поручитель ссылается в порядке ст. 364 ГК РФ, в иске к поручителю (либо во включении требования кредитора в реестр требований кредиторов поручителя), может быть отказано (ст. 10 ГК РФ).

Очевидно, что один из солидарных содолжников не может противопоставить кредитору то обстоятельство, что последний не обратился с требованием к тому солидарному содолжнику, который проходит процедуру банкротства.

Способы прекращения обязательства поручителя. Одним из оснований прекращения поручительства, не разбираемых ниже, является отказ кредитора принять исполнение, предложенное должником или поручителем (п. 5 ст. 367 ГК РФ). Напротив, отказ кредитора от принятия исполнения, предложенного одним из солидарных содолжников, не прекращает обязательства, а переводит кредитора в статус допустившего просрочку (ст. 406 ГК РФ).

Срочность поручительства по отношению к основному обязательству

В соответствии с п. 6 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается по истечении указанного в договоре срока, на которое оно дано. Солидарные обязательства, в свою очередь, не предполагают возможности ограничения срока, в течение которого требование кредитора может быть предъявлено к отдельным солидарным содолжникам⁷.

⁷ Здесь речь идет не о сроках исполнения обязательства, которые могут отличаться, а о срочности самого права по отношению к поручителю. Представляется при этом возможным согласиться с тем, что сроки исполнения общего обязательства для солидарных содолжников могут различаться, концепции единого долга это не противоречит. В связи с этим мы не можем согласиться с тем, что указанное обстоятельство свидетельствует о множественности обязательств солидарных содолжников (см.: Договорное и обязательственное право. С. 164).

Напротив, в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 323 ГК РФ солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью.

Последствия совпадения должника и кредитора в одном лице при солидарном обязательстве и при поручительстве. В ситуации, когда один из солидарных содолжников одновременно станет кредитором в указанном обязательстве, механизм разверстки должен привести к тому, что такой солидарный содолжник имеет право на получение части исполнения, причитающейся на других солидарных содолжников.

В свою очередь, совпадение должника и кредитора в обеспеченном поручительством обязательстве приведет к прекращению обеспеченного обязательства (ст. 413 ГК РФ) и, соответственно, обязательства поручителя (п. 1 ст. 367 ГК РФ). Если же поручитель станет кредитором в обеспеченном поручительством обязательстве, то прекратится только обязательство поручителя (отличное от основного обязательства) (ст. 413 ГК РФ), при этом, став кредитором, поручитель имеет требование по основному долгу без изменений.

Последствия прекращения основного обязательства для поручителя. В случае прекращения основного обязательства обязательство поручителя прекращается (п. 1 ст. 367 ГК РФ). В свою очередь, прекращение солидарного обязательства в большинстве случаев (зачет, исполнение, совпадение кредитора и должника в одном лице) приведет к необходимости разверстки долга (регрессное требование содолжника, за счет которого произошло прекращение, к оставшимся содолжникам) (ст. 325 ГК РФ).

Прощение долга солидарному содолжнику, должнику в обеспеченном поручительством обязательстве и поручителю. Прощение долга кредитором одному из солидарных содолжников не повлечет прекращения основного обязательства: здесь кредитор сможет обратиться за исполнением одинаково ко всем оставшимся солидарным содолжникам (ст. 324 ГК РФ, п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54).

Вопрос состоит в том, вправе ли оставшиеся содолжники после исполнения претендовать на разверстку (регрессное требование) против содолжника, которому простили долг. Нам кажется, что справедливым будет утвердительный ответ на этот вопрос. Прощение долга прекращает отношение кредитора с конкретным содолжником, но не приводит к тому, что оставшееся неприкрашенным обязательство является общим обязательством всех участников пассивной солидарной множественности. В противном случае прощение долга одному из содолжников негативно будет сказываться на имущественном интересе оставшихся содолжников (которые не смогут взыскать в порядке регресса долю, причитающуюся на прощенного содолжника), что не соответствует п. 3 ст. 308 ГК РФ, согласно которому обязательство не создает обязанностей для третьих лиц, т.е. никто не вправе ухудшить обязательственное положение должника без его воли.

Надо, однако, отметить, что Г. Ф. Шершеневич полагал возможной срочность требования кредитора по отношению к одному из солидарных должников наряду с бессрочностью остальных. См.: *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. С. 360.

Даже если и допустить такую возможность, в любом случае это не является типичным для солидарных обязательств.

При этом прощение долга кредитором поручителю приведет к прекращению обязательства поручителя (ст. 415 ГК РФ), прощение долга кредитором основному должнику приведет к прекращению поручительства (п. 1 ст. 367, ст. 415 ГК РФ).

Очевидно, что последствия такого прощения долга принципиально разные.

Интересно, что и в упоминавшемся уже п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 решение то же; на наш взгляд, такое различие свидетельствует о нетождественности солидарных обязательств и поручительства.

Последствия пропуска срока исковой давности кредитором в отношении к основному должнику. Пропуск срока исковой давности к основному должнику предоставляет право поручителю ссылаться на указанное обстоятельство как основание для отказа в иске к нему (п. 1 ст. 364 ГК РФ). Речь идет о возражении поручителя, которое ему доступно от основного должника.

В то же время пропуск срока исковой давности к одному из солидарных должников не влечет права на соответствующее возражение со стороны других солидарных содолжников. Так, в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 в силу ч. 3 ст. 40 ГПК РФ, ч. 3 ст. 46 АПК РФ, п. 1 ст. 308 ГК РФ заявление о применении исковой давности, сделанное одним из соответчиков, не распространяется на других соответчиков, в том числе и при солидарной обязанности (ответственности).

Как и прежде, такое различие объясняется позицией солидарного содолжника и поручителя: если первый является лично ответственным по своему долгу, то второй — лишь тот, кто принял риск исполнения чужого обязательства. Очевидно, что потеря права на принудительное исполнение основного обязательства (натурализация) приводит к потере такого права и против принявшего риск неисполнения чужого долга.

Право кредитора на реальное исполнение основного обязательства со стороны поручителя. Поручитель по общему правилу несет лишь денежную ответственность за исполнение основного обязательства; при этом солидарный содолжник может быть присужден к исполнению обязательства в натуре. Данное обстоятельство мотивировано различным статусом указанных лиц: для солидарного содолжника натуральное исполнение вытекает из принадлежности долга ему (это его долг), для поручителя такое исполнение не предполагается в связи с наличием у него своего обязательства, предметом которого является ответственность за исполнение чужого обязательства. Поскольку поручитель является всего лишь принявшим риск неисполнения основного обязательства на себя, такой риск (как и в страховых отношениях) не может компенсироваться натуральным исполнением.

Именно такое решение и дано в п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42.

Последствия недействительности основного обязательства для обязательства поручителя. Недействительность основного обязательства не влечет в настоящее время прекращения поручительства, а приводит к обеспечению поручителем реституционного требования потенциального кредитора к потенциальному основному должнику. Так, в соответствии с п. 3 ст. 329 ГК РФ при недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство,

обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству.

Кажется, что и в солидарных обязательствах последствия сходные, однако это не совсем так. Действительно, порок основания возникновения солидарного обязательства, касающийся конкретного содолжника, не порочит связь кредитора с оставшимися содолжниками (ст. 324 ГК РФ). Но это значит, что оставшиеся содолжники ответственны по обязательству из договора, в то время как поручитель является ответственным по реституционному требованию. Принимая во внимание, что условия обязательства могут отличаться от реституционных отношений, такое решение отличает поручительство и солидарное обязательство.

В свою очередь, если порок распространяется на основание солидарного обязательства в отношении со всеми содолжниками, содолжники будут ответственны по реституционному требованию.

Возможность изменения обеспеченного обязательства без согласия поручителя в сравнении с такой же возможностью в отношении солидарных обязательств. Поскольку поручитель не является стороной в основном обязательстве, оно может быть изменено и без его согласия (п. 2 ст. 367 ГК РФ, п. 3 ст. 308 ГК РФ). Последствием изменения будет по общему правилу ответственность поручителя на прежних условиях. В свою очередь, изменение солидарного обязательства без согласия всех солидарных содолжников невозможно, так как солидарные содолжники являются стороной соответствующего обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

Последствия изменения основного обязательства для обязательства поручителя. Изменение основного обязательства для поручителя влечет сохранение ответственности на прежних условиях, такое решение не предполагается в солидарных обязательствах (различие в содержании обязательств между разными содолжниками) (п. 2 ст. 367 ГК РФ).

Последствия уступки основного требования. Уступка требования, обеспеченного поручительством, повлечет переход и требования к поручителю (п. 1 ст. 384 ГК РФ). Уступка требования к одному из солидарных содолжников в принципе невозможна, так как это будет противоречить существу единого долга, долг может быть уступлен только полностью.

Последствия перевода долга по основному требованию. Перевод долга на другое лицо возможен без согласия поручителя, однако это влечет по общему правилу прекращение поручительства (если только поручитель не согласился отвечать за другого должника, — п. 3 ст. 367 ГК РФ).

В свою очередь, перевод долга с одного из солидарных содолжников на третье лицо теоретически мыслим, но не должен влечь прекращения общего долга. По крайней мере, такой перевод в силу двойственной природы солидарного обязательства может рассматриваться как изменяющий отношения кредитора с солидарными содолжниками (в части их состава) и отношения солидарных содолжников между собой — если оставшиеся содолжники дали согласие на замену регрессно обязанного лица в отношениях между ними.

Последствия введения в отношении основного должника процедуры банкротства или ликвидации основного должника. Введение в отношении основного должника процедуры банкротства изменяет с материальной точки зрения

основное обязательство — перестают начисляться как проценты в виде ответственности, так и проценты за пользование капиталом (абз. 9 п. 1, п. 4 ст. 63, абз. 3 п. 1 ст. 126 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.12.2013 № 88). Поскольку речь идет об изменении основного обязательства, поручитель должен был бы отвечать на измененных условиях.

Однако представляется, что поручитель должен отвечать по чужому обязательству, как если бы никакой процедуры банкротства не вводилось: здесь проявляется сущность поручительства — принятие на себя риска неплатежеспособности основного должника. Очевидно, что такой риск должен быть понесен в полном объеме, именно поручителю может быть противопоставлена необходимость уменьшения его имущественной массы в связи с принятым на себя риском.

Косвенно такое решение подтверждается непрекращением поручительства при ликвидации основного должника — здесь предъявление требования к поручителю до ликвидации снимает вопрос о прекращении обязательства поручителя по мотиву прекращения основного обязательства (п. 1 ст. 367 ГК РФ). Такое решение обеспечивает интерес принявшего на себя риск поручителя — потенциально он может реализовать свои будущие права по отношению к основному должнику до его ликвидации. Соответствующие возможности предоставлены поручителю (например, абз. 2 п. 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42).

Следует, однако, отметить, что поручитель, не будучи должником в своем обязательстве и кредитором в нем до исполнения со своей стороны своего обязательства поручителя, имеет право на активное поведение кредитора в своем обязательстве: отказ в иске к поручителю возможен при уклонении кредитора от включения его требования в реестр требований кредиторов основного должника (п. 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42).

Последнее еще раз подтверждает, что поручитель является ответственным по чужому долгу, не являясь должником в основном обязательстве.

В свою очередь, специальных последствий введения процедуры банкротства и (или) ликвидации в отношении одного из солидарных содолжников не имеется: солидарный содолжник, будучи личным должником по обязательству, не вправе противопоставлять кредитору обстоятельство банкротства и (или) ликвидации другого содолжника.

Последствия частичного исполнения поручителем обязательства. Поручитель, частично исполнивший обеспеченное обязательство, не вправе реализовать перешедшее к нему право (суброгация части требования) до полного погашения требований перед его правопродшественником (первоначальным кредитором). Так, если в п. 4 ст. 364 ГК РФ говорится только о невозможности реализации обеспечительного права, перешедшего в порядке суброгации, то в судебной практике речь уже идет о полной субординации требования.

Например, в определении Верховного Суда РФ от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647 (6) сделан следующий вывод: из существа обеспечительных обязательств, направленных на максимальное удовлетворение требований кредитора за счет имущества поручителей и залогодателей, и принципа добросовестного осуществ-

вления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ) следует, что должник в обеспечительном обязательстве, частично исполнивший обязательство перед кредитором, не имеет права на удовлетворение своего требования к другому солидарному должнику до полного удовлетворения последним требований кредитора по основному обязательству (применительно к рассматриваемым отношениям — по смыслу абз. 2 п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42; в настоящее время — согласно п. 1 ст. 6, абз. 2 п. 1 ст. 335, п. 4 ст. 364 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»)).

В свою очередь, солидарный содолжник, исполнивший частично обязательство, имеет право на регресс к остальным содолжникам в той части, в какой он исполнил сверх причитающейся ему доли. В целом такой содолжник не субординируется по отношению к кредитору, хотя в одном из дел Верховный Суд РФ и посчитал иначе (определение от 04.10.2018 № 305-ЭС18-9321).

Соотношение поручительства с кумулятивным принятием долга. Кумулятивное принятие долга является основанием для установления солидарного обязательства, уже отсюда следует, что оно не тождественно поручительству. Принявший на себя чужой долг содолжник становится ответственным по этому долгу как по личному.

Поручитель не вступает в чужой долг, а лишь принимает на себя риск затруднений с его исполнением основным должником: такое принятие реализуется посредством создания собственного обязательства поручителя.

Данное уточнение важно, так как позиция о возможности квалификации поручительства в качестве солидарного обязательства может быть мотивирована сходством соответствующих конструкций⁸.

Практические последствия смешения и различия поручительства и солидарных обязательств

Как уже писалось выше, вопрос не является сугубо академическим. Так, среди прочих в определении Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 305-ЭС17-22521 решалась следующая правовая проблема: может ли быть открыто производство по делу о банкротстве в отношении поручителя, если кредитор пропустил срок предъявления исполнительного документа по обеспеченному поручительством долгу к основному должнику.

На данный вопрос в деле был дан утвердительный ответ.

Как представляется, в этом деле в очередной раз был поставлен вопрос о природе поручительства. Так, в данном конкретном случае поручитель был фактически лишен возражения (эксцепции), которое есть у основного должника — истечение исполнительный давности.

⁸ Например, в качестве подтверждения «неверности» вывода о едином обязательственном отношении при пассивных солидарных обязательствах приводятся отклонения от соответствующей концепции единства — случаи поручительства и принятия чужого долга по п. 3 ст. 391 ГК РФ (см.: Договорное и обязательственное право. С. 164).

На наш взгляд, оснований для неприменения прямой нормы, содержащейся в п. 1 ст. 364 ГК РФ, не имелось. Задавненность требования является точно таким же возражением, как и все остальные: отсутствие долга, величина долга, пропуск срока исковой давности и т.п.

Одним из обоснований приведенного решения Верховного Суда РФ указывается на то, что это поручитель долго не исполнял договорное требование перед кредитором, пропустив по факту давность по отношению к основному должнику. Это обстоятельство будто бы не позволяет противопоставлять пропущенную давность кредитору. Данное обоснование не кажется нам убедительным. В частности, возникает вопрос, почему не дается оценка нерасторопности кредитора? С таким же успехом можно было бы не применять давность вообще: во всех случаях это именно возражающий длительное время не исполнял обязательства.

Подобный подход по меньшей мере вызывает опасения в мультипликации отказов поручителям в возражениях.

Как видно из дела, для решения за основу взят подход к поручителю как обычному солидарному должнику. Если проводить идею до конца, то можно было бы сослаться на ст. 324 ГК РФ, именно она давала бы безусловное решение: солидарный должник не может ссылаться на возражения другого солидарного должника. Здесь это бы звучало так: поручитель, будучи солидарным должником, не может ссылаться на возражения основного должника, являющегося другим солидарным должником. При такой ссылке, однако, следовало бы обосновать, почему не применяется прямая норма, содержащаяся в п. 1 ст. 364 ГК РФ.

В мотивировочной части определения Верховного Суда РФ указывается на недопустимость смешения субсидиарной ответственности и солидарных обязательств: по всей видимости, это и есть обоснование солидарности обязательств поручителя и основного должника, допускающее применение к ним правил о пассивной солидарной множественности. Между тем, по существу, здесь смешиваются солидарная ответственность по чужому обязательству (акцессорное обязательство) и солидарность в своем общем обязательстве.

Именно на этом различии (поручитель может быть всего лишь солидарно ответственным по чужому долгу) и основано правило п. 1 ст. 364 ГК РФ (в противовес ст. 324 ГК РФ).

Следует отметить, что в практике Верховного Суда РФ встречаются и случаи, *подтверждающие особую правовую природу поручительства, отличную от солидарных обязательств.*

Так, в определении Верховного Суда РФ от 20.04.2017 № 305-ЭС16-19525 решались следующие вопросы:

- 1) восстанавливается ли обеспечительное обязательство (поручительство) при возврате полученного по основному долгу от должника в конкурсную массу в связи с признанием недействительным исполнения основного обязательства;
- 2) в каком объеме может быть предъявлено требование к поручителю, обеспечившему долг основного должника с иностранной валютой платежа, если к основному должнику соответствующий долг зафиксирован в рублях на определенную дату при его включении в реестр требований кредиторов;
- 3) каковы последствия установления в реестре требований кредиторов требования к основному должнику для определения объема предъявляемого требования к поручителю.

Верховный Суд РФ пришел к выводу, что:

- 1) обеспечительное обязательство восстанавливается;
- 2) требование к поручителю может быть предъявлено в объеме, существующем на дату предъявления к поручителю требования, и с той валютой платежа, которая была предусмотрена основным обязательством, независимо от того, в каком объеме и с какой валютой платежа требование к основному должнику включено в реестр требований кредиторов;
- 3) определение денежных требований к должнику в рублевом эквиваленте в реестре требований кредиторов не изменяет обязательств поручителя и не ставит его в заведомо невыгодное положение по отношению к основному заемщику, учитывая, что курсовая валютная разница может принимать как отрицательные, так и положительные значения. Изменение судами валюты платежа поручителя, установленной договором, при банкротстве основного заемщика противоречит смыслу обеспечительного обязательства как установленного на случай невозврата полученного блага.

Обратим внимание на то, что Верховный Суд РФ не стал квалифицировать обязательство поручителя в качестве общего с должником — в смысле пассивной солидарной множественности в едином обязательстве. Напротив, обязательство поручителя рассматривается в качестве отдельного от обязательства основного должника (абз. 9 листа 4 определения).

Заключение

Представляется, что приведенных различий в правовом регулировании достаточно, чтобы как минимум применять к поручительству и солидарным обязательствам разные правовые режимы. На наш взгляд, такие различия являются не поводами для соотнесения солидарных обязательств и поручительства как общего и частного (специфического), а подтверждением их разной правовой природы.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 уточнить, исключив из него абз. 2. Разъяснение особой правовой природы поручительства в связи с возникающей дискуссией также является желательным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. — М., 1950.
2. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. — Тула : Автограф, 2001.
3. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2015. — Т. 2 : Обязательственное право.
4. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017.
5. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / пер. Е. А. Флейшиц. — М. : Издательство иностранной литературы, 1960. — Т. 2.

Актуальные проблемы семейного права

**Елена Евгеньевна
БОГДАНОВА,**

и. о. заведующего кафедрой
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
ebpoduzova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Аннотация. В представленной статье автор исследует спорные вопросы судебной практики, возникающие вследствие раздела общего совместного имущества супругов, в частности проблемы раздела жилых помещений, находящихся в залоге, особенности раздела долей в уставном капитале обществ и др.

В данной работе автор также анализирует порядок и специфику договорного режима имущества супругов. В итоге автор приходит к выводу, что в случае существенной непропорциональности семейно-правового договора (например, если одному из супругов в силу брачного договора переходит значительная часть общего имущества, при равном участии в формировании этого имущества другого супруга, а другой супруг получает незначительную часть имущества или долги) возможно применение к данным соглашениям ст. 1, 10 ГК РФ, не допускающих извлечение участником договора выгод из своего недобросовестного поведения.

Ключевые слова: общая собственность супругов, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества супругов, брачный договор, соглашение супругов об определении долей, соглашение о разделе имущества супругов, раздел общего имущества, сделки по распоряжению имуществом супругов, прекращение семейных отношений, несоразмерность, добросовестность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.100-116

E. E. BOGDANOVA,

Acting head of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Doctor of Law, Associate Professor

ebpoduzova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DISPUTE QUESTIONS OF DIVISION OF MARITAL PROPERTY

Abstract. In the present article, the author explores the controversial issues of judicial practice arising from the division of joint marital property, in particular, the problems of dividing housing that are pledged, specialties of the division of shares in the authorized capital of companies, etc.

In this paper, the author also analyzes the order and specifics of the contractual regime of the property of spouses. As a result, the author comes to the conclusion that in the event of substantial disproportionality (for example, if a spouse transfers a significant part of the common property due to the marriage contract, with equal participation in the formation of this property of the other spouse, and the other spouse receives a small part of the property or debts) of family agreement courts may apply to these agreements Art. 1, 10 of the Civil Code of the Russian Federation, which do not allow the parties to the contract to extract benefits from their unfair behavior.

Keywords: joint marital property, legal regime of spouses 'property, contractual regime of spouses' property, marriage contract, agreement of spouses on determination of shares, agreement on division of spouses 'property, division of marital property, transactions on disposing of spouses' property, termination of family relations, disproportionality, Good faith.

Введение

Семейный кодекс РФ в ст. 1, говоря об основных началах семейного законодательства, устанавливает, что оно исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав. Таким образом, СК РФ является единственным нормативным актом, который упоминает любовь, уважение и другие нравственные ценности.

Следует отметить, что вступление в брак порождает отношения собственности супругов, но данные отношения не являются основной целью брака, основной целью является создание семьи.

В то же время Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указал на тесную связь семьи и имущества (собственности), утверждая, что «моногамная семья отнюдь не была плодом индивидуальной половой любви, а была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия — именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью»¹.

Исследуя особенности «семейной собственности», Е. А. Суханов отмечает, что «право общей совместной собственности изначально оформляло объединение имущества членов одной семьи, взаимоотношения которых во многом строились на личном доверии и нередко даже на совместном проживании, не предполагающем и не требующем полной определенности в объеме правомочий их участников. Поэтому данный гражданско-правовой институт не рассчитан на оформление предпринимательских отношений, а субъектами права совмест-

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Издательство политической литературы, 1975. С. 35.

ной собственности могут быть только физические лица (граждане), связанные друг с другом родственными или иными близкими отношениями (супруги, члены крестьянского (фермерского) хозяйства). Участие иных субъектов гражданского права в отношениях совместной собственности невозможно, поэтому сами эти отношения составляют исключение, которое должно быть прямо предусмотрено законом»².

Таким образом, следует отметить, что в семейных, брачных отношениях их экономическая (имущественная) составляющая, несмотря на свою значимость, не является преобладающей, и основной чертой имущественных отношений в семье является их лично-доверительный характер.

Законный режим имущества супругов. Формирование совместной собственности

Как уже было отмечено, отношения собственности супругов возникают вследствие заключения брака. Согласно ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Пункт 3 ст. 1 СК РФ устанавливает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципом равенства прав супругов в семье, который находит свое отражение в предполагаемом равенстве долей супругов в праве общей совместной собственности, независимо от имущественной оценки вкладов каждого из супругов в общее имущество.

Отношения совместной собственности регулируются не только семейным законодательством, но и гражданским. Поскольку семейное законодательство исторически развилось из гражданского, оно имеет много общего с последним в регулировании входящих в его предмет общественных отношений. Данная особенность проявляется и в институте права совместной собственности супругов. Так, согласно п. 4 ст. 253 ГК РФ общие правила о владении, пользовании и распоряжении имуществом, находящимся в совместной собственности, установленные в ст. 253 ГК РФ, применяются к совместной собственности супругов только в части, не противоречащей ст. 35 СК РФ. В частности, к определению долей супругов в общем имуществе при его разделе применяются положения ст. 38, 39 СК РФ. Тем не менее на практике возникают противоречия ввиду несогласованности положений семейного и гражданского законодательства.

Следует отметить, что законодательство исходит из презумпции общности супружеского имущества, которая основана на специфике брачного правоотношения и проявляется в том, что любое имущество, приобретенное в период брака, признается общим, даже если не было специально поименовано в законе в качестве общего имущества супругов. В этой связи для того, чтобы исключить конкретное имущество из общей совместной собственности, супруг должен доказать, что оно относится к его отдельной собственности в силу указаний закона или условий договора между супругами, представив соответствующие доказательства.

² Суханов Е. А. Вещное право. М. : Статут, 2018. С. 166.

Определяя перечень общего совместного имущества, законодатель в п. 2 ст. 34 СК РФ называет доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства

Очевидно, что законодатель в п. 2 ст. 34 СК РФ не приводит исчерпывающего перечня общего имущества супругов, определяя критерии, позволяющие отнести конкретное имущество к их совместной собственности. Следует отметить, что основными критериями квалификации имущества как совместной собственности супругов являются момент приобретения имущества (до или в период брака), а также источник приобретения имущества (общие доходы супругов или доходы одного из них).

Так, согласно ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью.

В то же время практическое применение данной нормы вызывает определенные трудности. Так, по одному из споров истец обратился в суд с иском к бывшей супруге о признании ее утратившей право пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что ему на праве собственности принадлежит квартира, которая была приобретена им до брака с ответчицей по договору передачи квартиры в собственность с обязательством пожизненного содержания с иждивением от 01.07.1998. Между истцом и ответчицей 28.07.2000 был заключен брак, после заключения брака ответчица была зарегистрирована на данной жилой площади. 04.05.2009 брак был расторгнут, ответчица выехала на другое место жительства, но с регистрационного учета по прежнему месту жительства не снялась, в связи с чем он просит признать ответчицу прекратившей право пользования спорным жилым помещением, снять ее с регистрационного учета.

Ответчица, не согласившись с заявленным к ней иском, предъявила встречный иск о разделе совместно нажитого имущества, признании права собственности на $1/2$ доли квартиры. В обоснование заявленных требований она также указала, что ее брак с истцом был зарегистрирован 28.07.2000, 01.07.1998 между истцом и К. был заключен договор передачи квартиры в собственность с обязательством пожизненного содержания с иждивением, в соответствии с которым получатель ренты передает бесплатно в собственность плательщика ренты квартиру под выплату пожизненной ренты с условием пожизненного содержания с иждивением. Умерла К. 13.06.2006. Платежи по договору пожизненного содержания с иждивением осуществлялись за счет общих денежных средств супругов, также она лично

осуществляла уход за К. После расторжения брака в 2009 г. раздел имущества произведен не был. Поэтому она просит разделить имущество, являющееся совместной собственностью супругов, и признать право собственности по $\frac{1}{2}$ доли указанной выше квартиры за каждым³.

Следует отметить, что действующее законодательство напрямую данную ситуацию не регулирует. Так, статья 37 СК РФ предусматривает, что имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов либо труда одного из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и др.). Однако в рассмотренной ситуации стоимость имущества не увеличивалась, здесь супруг в течение достаточно длительного срока погашал свой долг за счет совместных средств и усилий другого супруга.

Конституционный Суд РФ по данному вопросу отметил: «Что же касается прав на имущество, перешедшее в собственность одного из супругов на основании договора пожизненного содержания с иждивением, заключенного до вступления в брак, то установление в каждом конкретном случае характера источника доходов, которыми обеспечивалось исполнение обязательств по указанному договору в период брачных отношений, и, соответственно, разрешение вопроса о том, является ли предмет указанного договора общим имуществом супругов, относится к прерогативам судов общей юрисдикции.

Кроме того, законодательство предусматривает способы защиты прав супруга, полагающего, что личные обязательства другого супруга исполнялись за счет их общего имущества, в частности право требовать компенсацию соразмерно его доле в общем имуществе супругов (по правилам главы 60 ГК РФ). Также суд согласно пункту 2 статьи 39 Семейного кодекса РФ вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов»⁴.

Конституционный Суд РФ, таким образом, расценил, что по своей правовой природе исполнение личного обязательства супруга-собственника за счет общего имущества супругов можно отнести к обязательствам из неосновательного обогащения, так как супруг — собственник имущества, приобретенного до брака, неосновательно сберегает свое имущество за счет другого супруга (ст. 1102 ГК РФ).

Следует отметить, что по рассмотренному выше спору суд указал, что доводы ответчицы о том, что содержание К. по договору ренты производилось за счет общих доходов супругов, что ею осуществлялся уход за К., проверены судом и получили надлежащую оценку. Суд обратил внимание на то, что квартира перешла в собственность истца до брака и является его личным имуществом,

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2012 по делу № 11-10210/12 // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2011 № 352-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Церюты Елены Петровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

последующее исполнение договорных обязательств в период брака не свидетельствует о возникновении общей совместной собственности. Исходя из этого суд отказал в удовлетворении исковых требований ответчицы о разделе имущества, признании $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на квартиру⁵.

Таким образом, несмотря на принятое ранее определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2011 № 352-О-О, суд вынес решение об отказе в признании имущества, полученного по договору ренты до брака, общей совместной собственностью, несмотря на тот факт, что ответчица в течение шести лет совместно с истцом исполняла обязанности по данному договору, в то время как единолично истец исполнял обязанность по договору в течение двух лет. Представляется, что данная ситуация и данная судебная практика не может быть признана справедливой.

Вызывает также сомнение позиция Конституционного Суда РФ по вопросу возмещения в порядке ст. 1102 ГК РФ сумм неосновательно сбереженного имущества супругом-собственником.

Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁶ общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое совместно нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129, п. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено, или кем внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 4 п. 15 данного постановления, не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Таким образом, при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов необходимо установить, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество супругом во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным сделкам (например, в порядке наследования, дарения), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает это имущество из общей совместной собственности.

Так, по одному из дел суд учел, что квартира была приобретена до заключения брака и доказательства о наличии договоренности приобретения ее в совместную собственность отсутствуют, ипотечный кредит был предоставлен одному из супругов, а выплаченная в период брака сумма инвестиционного взноса является незначительной; на этом основании суд пришел к выводу, что требования

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2012 по делу № 11-10210/12 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

о признании квартиры совместно нажитым имуществом и признании права собственности на долю квартиры удовлетворению не подлежат, отмечая, что в связи с данными обстоятельствами истица вправе претендовать на выкуп ее доли в указанной квартире⁷.

Следует, однако, признать, что в настоящий момент судебная практика по данной категории дел не сформировалась полностью, и в каждом случае предъявления иска о признании права собственности на имущество, приобретенное до брака, принципиальным является вопрос доли участия второго супруга (размер его вноса) в спорное имущество.

В этой связи неопределенными представляются положения ст. 34 СК РФ, в частности то, что «общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги...». Возникает вопрос: что подразумевал законодатель под «общими доходами супругов».

Следует отметить, что данное положение находит развитие в уже упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 15, в п. 15 которого предусмотрена возможность исключения из состава общей совместной собственности имущества, приобретенного на личные средства одного из супругов.

Можно резюмировать, что законодатель, а затем и Верховный Суд РФ признают, что существуют изъятия из презумпции общности имущества, приобретенного в течение брака, указывая на возможность приобретения в браке имущества за личные средства супруга, на которое не будет распространяться режим общей совместной собственности.

В этой связи представляется, что институт совместной собственности супругов оказался не свободным от внутренних противоречий, когда, с одной стороны, в ст. 34 СК РФ провозглашается принцип общности имущества супругов, возникающий со дня регистрации брака, но, с другой стороны, законодатель признает, что имущество супругов может быть не только общим, но и личным. Далее, в своем постановлении Верховный Суд РФ предусматривает, что в браке может приобретаться имущество на личные средства одного из супругов, и на данное имущество режим общей совместной собственности распространяться не будет.

В настоящий момент является актуальной проблема ответственности супругов по долгам. Согласно п. 3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям.

В то же время судебная практика не может выработать единообразного подхода в применении данной нормы. Например, в ряде случаев суд исходит из того, что если у супруга возникли какие-либо обязательства во время брака, то появившиеся вследствие этого долги предполагаются общими, пока не доказано обратное. Так, по одному из споров Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан отмечает: «Разрешая исковые требования, суд правильно признал... долговые обязательства совместным долгом супругов, поскольку вышеуказанные кредитные договоры были заключены в период брака.

⁷ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 26.09.2017 по делу № 33-10717/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Ответная сторона не представила допустимых и относимых доказательств, из которых бы следовало, что заемные средства были потрачены на личные нужды, тогда как бремя доказывания при наличии презумпции в отношении долговых обязательств, возникших в период брака, возлагается на сторону, оспаривающую возникновение совместного долга... Расходование кредитных денежных средств на нужды семьи презюмируется действующим семейным законодательством»⁸.

Однако существует противоположная судебная практика, основанная на реализации п. 2 ст. 45 СК РФ, когда взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. Таким образом, формулируется следующее правило: если стороной в обязательстве выступает один из супругов, то возникшие вследствие этого долги признаются общими лишь в случае, когда данный супруг может доказать, что все полученное им по обязательству было использовано на нужды семьи.

В этой связи представляет интерес позиция Верховного Суда РФ по одному из резонансных дел, в котором истец ссылаясь на то, что в силу договора займа, оформленного распиской и соглашением об окончательном урегулировании финансовых взаиморасчетов, он передал спорные денежные средства ответчикам, состоявшим в браке, однако обязательства по возврату денежных средств ими исполнены не были. В результате данное дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку судом не были установлены цели получения ответчиком спорных денежных средств, причины подписания ответчиком и ответчицей документов, а также *не был разрешен вопрос о том, были ли потрачены денежные средства, полученные ответчиком от истца, на нужды семьи ответчиков.*

В данной ситуации представляет интерес мнение Верховного Суда РФ о распределении бремени доказывания имеющих значение для разрешения спора обстоятельств. В частности, как отметил Верховный Суд РФ, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, *бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга*⁹. Таким образом, Суд указал, что *юридически значимым обстоятельством для разрешения таких споров является доказанность истцом факта, что полученные по кредитному договору денежные средства были использованы на нужды семьи, и возложил бремя доказывания на заинтересованного супруга, претендующего на признание долга общим, по сути, отступая от презумпции общности возникших в браке долгов.*

Следует также отметить, что, исходя из присущего совместной собственности лично-доверительного характера, п. 2 ст. 34 СК РФ предусматривает правило, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению

⁸ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 21.05.2015 по делу № 33-7308/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 5-КГ14-162 // СПС «КонсультантПлюс».

общим имуществом согласие другого супруга предполагается (презумпция согласия).

Таким образом, сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом, может быть признана судом недействительной по причине отсутствия согласия другого супруга, по требованию такого супруга и при условии, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки.

В то же время Верховный Суд РФ в названном выше постановлении Пленума № 15 в п. 16 отмечает, что в случае, когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи либо скрыл имущество, при разделе учитывается это имущество или его стоимость.

В частности, по одному из споров суд взыскал в пользу истицы сумму, равную половине стоимости автомобиля, поскольку денежные средства от продажи автомобиля, проданного без согласия супруги, были израсходованы ответчиком по своему усмотрению и не в интересах семьи, что им не оспаривалось¹⁰.

В то же время п. 16 названного постановления № 15 не предусматривает порядок осуществления добросовестным супругом своего права на защиту: следует ли в процессе раздела имущества заявлять отдельные требования о признании сделок недействительными или такие требования целесообразно предъявлять в отдельном процессе. Так, в названном выше споре истица предъявила требования о признании сделки купли-продажи автомобиля недействительной и о разделе совместно нажитого имущества.

Следует отметить, что согласно п. 3 ст. 35 СК РФ для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

Супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Л. Ю. Михеева в этой связи отмечает, что в данной ситуации не учитываются положения ст. 173.1 ГК РФ¹¹. Действительно, согласно данной статье сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия. Она может

¹⁰ Апелляционное определение Московского областного суда от 22.06.2015 по делу № 33-14676/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет : Интервью Лидии Михеевой 17.03.2017 // Zakon.ru.

быть признана недействительной по иску такого лица или иных лиц, указанных в законе. Данная сделка может быть признана недействительной, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки необходимого согласия такого лица или такого органа.

Статья 35 СК РФ не предусматривает необходимость доказывания недобросовестности другой стороны сделки, не устанавливает оспоримость такой сделки и в итоге, на наш взгляд, существенно ухудшает положение третьего лица, по существу, превращая сделки с супругами в рискованный сегмент гражданского оборота, вынуждая контрагентов по любой сделке требовать письменного согласия другого супруга.

Применительно к исследованию совместной собственности супругов представляет также интерес анализ семейного и корпоративного законодательства.

Следует отметить, что в соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ доли в капитале, внесенные в коммерческие организации в период брака, независимо от того, на имя кого из супругов они приобретены, являются их совместной собственностью.

Таким образом, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенная супругами в браке, является их совместной собственностью, даже если кто-либо из супругов не является участником этого ООО. В этой связи представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ в отношении ценных бумаг, согласно которой приобретение в период брака на имя одного из супругов за счет общих доходов супругов ценных бумаг — независимо от того, является ценная бумага именной, ордерной или на предъявителя, — подчиняется режиму совместной собственности супругов (кроме случаев, когда федеральным законом или договором установлено иное).¹² На наш взгляд, данный правовой режим можно распространить и на долю в уставном капитале ООО, приобретенную супругами в браке.

Доля участника является единицей уставного капитала общества с ограниченной ответственностью при условии, что количество участников больше одного. Долю в уставном капитале можно определить как комплекс правомочий участника по отношению к обществу и к другим участникам. Однако понятие и правовая природа доли как объекта гражданских прав до сих пор является вопросом дискуссионным.

Так, например, Конституционный Суд РФ на основе анализа положений действующего законодательства определяет, что доля в уставном капитале ООО является «предоставляющей участникам общества комплекс имущественных и неимущественных прав, а также возлагающей на них ряд обязанностей по отношению к другим участникам и самому обществу»¹³.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 444-О // СПС «Консультант-Плюс».

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

Следует отметить, что доля участника в уставном капитале ООО, приобретенная в браке, может рассматриваться в качестве единства «права участия» как корпоративная составляющая, принадлежащая супругу — участнику ООО, и «имущественного права» как супружеского имущества, принадлежащего обоим супругам.

Необходимо признать, что правовой режим доли в уставном капитале общества как объекта прав в большей степени определяется корпоративным законодательством, наделяющим только участника ООО «правом участия», независимо от его семейного положения. В то же время доля участника ООО, приобретенная в браке, является общим совместным имуществом в соответствии с семейным законодательством, но распространяется лишь на имущественную составляющую доли. Очевидно, что положения ст. 34 СК РФ, рассматривая долю в ООО в качестве общего имущества супругов, не затрагивают права участия в обществе и управления им.

Согласно ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» заявление участника о выходе из ООО подлежит обязательному нотариальному удостоверению. В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» оспаривание такого заявления в судебном порядке должно осуществляться по правилам о недействительности сделок, установленным ГК РФ. Таким образом, Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ полагают, что заявление участника о выходе по своей правовой природе является сделкой.

Как уже отмечалось, п. 3 ст. 35 СК РФ устанавливает правило, что согласие супруга на совершение сделки необходимо при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма. Учитывая, что отсутствие согласия супруга на совершение сделки является основанием для признания сделки недействительной (п. 3 ст. 35 СК РФ), при удостоверении сделки по распоряжению общим имуществом супругов нотариус вправе требовать нотариально удостоверенное согласие супруга, не участвующего в сделке.

Очевидно, что применение данных норм повлечет изменение объема гражданской правоспособности лица — участника ООО, установление дополнительного контроля со стороны третьего лица, не являющегося участником корпорации. В то же время представляется, что права, вытекающие из участия в обществе с ограниченной ответственностью, должны регламентироваться нормами корпоративного, а не семейного законодательства.

Следует согласиться с мнением Е. А. Останиной, что «согласие супруга на совершение корпоративных действий (таких как увеличение уставного капитала и последующее перераспределение долей) необходимо лишь в исключительных случаях, когда такие действия совершаются с целью отчуждения доли, входящей в общее имущество супругов. Равно и восстановление корпоративного контроля в пользу супруга, имеющего право на долю, но не право участия, возможно лишь в исключительных случаях, когда оспариваемые решения собраний или сделки образуют совокупность, прикрывающую договор

купли-продажи доли или иную сделку, направленную на распоряжение долей без согласия другого супруга»¹⁴.

Изменение законного режима имущества супругов. Договорный режим имущества супругов

В соответствии с действующим законодательством возможно изменение законного правового режима имущества супругов путем заключения семейно-правовых соглашений. Так, в Семейном кодексе РФ предусматриваются брачный договор (ст. 40) и соглашение о разделе общего имущества супругов (п. 2 ст. 38).

Согласно письму Росреестра от 31.03.2016 «О нотариальном удостоверении соглашения об определении долей в общем имуществе супругов» супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части), и на основании брачного договора, и на основании любого иного соглашения (договора), не противоречащего нормам действующего законодательства¹⁵.

Соглашение супругов о разделе общего имущества в семейном законодательстве регулируется п. 2 ст. 38 СК РФ, в соответствии с которым общее имущество может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено. Следует отметить, что заключение супругами соглашения об определении долей в общем имуществе также относится к виду соглашений о разделе общего имущества супругов.

В то же время действующее семейное законодательство не устанавливает особенностей заключения и исполнения семейно-правовых договоров, изменяющих законный режим совместной собственности супругов. В результате в семейном законодательстве, в частности, не разрешен вопрос о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к одному из супругов на основе заключенного брачного договора, о моменте возникновения у него права собственности на передаваемое по договору недвижимое имущество и др.

Следует отметить, что субсидиарное применение гражданского законодательства также не способно привести к общему знаменателю противоречивую судебную практику толкования оснований возникновения прав на недвижимое имущество, переданного в раздельную собственность супруга или в общую долевую собственность на основе семейных соглашений, в частности, можно ли считать такие сделки основаниями изменения законного режима имущества супругов при отсутствии государственной регистрации перехода права.

¹⁴ *Останина Е. А.* Между семейным и корпоративным правом: согласие супруга на увеличение уставного капитала общества // Закон. 2014. № 7. С. 92—97.

¹⁵ Письмо Росреестра от 31.03.2016 № 14-исх/04224-ГЕ/16 «О нотариальном удостоверении соглашения об определении долей в общем имуществе супругов» (вместе с письмом Росреестра от 10.03.2016 № 14-исх/03029-ГЕ/16, письмом Минэкономразвития России от 18.03.2016 № ОГ-Д23-3321) // СПС «КонсультантПлюс».

Подобная ситуация в семейном законодательстве порождает многочисленные споры, например, при уклонении супруга от государственной регистрации перехода права собственности к другому супругу на основании брачного или иного договора; между супругом, не зарегистрировавшим право собственности на недвижимое имущество, перешедшее по договору, и наследниками другого супруга и др.

Так, в частности, по одному из споров о государственной регистрации соглашения об определении долей между супругами Верховный Суд РФ отметил, что супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке, как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения, не противоречащего нормам действующего законодательства. Согласно п. 2 ст. 38 СК РФ общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. По желанию супругов такое соглашение может быть нотариально удостоверено.

Таким образом, соглашение о разделе имущества супругов является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности.

При этом, как полагает Верховный Суд РФ, *поскольку требования об обязательном нотариальном удостоверении и государственной регистрации такого соглашения законом не установлены, то их отсутствие не может являться основанием для признания соглашения о разделе имущества супругов недействительным*¹⁶.

Следует отметить, что данное определение Верховного Суда РФ явилось одним из оснований принятия упомянутого письма Росреестра от 31.03.2016 № 14-исх/04224-ГЕ/16 «О нотариальном удостоверении соглашения об определении долей в общем имуществе супругов», в соответствии с которым соглашение об определении долей в общем имуществе супругов является соглашением о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, которое, равно как и брачный договор, должно быть нотариально удостоверено (ст. 38 и 41 СК РФ).

Таким образом, Росреестр и Минэкономразвития РФ продемонстрировали иную, чем Верховный Суд РФ позицию относительно необходимости нотариального удостоверения и государственной регистрации соглашения об определении долей в общем имуществе супругов. Тем не менее представляется, что подобные требования к такого рода соглашениям должны устанавливаться в законе.

Существенными особенностями отличается признание недействительным брачного договора. Так, в соответствии с п. 2 ст. 44 СК РФ суд может признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение.

В этой связи представляет интерес следующее дело. В 2003 г. между продавцом и супругой заключен договор купли-продажи земельного участка с жилым домом. Данная сделка совершена с согласия супруга, право собственности зарегистрировано за супругой.

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 18-КГ15-203 // СПС «Консультант-Плюс».

В жилом доме была проведена реконструкция за счет взятого супругами в апреле 2008 г. кредита, который выплачивается ими совместно, окончание срока выплаты по кредиту — 2028 год. В этом доме проживают супруги и их несовершеннолетний сын.

В 2011 г. между супругами был заключен брачный договор, согласно которому на все нажитое супругами во время брака имущество, в том числе и имущество, приобретенное до заключения договора, устанавливается правовой режим раздельной (индивидуальной) собственности каждого из супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака. В случае расторжения брака супругами по взаимному согласию на все нажитое во время брака имущество сохраняется правовой режим раздельной собственности супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака, если этим договором не предусмотрено иное. Доли в имуществе и (или) доходах коммерческих организаций, доли в уставных капиталах, а также любые имущественные права на приобретенные в период брака объекты недвижимого имущества — земельные участки, здания, сооружения, жилые и нежилые помещения (доли в праве собственности), движимого имущества, в том числе автомобили и иное, права по договорам инвестиционной деятельности и иное имущество являются во время брака и в случае его расторжения собственностью того из супругов, на имя которого они приобретены, оформлены, зарегистрированы.

Затем супруги расторгли брак, и бывшая супруга, действуя также в интересах несовершеннолетнего ребенка, обратилась в суд с иском о признании бывшего супруга утратившим право пользования жилым помещением, снятии его с регистрационного учета и выселении.

В итоге судебного рассмотрения Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что, как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», по общему правилу в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется. Таким образом, бывшие члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением и должны освободить его (ч. 1 ст. 35 ЖК РФ). В противном случае собственник жилого помещения вправе требовать их выселения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

По смыслу п. 1 и 4 ст. 31 ЖК РФ к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения. Под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным.

Юридически значимыми обстоятельствами для разрешения данного спора являлись обстоятельства, свидетельствующие о том, что семейные отношения между сторонами прекращены, ответчик является бывшим членом семьи собственника жилого помещения, в силу закона после прекращения брака право

пользования спорным жилым помещением за ним не сохраняется, соглашения между собственником спорной квартиры и бывшим супругом о праве пользования спорной квартирой не имеется. Приобретение спорного имущества на совместные денежные средства, мотивы заключения брачного договора правового значения для разрешения возникшего спора не имеют.

Таким образом, Судебная коллегия Верховного Суда РФ в данном случае вынесла решение исходя из положений брачного договора, подтвердив его правомерность¹⁷. Представляется, что данное решение является дискуссионным и не учитывает тот факт, что в спорном жилом доме была проведена реконструкция за счет взятых супругами в апреле 2008 г. кредитных средств, задолженность по кредиту оплачивается сторонами совместно, окончание срока выплаты по кредиту — 2028 г.; в данном случае есть основания говорить о существенной непропорциональности в распределении прав супругов по данному брачному договору.

В то же время по другому делу Верховный Суд РФ признал брачный договор недействительным, так как его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, полностью лишая после расторжения брака права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака¹⁸.

Следует отметить, что, согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», если брачным договором изменен установленный законом режим совместной собственности, то суду при разрешении спора о разделе имущества супругов необходимо руководствоваться условиями такого договора. При этом следует иметь в виду, что в силу п. 3 ст. 42 СК РФ условия брачного договора о режиме совместного имущества, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (например, он полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака), могут быть признаны судом недействительными по требованию этого супруга.

Спорным брачным договором было предусмотрено, что в случае расторжения брака по инициативе ответчика либо в результате его недостойного поведения (супружеской измены, пьянства, хулиганских действий и т.п.) имущество, нажитое во время брака и относящееся к общей совместной собственности, переходит в собственность его супруги. В данном случае суд пришел к выводу о том, что условия договора ставят ответчика в крайне неблагоприятное положение, поскольку он после расторжения брака полностью лишается права собственности на все имущество, нажитое супругами в период брака.

Еще по одному из дел Верховный Суд РФ отказал в признании брачного договора недействительным, поскольку не были представлены доказательства того, что один из супругов поставлен условиями договора в крайне неблагоприятное положение, так как *несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества сама*

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 85-КГ17-19 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-174 // СПС «Консультант-Плюс».

по себе не является основанием для признания договора недействительным¹⁹. Тем не менее Верховный Суд РФ указал, что брачный договор не должен ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, например, вследствие существенной непропорциональности долей в общем имуществе. В то же время Верховный Суд РФ посчитал, что в этом конкретном споре отсутствует существенная диспропорция в распределении имущества между супругами. Представляется, что в данном случае возникает вопрос о характере и объеме такой несоразмерности и о критериях существенной непропорциональности в семейном праве.

Необходимо признать, что гражданское законодательство в сфере регулирования договорных отношений обладает более гибким и развитым механизмом обеспечения пропорциональности прав и обязанностей сторон договора в порядке применения принципа договорной справедливости. Однако возникает вопрос о возможности применения данного принципа к семейным договорам. Проблема применения гражданского законодательства к семейно-правовым соглашениям заключается в том, что гражданское законодательство в этой ситуации применяется в дополнительном порядке: постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ). Так, особенностью семейных, брачных отношений является то, что их экономическая (имущественная) составляющая не является преобладающей, как в гражданском праве, и основной чертой имущественных отношений в семье является их лично-доверительный характер.

Категория пропорциональности является, по сути, критерием принципа справедливости, в частности договорной справедливости, выражающейся в балансе прав и обязанностей сторон договора. Представляется в этой связи, что в случае существенной непропорциональности семейно-правового договора (например, если одному из супругов в силу брачного договора переходит значительная часть общего имущества, при равном участии в формировании этого имущества другого супруга, а последний получает незначительную часть имущества или долги) возможно применение к данным соглашениям ст. 1, 10 ГК РФ, не допускающих извлечение участником договора выгод из своего недобросовестного поведения.

Следует отметить, что семейное законодательство предусматривает определенные гарантии прав кредиторов при заключении супругами брачных договоров. Так, супруг обязан уведомлять своих кредиторов о заключении, изменении или расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора (ст. 46 СК РФ).

Кредитор супруга-должника вправе требовать изменения условий или расторжения заключенного между ними договора в связи с существенно изменившимися обстоятельствами в порядке, установленном ст. 451—453 ГК РФ.

Так, по одному из судебных споров суд указал, что не извещенный о заключении брачного договора кредитор одного из супругов изменением режима имущества супругов юридически не связан и вправе требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее согласно брачному договору супругу должника²⁰.

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 18-КГ16-10 // СПС «Консультант-Плюс».

²⁰ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 14.09.2016 № 33-7009 // СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо подчеркнуть, что данная позиция основана на определении Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 839-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Козловой Марины Николаевны и Козлова Сергея Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации»²¹.

В частности, Конституционный Суд РФ отметил, что, допустив возможность договорного режима имущества супругов, федеральный законодатель — исходя из необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, а также защиты интересов кредиторов от недобросовестного поведения своих контрагентов, состоящих в брачных отношениях, и учитывая, что в силу брачного договора часть общего имущества супругов может перейти в собственность того супруга, который не является должником, — предусмотрел в п. 1 ст. 46 СК РФ обращенное к супругу-должнику требование уведомлять своего кредитора обо всех случаях заключения, изменения или расторжения брачного договора и его обязанность отвечать по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, если он указанное требование не выполняет.

Таким образом, не извещенный о заключении брачного договора кредитор изменением режима имущества супругов юридически не связан и по-прежнему вправе требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее согласно брачному договору супругу должника.

В завершение настоящего исследования следует признать, что семейное законодательство и правоприменительная практика отстают от современных, подвергшихся реформе правовых конструкций гражданского права. Данный вывод можно отнести и к проблемам правового регулирования имущественных отношений супругов в браке, которые во многом нуждаются в реформировании. В настоящий момент представляется целесообразным применять к семейно-правовым соглашениям супругов, изменяющих законный режим их имущества, положения ст. 1, 10 ГК РФ, содержащих общий запрет злоупотребления правом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Михеева Л. Ю.* Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет : Интервью Лидии Михеевой 17.03.2017 // *Zakon.ru*.
2. *Останина Е. А.* Между семейным и корпоративным правом: согласие супруга на увеличение уставного капитала общества // *Закон*. — 2014. — № 7. — С. 92—97.
3. *Суханов Е. А.* Вещное право. — М. : Статут, 2018.
4. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — М. : Издательство политической литературы, 1975.

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА (ПАМЯТИ А. М. НЕЧАЕВОЙ)

Аннотация. В статье предлагается анализ научного наследия профессора А. М. Нечаевой по вопросам правовой охраны интересов ребенка в отечественном праве. Исследуются ее понимание интересов ребенка, их значение в системе социальных связей, применяемые приемы правового признания, обеспечения и защиты указанных интересов. Отмечается влияние международных интеграционных процессов в системе отношений по охране интересов ребенка. Дается оценка возможным вариантам правовой охраны интересов ребенка в рамках комплексного межотраслевого подхода. При этом предлагаются конкретные механизмы действия права, в частности использование конструкций правовых презумпций. Среди рассмотренных аспектов правовой охраны интересов ребенка выделяются дискуссионные моменты самостоятельности правового статуса ребенка и его реализации вовне, в том числе в контексте реализации прав родителей. Отдельное место отводится проблеме государственной заботы о беспризорных детях, поиску решения проблем правовой охраны их интересов. Делается акцент на месте интересов ребенка в семье. Особое внимание уделяется проблеме приоритетной защиты интересов ребенка. При этом за основу принимается положение, при котором любые частные интересы в семейном праве рассматриваются исключительно как интересы семейные.

Ключевые слова: дети, семья, интересы ребенка, правовая охрана, правовой статус, обязанности ребенка, сочетание интересов, презумпции.

**Борис Александрович
БУЛАЕВСКИЙ,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
babulaevskij@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.117-123

B. A. BULAEVSKII,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
babulaevskij@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LEGAL PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE CHILD (MEMORY OF A. M. NECHAEVA)

Abstract. The article offers an analysis of the scientific heritage of Professor A. M. Nechaeva on the issues of legal protection of the interests of the child in the domestic law. We study her understanding of the interests of the child, their importance in the system of social ties, the methods of legal

© Б. А. Булаевский, 2019

recognition, provision and protection of the said interests. The influence of international integration processes in the system of relations for the protection of the interests of the child is noted. An assessment is made of possible options for legal protection of the interests of the child within the framework of an integrated intersectoral approach. At the same time, specific mechanisms for the operation of law are proposed, in particular, the use of legal presumptions. Among the considered aspects of the legal protection of the interests of the child, the discussion points of the independence of the legal status of the child and its implementation outside are highlighted, including in the context of the realization of the rights of parents. A separate place is given to the problem of state care for homeless children, the search for solutions to problems of legal protection of their interests. The accent is placed on the place of the child's interests in the family. Particular attention is paid to the problem of priority protection of the interests of the child. At the same time, a provision is adopted as a basis in which any private interests in family law are considered exclusively as family interests.

Keywords: *children, family, interests of the child, legal protection, legal status, child's responsibilities, combination of interests, presumptions.*

Февраль — месяц рождения Александры Матвеевны Нечаевой, впервые пройдет без нее.

Мое очное знакомство с Александрой Матвеевной Нечаевой произошло в 1997 г., когда решался вопрос о защите моей кандидатской диссертации¹. Так уж случилось, что немногим более чем за две недели до назначенного дня защиты умер мой первый оппонент — Раиса Осиповна Халфина. Возникший вопрос поиска нового оппонента, казалось, мог остаться без ответа на неопределенное время. Однако незабываемое покровительство и деловые качества моего научного руководителя — Григория Алексеевича Свердлыка позволили решить возникшую проблему наилучшим образом.

Любезно согласившись стать моим оппонентом, Александра Матвеевна в кратчайшие сроки подготовила свой отзыв на диссертацию. Из всего текста, не считая желанной рекомендации, сохранилась в памяти лишь фраза о сквозной идее моей работы (что любое изменение в гражданско-правовом положении несовершеннолетних должно соответствовать их интересам), которую А. М. Нечаева представила в качестве главного аргумента ее выводов.

По прошествии времени можно с уверенностью сказать, что охрана детей, их прав и интересов являлась сквозной идеей всей жизни Александры Матвеевны, ее основным научным интересом². Быть может, именно эта «точка соприкоснове-

¹ Булаевский Б. А. Правовое положение несовершеннолетних по российскому гражданскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

² См., например: Нечаева А. М. Споры о детях / отв. ред. М. А. Шапкин. М., 1989 ; Она же. Проблемы охраны прав несовершеннолетних детей в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995 ; Она же. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000 ; Она же. Судебная защита прав ребенка : учебно-практическое пособие. М.,

ния» и стала основой нашего дальнейшего научного сотрудничества (нечастых, но всегда долгих дискуссий, оппонирования по работам ее аспирантов, совместного участия в конференциях и других научных мероприятиях и т.п.).

Можно по-разному относиться к суждениям Александры Матвеевны в подходах к охране интересов ребенка в современных реалиях, но вне всяких сомнений ее позиция была и останется беспрюирышной, потому что она была от сердца. Не преследуя цели соблюдения хронологии в формировании научных взглядов А. М. Нечаевой, обратимся к проблеме интересов ребенка в ее творчестве.

Прежде всего отметим, что под интересами детей А. М. Нечаева понимала потребность несовершеннолетних в благоприятных условиях их развития, которая с возрастом меняется, становится более или менее осознанной³. Интересы несовершеннолетних, по ее мнению, заключаются в условиях, позволяющих (не позволяющих) способствовать нормальному развитию детей⁴. При этом ни фактор осознанности, ни позиционирование интересов в контексте условий, способствующих нормальному развитию детей, нисколько не препятствуют положительной оценке избранного ею подхода.

В частности, нами ранее отмечалось, что «интерес как социализированная потребность может быть реализован только при его осознании... но факт того, что интерес будет осознан, равно как и то, кем он будет осознан, это уже аспекты реализации интересов»⁵. Да и корректность осознания интереса либо его позиционирования вовне — не такие уж и серьезные преграды для работы отлаженного механизма правового регулирования. Любые отклонения в данной сфере могут быть преодолены с помощью широкого арсенала правовых средств (например, путем установления системы мер содействия со стороны органов опеки и попечительства, опровержения презумпции действия в интересах ребенка, применения отказа в защите прав и др.).

Примечательно, что, хотя понятие «интересы детей» не имеет легального определения, оно пронизывает все разделы Семейного кодекса РФ. Данное обстоятельство позволило А. М. Нечаевой сделать вывод о том, что, «какой бы сложностью ни отличался спор, когда определение о том, что справедливо, а что нет, не существует в семейном праве, ориентир в делах подобного рода — интересы ребенка»⁶.

Столь высокая оценка значимости интересов детей коррелирует еще одной важной составляющей ее позиции. Поддерживая любые (в первую очередь

2003 ; Защита прав ребенка в современной России : материалы научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Нечаева. М., 2004 ; *Нечаева А. М.* XXI век и наши дети // Государство и право. 2014. № 6. С. 55—62.

³ *Нечаева А. М.* Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15—18.

⁴ *Нечаева А. М.* Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 10—12.

⁵ *Булаевский Б. А.* О природе интересов и некоторых правовых последствиях ее понимания // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 4. С. 76—78.

⁶ *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2007. 280 с.

исходящие от публичной власти) начинания, направленные на защиту подрастающего поколения, на сохранность будущих поколений Российского государства⁷, А. М. Нечаева рассматривала ребенка и отношение к нему общества как один из факторов, лежащих в основе всего общественного развития⁸.

Особое внимание уделялось ею самостоятельному правовому статусу ребенка в семье. Не случайно присоединение России к Конвенции о правах ребенка в 1990 г. рассматривалось А. М. Нечаевой как событие эпохальное⁹, а соблюдение требований данной Конвенции — как одно из направлений сближения Основного закона государства (Конституции) с законом отраслевым (Семейным кодексом)¹⁰.

Среди множества проблемных аспектов в данной сфере специального внимания заслуживает ее позиция по вопросу об обязанностях ребенка. Оценивая его как спорный, А. М. Нечаева констатировала, что Семейный кодекс их не предусматривает, поскольку наличие семейно-правовой обязанности влечет, не может не влечь, ответственность за их неисполнение. А несовершеннолетний по семейному законодательству никакой правовой ответственности нести не может¹¹.

Вместе с тем, придавая особое значение общим положениям Семейного кодекса, она отмечала, что несовершеннолетний, реализуя принадлежащие ему права, не должен нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан¹².

Являются ли взаимоисключающими данные суждения? Полагаю, что нет. Пределы осуществления прав функционально предопределяют меру определенного должностования, которая, несомненно, сходна с обязанностями. К слову, примеры тому можно обнаружить не только в связи с правилами п. 1 ст. 7 СК РФ. Как известно, семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (абз. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ). Данные общие правила также в полной мере относятся к несовершеннолетним. Другое дело, что упомянутая здесь ответственность «работает» лишь при наличии необходимых условий и по большей мере служит объективированным критерием реализации и защиты иных прав членов семьи (например, при решении вопросов о достоинстве в рамках наследственных правоотношений либо при решении вопроса об отказе в защите определенного права). Вместе с тем установление в семейном законодательстве обязанностей ребенка (пусть и в информативном плане) не представляется неуместным¹³.

⁷ Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. С. 161.

⁸ См., например: Нечаева А. М. Семейное право : учебное пособие для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 138.

⁹ Нечаева А. М. Семейное право : учебное пособие для бакалавров. С. 170.

¹⁰ Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 218.

¹¹ Нечаева А. М. Семейное право : учебное пособие для бакалавров. С. 171.

¹² Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 218.

¹³ В данном вопросе мы солидаризируемся с теми авторами, которые допускают подобное нормирование. См., например: Елисеева А. А. Правовое регулирование личных немущественных отношений в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13 ; Рабец А. М. Место юридических обязанностей в се-

Рассматривая установление отцовства в качестве одного из средств защиты интересов ребенка¹⁴, А. М. Нечаева особое внимание уделила современному состоянию мер их охраны. Положительно оценивая общий подход к возможности принятия во внимание любых доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от конкретного лица, она критически воспринимала выводы Верховного Суда РФ, изложенные в постановлении его Пленума от 25 октября 1996 г. «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов»¹⁵, обличив игнорирование делящегося характера правоотношений по поводу воспитания ребенка. К слову, изложенная в указанном постановлении позиция сохранилась и в одном из следующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»¹⁶.

Интересы ребенка привлекали внимание А. М. Нечаевой и в контексте осуществления прав родителей. Как известно, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, а обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей (п. 1 ст. 65 Семейного кодекса РФ). При этом родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. А в случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей (п. 2 ст. 64 Семейного кодекса РФ).

Ее особое внимание привлекали трудности реализации правила, закрепленного в п. 2 ст. 64 Семейного кодекса РФ. Исследуя обязанность органа опеки и попечительства назначить представителя для защиты прав и интересов ребенка, она констатировала серьезную коллизию данного правила и конституционных положений о неприкосновенности жилища, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны и видела ее решение в появлении специального закона «О праве доступа в жилище в целях защиты несовершеннолетнего», а также в отражении соответствующих правил в Положении о деятельности органов опеки и попечительства и других подзаконных актах и ведомственных инструкциях¹⁷.

В качестве альтернативы, как представляется, могли бы пригодиться возможности специальных правовых презумпций, способных стимулировать заинтересованных субъектов обеспечить необходимый доступ в жилище. Например, при наличии информации о разногласиях между родителями и детьми (полученными

мейно-правовом статусе несовершеннолетних (проблемы законодательного закрепления и реализации) // Рабец А. М. Ювенальное право Российской Федерации : учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 301—306 ; Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex Russica. 2014. № 3. С. 314—323.

¹⁴ Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 220.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹⁷ Нечаева А. М. Право доступа в семью как предпосылка защиты интересов ребенка // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 23—28.

непосредственно от детей, от работников социальных, медицинских, образовательных либо иных подобных организаций) допустимо предполагать конфликт интересов. Опровержение же подобного предположения возможно, помимо прочего, путем обеспечения доступа работника органа опеки и попечительства в жилое помещение.

Интересы ребенка как значимый фактор их правового статуса особое звучание приобрели в работах А. М. Нечаевой применительно к беспризорным детям, для которых, по ее меткому замечанию, «уже не существуют законы», такие дети «чаще всего презирают принятые в обществе правила и нормы общежития»¹⁸. Беспризорники остаются вне правовых границ, очерченных законодательством, а решение данной проблемы по-прежнему откладывается.

Между тем, если интересы ребенка — не эфемерное понятие, то и «причастное законодательство» не должно самоотстраняться. Полагаю, что поиск решения данной проблемы возможен, в частности, в плоскости изменения деятельности органов опеки и попечительства, смещения акцентов в сторону активного созидания, их содействия укреплению семьи, установления особых мер ответственности для родителей, развития институтов социально ответственного государства.

Пока же приоритет защиты интересов ребенка работает протivoестественно. Лакмусовая бумажка — наличие беспризорных детей — указывает на проблему, но меры по ее устранению, если и принимаются, то не срабатывают.

В чем же причина? Ответ, каким бы парадоксальным он ни казался, лежит в плоскости понимания интересов в семейном праве (в отличие от их основного понимания в иных сферах права, в том числе и в иных сферах права частного). Любые частные интересы в семейном праве — это интересы семейные. И даже приоритеты в защите одних интересов по отношению к другим в семейном праве возможны всегда и только в контексте их «притирки» с интересами семьи.

Приходится в который раз повторяться, что обеспечение приоритетной защиты прав и интересов одних лиц не должно «обесценивать» права и интересы других, и уж тем более ни один из приоритетов в семье не должен рушить саму семью¹⁹. Столь очевидное положение действующего права, к сожалению, не всегда находит воплощение в правоприменении. А ведь качество человека будущего, по справедливому указанию А. М. Нечаевой, зависит, помимо прочего, от того, как государство относится к положению ребенка в семье²⁰.

¹⁸ Нечаева А. М. Семейное право : учебное пособие для бакалавров. С. 188.

¹⁹ Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 43. См. также: Елисеева А. А. Личные неимущественные семейные права несовершеннолетних детей и проблемы их реализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 4. С. 43.

²⁰ Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Булаевский Б. А.* Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78). — С. 41—45.
2. *Булаевский Б. А.* О природе интересов и некоторых правовых последствиях ее понимания // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 4. — С. 76—78.
3. *Булаевский Б. А.* Правовое положение несовершеннолетних по российскому гражданскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997.
4. *Елисеева А. А.* Личные неимущественные семейные права несовершеннолетних детей и проблемы их реализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 4. — С. 42—46.
5. *Елисеева А. А.* Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
6. Защита прав ребенка в современной России : материалы научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Нечаева. — М., 2004.
7. *Нечаева А. М.* XXI век и наши дети // Государство и право. — 2014. — № 6. — С. 55—62.
8. *Нечаева А. М.* Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. — 2017. — № 1. — С. 10—12.
9. *Нечаева А. М.* Право доступа в семью как предпосылка защиты интересов ребенка // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 1. — С. 23—28.
10. *Нечаева А. М.* Проблемы охраны прав несовершеннолетних детей в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1995.
11. *Нечаева А. М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). — М., 2000.
12. *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. — М. : Юрайт, 2007. — 280 с.
13. *Нечаева А. М.* Семейное право: учебное пособие для бакалавров. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2012.
14. *Нечаева А. М.* Споры о детях / отв. ред. М. А. Шапкин. — М., 1989.
15. *Нечаева А. М.* Споры о неделимом // Российская юстиция. — 2016. — № 2. — С. 15—18.
16. *Нечаева А. М.* Судебная защита прав ребенка : учебно-практическое пособие. — М., 2003.
17. *Рабец А. М.* Ювенальное право Российской Федерации : учебник для магистров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013.
18. *Тарусина Н. Н.* Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex Russica. — 2014. — № 3. — С. 314—323.

**Анна Александровна
ЕЛИСЕЕВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
ebpoduzova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА, ОБЯЗАННОСТИ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

Аннотация. В данной работе приводится история развития детско-родительских отношений в России, проанализированы вопросы становления института личных неимущественных прав и обязанностей детей и родителей, сделан акцент на существенные изменения в правовом статусе ребенка, произошедшие в XX столетии. Применение конкретно-исторического и системного метода исследования позволило автору доказать, что на формирование данного правового института существенное влияние оказали специфика экономического и политического строя нашей страны на различных исторических этапах, а также национальные, бытовые, религиозные особенности и традиции российского общества. По итогу проведенного исследования, на основе комплексного анализа теоретических и нормативных источников сделан вывод о необходимости изменения подхода законодателя к определению соотношения семейных прав и обязанностей детей в целях повышения авторитета родителей в семье и обществе. Статья посвящается светлой памяти доктора юридических наук, профессора Александры Матвеевны Нечаевой, выдающегося специалиста в вопросах правового регулирования личных неимущественных семейных отношений.

Ключевые слова: личные неимущественные права и обязанности, правовой статус ребенка, права ребенка, обязанности ребенка, права родителей, обязанности родителей, семья.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.124-130

A. A. ELISEEVA,

Associate Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Candidate of Law, Associate Professor

ebpoduzova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS, OBLIGATIONS OF CHILDREN AND PARENTS IN THE RUSSIAN FAMILY: THE EVOLUTION OF THE LEGAL INSTITUTION

Abstract. This paper presents the history of development of child-parent relations in Russia, analyzes the issues of formation of the institution of personal non-property rights and obligations of children and parents, focuses

on significant changes in the legal status of the child, which occurred in the XX century. The application of specific historical and systemic method of research allowed the author to prove that the formation of this legal institution was significantly influenced by the specifics of the economic and political system of our country in various historical stages, as well as national, domestic, religious features and traditions of Russian society. According to the results of the study, on the basis of a comprehensive analysis of theoretical and regulatory sources, it is concluded that the need to change the approach of the legislator to determine the ratio of family rights and responsibilities of children in order to increase the authority of parents in the family and society. The article is devoted to the memory of doctor of law, Professor Alexandra Matveevna Nechaeva, an outstanding expert in the legal regulation of personal non-property family relations.

Keywords: *personal non-property rights and obligations, the legal status of the child, the rights of the child, the duties of the child, the rights of parents, the duties of parents, family.*

В современной научной литературе вопросам правового регулирования личных неимущественных взаимоотношений детей и родителей уделено достаточное внимание¹. Но самым ярким представителем науки семейного права, посвятившим бóльшую часть своих трудов аспектам правового статуса детей и родителей в семье, являлась Александра Матвеевна Нечаева². В память о ней, об ее основных выводах и идеях в исследуемой сфере и посвящена данная статья.

¹ См.: Беспалов Ю. Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2002. 348 с. ; Елисеева А. А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. 210 с. ; Татарищева Е. А. Права и обязанности родителей по семейному праву Российской Федерации и Англии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2004. 22 с. ; Темникова Н. А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2006. 27 с. ; Король И. Г. Личные неимущественные права ребенка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. 26 с. ; Кравчук Н. В. Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2003. 28 с.

² См. основные работы по данной тематике: Нечаева А. М. Права и обязанности родителей по воспитанию детей. М. : Московский рабочий, 1973. 126 с. ; Она же. Семья и закон: правовое регулирование неимущественных брачно-семейных отношений. М. : Наука, 1980. 127 с. ; Она же. Охрана материнства и детства в СССР. М. : Московский рабочий, 1988. 92 с. ; Она же. Правонарушения в сфере личных семейных отношений / Ин-т государства и права АН СССР. М. : Наука, 1991. 238 с. ; Она же. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата : 12.00.03. М., 1995. 57 с. ; Она же. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. 239 с.

Характеризуя эволюцию данного правового института, следует отметить, что сведения о семейной жизни народов, населявших территорию России до принятия христианства, весьма скудны. А. М. Нечаева справедливо отмечала, что «отсутствие источников, позволяющих составить представление о начале нового тысячелетия нашей эры, лишает возможности получить ясное представление о положении несовершеннолетних детей в семье и обществе далекого прошлого России»³. В свое время А. И. Загоровский замечал: «Нельзя сомневаться в том, что в Древнее время родители располагали у нас обширную властью по отношению к своим детям. Это вызывалось патриархальным строем тогдашней семьи»⁴.

Выражал сходную позицию в данном вопросе и Г. Ф. Шершеневич, указывая, что «если в настоящее время в основе родительской власти лежит общественная идея, то в историческом развитии ей предшествовала частная идея. Родительская власть представлялась формой права собственности. Отец имеет право на жизнь и смерть своих детей, на их свободу. Это право встречается у всех народов, и нет оснований отрицать его существование в древнем русском быту»⁵.

С принятием христианства брачно-семейные дела на Руси были отнесены в основном к ведению православной церкви, что означало утверждение в обществе христианских идей о взаимоотношениях в семье⁶.

Законодательство Российской империи устанавливало в личных семейных отношениях систему «власти родительской», которая распространялась на детей «обоих полов» и «всякого возраста»⁷. В случае разногласий между родителями относительно вопросов воспитания детей, мнение отца имело решающее значение. Дети имели «право голоса» при заключении брака. Согласно правилам, изложенным в Своде законов Российской империи, дети получали фамильное имя своих родителей, точнее отца, как следствие принадлежности «дитяти» к отцовской семье. В данном нормативном акте предусматривались закрытый перечень оснований прекращения (но не лишения) личной родительской власти и ее ограничения.

Характеризуя данный период, следует согласиться с мнением Загоровского о том, что если «власть родительская у наших предков и не отличалась мягкостью, то вместе с тем она, кажется, не была запечатлена у них, как и вообще у славян, той суровостью, какою она отличалась у народов Востока, римлян и немцев»⁸.

Следует отметить, что существование столь сильной родительской власти постепенно перестает соответствовать развивающимся в обществе представлениям о естественных правах человека, о «свободе» его личности. Представляют

³ Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 6.

⁴ Загоровский А. И. Курс семейного права // Семейное и жилищное право. 2008. № 1.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 283.

⁶ Подробно о взаимоотношениях между членами семьи в данный период см.: Елисеева А. А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве : монография. М. : Изд-во Международного юридического института, 2009. С. 42—47.

⁷ См.: Свод законов Российской империи. Т. X. Гл. 2 // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/18.html> (дата обращения: 28.06.2018).

⁸ Загоровский А. И. Указ. соч.

определенный интерес в данном вопросе рассуждения историка, юриста и социолога М. М. Ковалевского, который утверждал, что «родительская власть из более-менее безграничной — превратилась в ограниченную и подверженную контролю со стороны государства. Эволюция эта проходила чрезвычайно медленно. Результатом многовекового прогресса семьи является замена идеи неограниченной власти и абсолютного права мыслью о договоре и взаимной обязанности»⁹.

С приходом советской власти ликвидируется понятие «личная родительская власть», находит свое воплощение идея «замены семейного воспитания ребенка общественным», провозглашается свобода разводов, что отразилось, хотя, конечно, косвенно, на правах детей¹⁰.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР¹¹ (КЗАГС) содержал в разделе «Семейное право» главу II «Личные права и обязанности детей и родителей», нормы которой в большей части регламентировали права и обязанности только родителей. Личные неимущественные права детей отдельно не выделялись и рассматривались сквозь призму родительских правоотношений. Обязанности детей уже носили исключительно имущественный характер. Родительские права предоставлялись только на определенный период — в отношении детей мужского пола до 18 лет и детей женского пола до 16 лет — и должны были осуществляться исключительно в интересах детей. При неправомерном их осуществлении суду предоставлялось право лишить родителей этих прав и таким образом сдерживать, «парализовать» права родителей в случае нарушения ими прав детей. Требования об определении фамилии детей при расторжении брака родителей КЗАГС уже не содержал, как, впрочем, и все последующие кодексы. Представляется, что этот момент является упущением в семейном законодательстве, в том числе и действующем.

Данный подход к закреплению прав, обязанностей родителей и детей не претерпел существенных изменений за все годы советской власти. Советское семейное право формировалось и совершенствовалось исходя из соответствующих направлений государственной политики и оставалось существовать в стороне от народных обычаев, что нередко приводило к своего рода анархии в семейных отношениях, ослаблению родительского авторитета, превращению «чувства ответственности родителей за своих детей» в «обременительное» и «ненужное» качество¹².

⁹ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. С. П. Моравского ; под ред., с предисл. и прим. М. О. Косвена. М. : Соцэкгиз, 1939. С. 105—123.

¹⁰ Это касалось, например, права ребенка на имя. Так, согласно Декрету ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака» при расторжении брака по взаимному согласию супруги обязаны были в поданном заявлении указать, какие фамилии будут впредь носить «бракоразводные супруги» и их дети. При расторжении брака по заявлению одного из супругов и при отсутствии между супругами по этому предмету соглашения, фамилию детей определял судья, а в случае спора сторон — «местный суд».

¹¹ Принят ВЦИК 16.09.1918 (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 76—77. Ст. 818).

¹² Подробнее об этом см.: Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 88—153.

В настоящее время правовое регулирование взаимоотношений родителей и детей, контроль со стороны государства за их осуществлением не потеряли своей актуальности.

С принятием Семейного кодекса РФ дети получили на законодательном уровне целый комплекс прав, сформулированных исходя из их интересов и соответствующих международным стандартам в области охраны прав ребенка. Отец, несомненно, уже не «имеет право на жизнь и смерть своих детей, на их свободу». Родители равны в правах, могут быть принудительно ограничены и даже лишены родительских прав. Дети не имеют юридически закрепленных обязанностей почитать, уважать своих родителей и повиноваться их требованиям, могут самостоятельно защищать свои права. Но, несмотря на такой «прогресс» в семейных отношениях, следует констатировать, что проблема «отцов и детей» не просто не исчезла, а породила новые вопросы.

А. М. Нечаева, характеризуя положение детей в современной России, справедливо подмечала: «Дети — жертвы экономических реформ»¹³. Но помимо экономических, существует и ряд иных причин, в том числе и политических, обуславливающих проблемное положение дел в семейно-правовой сфере. Авторитет родителей в семье и обществе упал, дети без наличия особых для себя последствий просто перестают слушать своих родителей, а родители, несмотря на такие «обстоятельства», продолжают «отвечать» за поведение своих чад. Следует согласиться с мнением А. М. Нечаевой, что «декларируемый интерес государства к детям тесно переплетается с бесспорным фактом потери семьей своего авторитета, ослабления семейных устоев, когда традиционные защитные функции семьи сходят на нет или превращаются в свою противоположность, перерождаясь в серьезную угрозу для незрелой личности ребенка»¹⁴.

В действующем отечественном семейном законодательстве действует основополагающий принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, о личных неимущественных семейных обязанностях детей законодатель умалчивает. В виде исключения, косвенно закрепляющего обязанности детей в семье, можно рассмотреть лишь общее положение о построении семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, закрепленное в ст. 1 СК РФ.

Современные дети, да и многие ученые, практики (представители органов власти) воспринимают это буквально, полагают что дети не просто не имеют, но и не должны нести семейных обязанностей правового характера, а соблюдение их прав и интересов в семье должно являться самым главным для родителей. Однако, как усматривается из положений ст. 7 СК РФ, интересы родителей, семьи в целом, не должны детьми игнорироваться или безоговорочно приноситься в жертву их правам¹⁵.

¹³ Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). С. 154.

¹⁴ Нечаева А. М. Защита прав ребенка: законодательство и правоприменительная практика // Защита прав ребенка в современной России : материалы научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Нечаева. М., 2004. С. 3.

¹⁵ См. об этом, в частности: Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 41—45.

Разумно утверждать, что ребенок в семье (в меру, конечно, своих возможностей) обязан исполнять требования, которые предъявляют к нему родители (соблюдать установленный в семье порядок, выполнять домашние задания, ухаживать за нетрудоспособными членами семьи и т.п.), т.е. иметь определенные семейные обязанности.

Так почему же СК РФ не указывает на обязанности детей? А. М. Нечаева подмечала, что СК РФ не предусматривает обязанностей детей правового характера, «поскольку наличие семейно-правовой обязанности влечет, не может не влечь, ответственности за их неисполнение», «а несовершеннолетний по семейному законодательству никакой правовой ответственности нести не может»¹⁶.

Полагаем, что данное обстоятельство, не должно служить безусловным препятствием к закреплению в законе личных неимущественных семейно-правовых обязанностей несовершеннолетних. Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Но без наличия права родителей требовать от детей исполнения разумных, не противоречащих закону своих «пожеланий» процесс воспитания становится затруднительным, а порою и просто невозможным¹⁷.

Поэтому представляется целесообразным, соответствующим многовековым российским традициям и не противоречащим основным международным правовым актам в области охраны прав детей предложение о закреплении в СК РФ семейно-правовых обязанностей детей в отношении своих родителей (послушание, уважение родителей; оказание посильной помощи семье; воздержание от совершения поступков, противоречащих интересам семьи). Данное изменение действующего законодательства будет служить ликвидации имеющегося в СК РФ явного дисбаланса прав и обязанности детей, укреплению родительского авторитета в семье и обществе, без которого трудно представить себе традиционную российскую семью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беспалов Ю. Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2002. — 348 с.
2. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78). — С. 41—45.
3. Елисеева А. А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2008. — 210 с.

¹⁶ Нечаева А. М. Семейное право : учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 178.

¹⁷ На данных обстоятельствах делала акцент в своих трудах и А. М. Нечаева. См., например: Правонарушения в сфере личных семейных отношений / Ин-т государства и права АН СССР. М. : Наука, 1991. С. 38—39.

4. *Елисеева А. А.* Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве : монография. — М. : Изд-во Международного юридического института, 2009. — 208 с.
5. *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. С. П. Моравского ; под ред., с предисл. и прим. М. О. Косвена. — М. : Соцэкгиз, 1939. — 187 с.
6. *Король И. Г.* Личные неимущественные права ребенка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2008. — 26 с.
7. *Кравчук Н. В.* Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2003. — 28 с.
8. *Нечаева А. М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / Ин-т государства и права РАН. — М., 2000. — 239 с.
9. *Нечаева А. М.* Охрана материнства и детства в СССР. — М. : Московский рабочий, 1988. — 92 с.
10. *Нечаева А. М.* Права и обязанности родителей по воспитанию детей. — М. : Московский рабочий, 1973. — 126 с.
11. *Нечаева А. М.* Семейное право : учебник для бакалавров. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 303 с.
12. *Нечаева А. М.* Семья и закон: правовое регулирование неимущественных брачно-семейных отношений. — М. : Наука, 1980. — 127 с.
13. *Нечаева А. М.* Правонарушения в сфере личных семейных отношений / Ин-т государства и права АН СССР. — М. : Наука, 1991. — 238 с.
14. *Нечаева А. М.* Проблемы охраны прав несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата : 12.00.03. — М., 1995. — 57 с.
15. *Татаринцева Е. А.* Права и обязанности родителей по семейному праву Российской Федерации и Англии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2004. — 22 с.
16. *Темникова Н. А.* Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Екатеринбург, 2006. — 27 с.
17. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. — М. : Статут, 2005. — Т. 2. — 462 с.

Зарубежный опыт

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Аннотация. С позиций правовой дефектологии и систематизации права проведен сравнительный анализ понятия жилого помещения как объекта жилищных и гражданских прав, его признаков/элементов по законодательству стран СНГ. Выявлены основные дефекты права по элементам: помещение, изолированность, пригодность для постоянного проживания, недвижимое имущество и его государственная регистрация, родовые и видовые понятия применительно к категории «жилые помещения». Сделан вывод об актуальности унификации понятийного аппарата и предложены направления его совершенствования.
Ключевые слова: дефект права; жилое помещение; объекты прав.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.131-138

V. V. DOLINSKAYA,

*Professor of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Laws, Professor,
Member of the Scientific Advisory Board
of the Supreme Court of the Russian Federation
civil-VVD@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE LEGISLATION OF CIS COUNTRIES

Abstract. From the standpoint of legal defectology and systematization of law a comparative analysis of the concept of "living space" as an object of housing and civil rights, its features/elements under the legislation of the CIS countries. The basic defects of the right on elements are revealed: the room, isolation, suitability for permanent residence, real estate and its state registration, patrimonial and specific concepts in relation to category "premises". The conclusion about the relevance of the unification of the conceptual apparatus is made and the directions of its improvement are proposed.

Keywords: the defect law; housing; legal objects.

**Владимира
Владимировна
ДОЛИНСКАЯ,**

*профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор, член Научно-
консультативного совета
при Верховном Суде РФ
civil-VVD@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

© В. В. Долинская, 2019

Одним из дефектов права¹ является неопределенность (недостаточная определенность) понятийного аппарата.

Это в полной мере относится к жилым помещениям. В настоящее время легальное определение жилого помещения дано в ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ²: «Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства...)».

В статье 16 ЖК РФ перечислены виды жилых помещений.

Кроме того, жилое помещение является объектом жилищных прав (ч. 1 ст. 15 ЖК) и признано объектом гражданских правоотношений (ч. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»³).

Не заостряя внимания на вопросе о соотношении понятий «объекты прав» и «объекты правоотношений»⁴, обратимся к существенным характеристикам жилых помещений.

Наряду с рассматриваемым в отечественном законодательстве, используются как неравнозначные понятия «жилище» и «жилье» (ст. 25, 40 Конституции РФ, ст. 45, 53 ГПК РФ, ст. 149, 162 НК РФ, ст. 139 УК РФ и др.). Смежным является также термин Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»⁵ «помещение с постоянным пребыванием людей» — «помещение, в котором предусмотрено пребывание людей непрерывно в течение более двух часов» (п. 15 ст. 2). В правовых актах существует путаница в родовых и видовых понятиях.

В законодательстве стран такого интеграционного блока⁶, как СНГ, в целом используется сходная терминология. В то же время понятие «жилое помещение» не всегда является родовым и одинаково трактуется.

Например, в Гражданском кодексе Республики Армения (ст. 661), в отличие от жилищного законодательства (в стране нет специального Жилищного кодекса), используется понятие «жилое помещение» с оговоркой «пригодное для постоянного проживания» (в то время как в ЖК РФ это входит в общее понятие⁷), и его

¹ О дефектах права см.: информация Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013—2015 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) // URL: <http://www.ksrf.ru/>.

² Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

⁴ См. подробнее: *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право: объекты прав : учебное пособие для бакалавров / науч. ред. В. Л. Слесарев. Серия «Гражданское право». М. : Проспект, 2017.

⁵ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5 (с изм.).

⁶ См.: *Богатырев А. Г., Долинская В. В.* Международная интеграция // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 1. С. 13—21.

⁷ Примечательно, что в некоторых правовых актах (например, п. 2 ст. 288 ГК РФ) и доктрине до сих пор пригодность/предназначенность для проживания часто рассматриваются

раскрытие дано через перечень: «квартира, жилой дом, часть квартиры или жилого дома». В законодательстве о приватизации речь идет о жилой площади и конкретных видах жилых помещений.

В Жилищном кодексе Республики Таджикистан наряду с жилыми помещениями выделяются жилые дома, а также «другие строения, зачисленные в жилищный фонд после их принятия в эксплуатацию и правовой регистрации в установленном законом порядке».

Удачным по большинству параметров представляется определение в п. 14 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь: «Жилое помещение — предназначенное для проживания граждан помещение, отапливаемое, имеющее естественное освещение и соответствующее санитарным нормам, правилам и гигиеническим нормативам и иным техническим требованиям, предъявляемым к жилым помещениям».

За редким исключением (например, п. 1 ст. 15 Жилищного кодекса РФ, п. 2 ст. 12 Жилищного кодекса Азербайджанской Республики, устанавливающий: «Под жилым помещением подразумевается изолированное помещение, которое в соответствии с Гражданским кодексом Азербайджанской Республики считается недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечающее установленным санитарным и техническим нормам и правилам, другим требованиям законодательства») страны СНГ не акцентируют на уровне законов внимание на характеристике жилого помещения как объекта недвижимости⁸.

Во всех определениях ключевым элементом является помещение. Согласно п. 14 ст. 2 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», «помещение — часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями». В свою очередь, «здание — результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных»; а «сооружение — результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов» (соответственно — п. 6 и 23 ст. 2 данного Федерального закона).

Такой же подход наблюдался и в ранее действовавшем законодательстве (ст. 1 Федерального закона от 15.06.1996 № 72-ФЗ «О товариществах собственников

как дополнительная характеристика жилого помещения. См., например: Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2001. Т. 2. С. 220 (автор главы — Ю. К. Толстой).

⁸ См.: Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2005. С. 98 (автор комментария к ст. 15 ЖК РФ — Б. М. Гонгалов).

жилья»⁹, ч. 2 п. 6 ст. 12 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»¹⁰).

То есть помещение — это всегда часть здания или сооружения, конструктивно и пространственно обособленная, с целевым назначением. С этой характеристикой не коррелирует выделение в ст. 16 ЖК РФ такого вида жилых помещений, как жилой дом. Примечательно, что в п. 3 ст. 155 НК РФ понятия «жилые дома» и «жилые помещения» рассматриваются как самостоятельные.

В отличие от России, другие страны СНГ редко обращают внимание на признак изолированности. Например, Жилищный кодекс Республики Беларусь в п. 31 ст. 1 прямо говорит о неизолированной жилой комнате.

В то же время Жилищный кодекс Азербайджанской Республики вынес признак изолированности в определение жилого помещения (п. 2 ст. 12).

По Жилищному кодексу РФ изолированность как характеристика жилого помещения влияет на возможность того, чтобы жилое помещение выступало в качестве самостоятельного предмета договора социального найма жилого помещения (ч. 2 ст. 62), на возможность раздела жилого помещения в доме жилищного кооператива между лицами, имеющими право на пай (ч. 2 ст. 127). Однако формулировка в первом случае такова, что подразумевает изолированность как дополнительную, а не имманентно присущую характеристику жилого помещения.

При этом в законодательстве отсутствует определение понятия «изолированность». Исходя из комплексного анализа норм законодательства, Департамент недвижимости Минэкономразвития России дал разъяснение, что помещение считается изолированным, если оно отграничено от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями, имеет отдельный вход и не используется для доступа в иное помещение¹¹.

Представляется, что такая характеристика должна быть закреплена в законе.

Страны СНГ не единодушны в характеристиках жилых помещений с позиций проживания.

Во-первых, одни используют термин «пригодность для проживания» (например, Азербайджанская Республика, Республика Армения), другие — «предназначенность для проживания»¹² (например, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан).

Во-вторых, хотя основным назначением жилого помещения является проживание людей, законодательство различных стран СНГ допускает использование жилого помещения для иных целей, устанавливая определенные требования и ограничения.

Например, согласно ст. 14 Жилищного кодекса Республики Беларусь жилое помещение может являться местом нахождения частного унитарного предприятия,

⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2963.

¹⁰ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

¹¹ Письмо Министерства экономического развития РФ от 24.02.2014 № Д23и-501 «Относительно признания помещений изолированными или обособленными от других помещений в здании или сооружении» // СПС «ГАРАНТ».

¹² См.: Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Жуйкова. М.: Контракт, 2007. С. 65.

крестьянского (фермерского) хозяйства на условиях и в порядке, определенных Президентом Республики Беларусь. Использование жилого помещения для ремесленной деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, предпринимательской деятельности осуществляется в соответствии с Жилищным кодексом с соблюдением установленных для проживания санитарных и технических требований, правил пожарной безопасности, природоохранных требований и в соответствии с правилами пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений.

Категоричны Жилищный кодекс Кыргызской Республики, согласно ст. 4 которого запрещаются предоставление, передача жилых помещений в многоквартирном доме для целей промышленного характера, использование их в качестве мест торговли, размещение организаций сферы обслуживания, в том числе и гостиниц, а также использование для любых других целей, кроме проживания; Жилищный кодекс Республики Таджикистан, согласно ст. 7 которого запрещается использование жилых домов и жилых помещений по нежилому назначению.

Общий же порядок для изменения целевого использования, назначения жилого помещения — его перевод в нежилое (например, п. 4 ст. 15 ЖК РФ).

Несколько нелогично выглядит отнесение порядка признания помещения жилым к компетенции Правительства РФ (п. 3 ст. 15 ЖК РФ)¹³, если назначение помещения (жилое/нежилое) является сущностной характеристикой рассматриваемой категории.

С этим критерием тесно связан и следующий критерий. Законодательство большинства стран СНГ (за исключением, например, Армении, Таджикистана) предусматривает установление требований, которым должно отвечать жилое помещение (пожарной безопасности, санитарно-гигиенические, экологические и иные) и соблюдение которых является одним из пределов ограничений прав¹⁴ пользования жилым помещением (например, ст. 15 Жилищного кодекса Азербайджанской Республики).

¹³ Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» (с изм.) // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

¹⁴ См. подробнее об осуществлении прав и его пределах: *Азарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6; *Братусь С. Н.* О пределах осуществления гражданских прав // Известия вузов. Правоведение. 1967. № 3; Гражданско-правовая охрана интересов личности / отв. ред. Б. Б. Черепахин. М., 1969; *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972; *Долинская В. В.* Предпринимательское право: учебник. 2-е изд., изм. и доп. М., 2004. Раздел 5.1; *Она же.* Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11; *Иоффе О. С., Грибанов В. П.* Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7; *Мирошникова Н. И.* Механизм осуществления субъективных гражданских прав. Ярославль, 1989; *Тархов В. А.* Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962.

Требования, которым должно отвечать жилое помещение, в частности, содержатся в разд. II Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 № 47.

Законодательство всех стран СНГ устанавливает необходимость государственной регистрации прав на жилое помещение¹⁵.

Речь идет о государственной регистрации недвижимости. И здесь возникают проблемы, относящиеся к общегражданскому и жилищному законодательству. Традиционной для гражданского права является классификация вещей по возможности перемещения без несоразмерного ущерба их назначению (или по признанию в качестве таковых законом) на движимые и недвижимые вещи¹⁶.

Правовое значение такого деления наиболее ярко проявляется:

- в особом (регистрационном) порядке отчуждения и приобретения недвижимых вещей;
- в различном порядке приобретения права собственности на недвижимые и движимые бесхозяйные вещи (ст. 225 ГК РФ) и вещи, от которых собственник отказался (ст. 226 ГК РФ);
- в возможности установления ипотеки только в отношении недвижимых вещей (ст. 334 ГК РФ, Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»¹⁷);
- в наследовании недвижимых вещей по нормам права, действующим в месте их нахождения;
- в рассмотрении споров о праве собственности и иных вещных правах на недвижимые вещи по месту нахождения недвижимых вещей (ст. 30 ГПК РФ).

Движимые вещи мы традиционно определяем как вещи, перемещение которых возможно без несоразмерного ущерба их назначению, если иное не установлено законом. Характеристика и виды недвижимых вещей в современных законодательствах и доктрине гораздо сложнее. В ГК РФ и Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹⁸ приводится лишь примерный перечень недвижимых вещей. Самое общее определение: недвижимые вещи — это вещи, перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба их назначению, если иное не установлено законом. При этом в ГК РФ выделены физически недвижимые вещи и юридически недвижимые, также признаваемые законом в качестве недвижимых, т.е. на которые распространяется аналогичный режим¹⁹.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с изм.) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

¹⁶ См. подробнее: *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Указ. соч. Гл. 3 (автор главы — В. В. Долинская); *Степанов С. А.* Недвижимое имущество в гражданском праве. М.: Статут, 2004.

¹⁷ СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400 (с изм.).

¹⁸ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344 (с изм.).

¹⁹ В законопроектных работах прослеживается намерение исключить такие объекты из числа недвижимых.

Жилые помещения традиционно относят к первой группе, а в ней, основываясь на природе происхождения вещей, — к искусственно созданным объектам.

На основе сравнительного анализа правовых актов и правоприменительной практики выделены три группы критериев отнесения искусственно созданных объектов к недвижимому имуществу:

- 1) сущностные (прочная связь с землей);
- 2) оценочные (невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению);
- 3) юридико-технические (сопутствующая документация, подтверждающие факт и законность существования объекта).

Переместятся ли жилые помещения во вторую группу (абз. 2 п. 1 ст. 130, ст. 131 ГК РФ, Федеральный закон от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними»²⁰ и др.) с учетом появления подвальных домов и иных нетрадиционных строительных конструкций?

Проблемой жилищного законодательства является квалификация в качестве недвижимости части недвижимой вещи — здания, дома²¹.

Несмотря на выявленный выше порок классификации (жилой дом/жилое помещение) сходные виды жилых помещений выделяются в законодательстве разных государств. Наиболее яркие исключения мы видим в Жилищном кодексе Республики Таджикистан, о чем было сказано выше, и в ст. 13 Жилищного кодекса Азербайджанской Республики, которая в число жилых помещений включает средства размещения — «гостиницы, объекты гостиничного типа, перечень которых установлен соответствующим органом исполнительной власти, и другие строительные объекты, предусмотренные для временного проживания».

Понятие «жилое помещение» используется во многих отраслях частного, публичного и социального права. Особое значение оно приобретает в связи с интеграционными и миграционными процессами (в рамках реализации провозглашенного в ст. 13 Всеобщей декларации прав человека (принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) права на свободу передвижения как внутри страны, так и за ее пределами)²². При значительном количестве актов наднационального права и международных договоров о сотрудничестве в сфере жилищного права их инкорпорация в национальное право и реальное взаимодействие государств по обеспечению жилищных прав граждан (редкое исключение, например, ст. 97

²⁰ СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1260 (с изм.).

²¹ См. подробнее: Жилищное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Е. Богданова, К. Р. Файзрахманов. М. : Проспект, 2018. Гл. 3 (автор главы — И. З. Аюшеева).

²² См., например: Соглашение об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в государствах — участниках Содружества Независимых Государств от 28.03.1997 ; решения Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22.06.1996 № 5 «О беспрепятственном обмене жилых помещений» ; от 02.04.1997 № 3 «Об обеспечении равных прав граждан Беларуси и России на приобретение в собственность, владение, пользование и распоряжение имуществом» ; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24.01.2006 «Об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территории государств — участников Союзного государства».

ЖК РФ) сталкиваются с рядом проблем, одна из которых — несовпадение понятийного аппарата в национальном законодательстве.

Кроме того, в национальном законодательстве выявлены дефекты права фактически по всем существенным характеристикам жилого помещения.

Ситуация требует кардинального изменения. Целесообразна унификация понятийного аппарата в национальном и наднациональном праве, в различных отраслях национального права. Необходимо четкое разграничение имманентно присущих категории «жилое помещение» характеристик и внешних, дополнительных по отношению к ней. Первые предлагается закрепить закрытым перечнем в легальном определении, вторые могут быть переданы для раскрытия и уточнения органам исполнительной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. — Отделение экономики и права. — 1946. — № 6.
2. *Богатырев А. Г., Долинская В. В.* Международная интеграция // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 1. — С. 13—21.
3. *Братусь С. Н.* О пределах осуществления гражданских прав // Известия вузов. — Правоведение. — 1967. — № 3.
4. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 2001. — Т. 2.
5. Гражданско-правовая охрана интересов личности / отв. ред. Б. Б. Черепахин. — М., 1969.
6. *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. — М., 1972.
7. *Долинская В. В.* Предпринимательское право : учебник. — 2-е изд., изм. и доп. — М., 2004.
8. *Долинская В. В.* Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 11.
9. *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право: объекты прав : учебное пособие для бакалавров / науч. ред. В. Л. Слесарев. — Серия «Гражданское право». — М. : Проспект, 2017.
10. Жилищное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Е. Богданова, К. Р. Файзрахманов. — М. : Проспект, 2018.
11. *Иоффе О. С., Грибанов В. П.* Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. — 1964. — № 7.
12. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Жуйкова. — М. : Контракт, 2007.
13. *Мирошникова Н. И.* Механизм осуществления субъективных гражданских прав. — Ярославль, 1989.
14. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. — М., 2005.
15. *Степанов С. А.* Недвижимое имущество в гражданском праве. — М. : Статут, 2004.
16. *Тархов В. А.* Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. — Саратов, 1962.

Научный поиск

КРИПТОВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования криптовалюты, анализируются риски применения технологии блокчейн с точки зрения антимонопольного законодательства и конкурентного права.

Ключевые слова: цифровая экономика, блокчейн, криптовалюта, цифровые технологии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.139-146

V. S. BELYKH,

Head of the Department of business law of the Ural state law University,
Doctor of law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation
hp@usla.ru

620034, Russia, Ekaterinburg, ul. Kolmogorov, 54, k. 303

M. A. EGOROVA,

Professor of competition law Department
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Chairman of the Commission on improving antitrust laws
the Moscow regional branch of Association
of lawyers of Russia, Co-President of the international Alliance
of lawyers and economists (France), doctor of law
egorova-ma-mos@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CRYPTOCURRENCY AS A MEANS OF PAYMENT: NEW APPROACHES AND LEGAL REGULATION

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation of cryptocurrencies, analyzes the risks of using blockchain technology in terms of antitrust and competition law. It is concluded that the legal regulation of cryptocurrency as a means of payment requires an integrated approach and is impossible without taking into account the features of blockchain technology, it is necessary to introduce technical precautions in the execution of any possible court

Владимир Сергеевич БЕЛЫХ,
заведующий кафедрой
предпринимательского права
Уральского государственного
юридического университета,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ
hp@usla.ru
620034, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Колмогорова, д. 54, к. 303

Мария Александровна ЕГОРОВА,
профессор кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
председатель Комиссии
по совершенствованию
антимонопольного
законодательства
Московского отделения
Ассоциации юристов
России, сопresident
Международного союза
юристов и экономистов
(Франция), доктор
юридических наук
egorova-ma-mos@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Статья подготовлена в рамках проведения исследования на средства гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-16056 «Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты».

decisions in this area, as well as the creation of a single platform between all participants of future blockchain applications.

Keywords: *Digital economy, blockchain, blockchain application, cryptocurrency, digital technologies, ecosystems, antitrust regulation, information security, bitcoin, digital transactions.*

Цифровая экономика и проблемы ее правового регулирования стали важнейшей темой научных дискуссий последних нескольких лет. Необходимо установление в законодательстве обоснованных механизмов контроля со стороны государства за деятельностью субъектов цифровой экономики. Исследование нормативного регулирования цифровых отношений представляет собой стратегическую задачу, являющуюся элементом государственной политики, направленную на обеспечение безопасности всего современного мира и подчинение деятельности отечественных субъектов цифровой экономики существующим международным стандартам.

Как справедливо отмечает В. А. Вайпан, цифровая экономика сейчас формируется на трех уровнях, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом. К таким уровням можно отнести: во-первых, рынки и отрасли экономики (традиционные сферы деятельности), где осуществляется непосредственное взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг); во-вторых платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности); в-третьих, среду, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность².

В России на государственном уровне было принято решение о выработке основных понятий в сфере цифровых технологий, которые могут оказать влияние на дальнейшее нормативное регулирование данных отношений. Одним из таких понятий является «криптовалюта»³, поскольку отсутствие правового регулирования отношений по использованию криптовалюты как средства платежа значительно затрудняет процесс цифровизации экономики в целом. В этой связи одним из основных направлений совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики является государственное регулирование криптовалютной деятельности⁴.

² Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / колл. авт. ; Московское отделение Ассоциации юристов России, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ассоциация Российских дипломатов ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019. 372 с. С. 25.

³ Поручение Президента РФ от 10 октября 2017 г. № Пр-2132 // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

Все отрасли экономики развитых стран мира начинают интересоваться проблемами правового регулирования криптовалютной деятельности. В первую очередь это отражается на динамике использования биткойна на товарных рынках. В Европе крупные интернет-магазины принимают его как способ оплаты, так, например в Швейцарии можно оплатить обучение в некоторых университетах, в США можно купить его автомобиль (Тесла), во Франции Правительство недавно признало биткойн как альтернативный способ оплаты банкам.

Криптовалюты — это революционное явление цифровой экономики. Децентрализация, анонимность, трансграничность криптовалюты одновременно вызывают интерес и одобрение со стороны пользователей и беспокойство со стороны публичных структур, поскольку это инновационная технология наряду с многочисленными возможностями несет и определенные правовые проблемы и риски для юридических и физических лиц, которые используют биткойны, а также для безопасности государства в целом.

Сама идея создания децентрализованной системы платежей, в которой переводы могут осуществляться совершенно анонимно, была озвучена М. Фридманом еще в 1999 г. Со временем данная идея развивалась, но в наиболее проработанном виде она была воплощена в 2009 г., когда Сатоши Накамото представил миру биткойн как одноранговую платежную систему⁵.

В российском законодательстве должно быть выработано понятие «криптовалюта»⁶. Отсутствие правового регулирования отношений по использованию криптовалюты как средства платежа значительно затрудняет процесс цифровизации экономики в целом. В настоящее время в Государственной Думе создана межведомственная группа по оценкам рисков оборота криптовалюты, в данную группу были включены депутаты профильных комитетов Государственной Думы, МИД России, Минэкономразвития, МВД, Банка России, Минфина, ФСБ, Росфинмониторинга. Основные задачи названной экспертной группы — определить возможные пределы свободы участников рынка и выбрать более обоснованную стратегию законодательной деятельности⁷.

Правовое регулирование криптовалюты в Российской Федерации сейчас находится на стадии формирования, что, безусловно, вызывает споры не только среди экспертов в этой области в различных государственных комитетах и общественных советах, но также и среди самих органов государственной власти. Так, Банк России отмечает, что по виртуальным валютам отсутствуют обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, операции по ним характеризуются анонимностью, неограниченным кругом субъектов по их использованию, несут высокий риск потери стоимости⁸. Росфинмониторинг обращает внимание на то,

⁵ Satoshi Nakamoto. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.

⁶ Поручение Президента РФ от 10 октября 2017 г. № Пр-2132.

⁷ Сайт Ассоциации российских банков. URL : https://arb.ru/b2b/interview/kriptovalyuta_v_rossii_zakonodatelnye_perspektivy_tsifrovogo_tovara-10124713 (дата обращения: 28 ноября 2017 г.).

⁸ Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. 2014. № 11.

что вследствие полной децентрализации процесса выпуска и обращения криптовалют возможность его регулирования, в том числе со стороны государства, отсутствует, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможность реализации правовых механизмов обеспечения исполнения обязательств сторонами сделки⁹.

Кроме того, преждевременным является допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них¹⁰. Вместе с тем согласно позиции ФНС России запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты законодательство РФ не содержит¹¹.

В свою очередь, Министерство финансов РФ констатировало, что правовое определение криптовалют, а также их сущность в законодательстве РФ не определены, федеральными органами исполнительной власти и Банком России осуществляется мониторинг обращения денежных суррогатов (в том числе криптовалют), только после анализа которого и может быть рассмотрен вопрос возможного регулирования выпуска и оборота криптовалют¹². В январе 2018 г. Министерство финансов РФ подготовило законопроект о регулировании рынка криптовалюты.

Приведенные позиции государственных органов обусловлены различными факторами, и в частности тем, что введение криптовалюты как средства платежа может подорвать, по мнению многих экспертов, денежный оборот в стране и проявиться в исчезновении монополии Центрального банка РФ.

На наш взгляд, определение адекватных подходов правового регулирования криптовалюты как средства платежа невозможно без изучения технологии блокчейн, лежащей в основе производства криптовалют.

Суть технологии блокчейн состоит в сохранении данных через растущее количество единичных «блоков», которые связаны друг с другом и защищены криптографией. Как правило, такие «цепочки блоков» управляются одноранговой сетью с использованием специального протокола для проверки новых блоков. Благодаря хранению данных в международной сети эта новая технология работает независимо от правительств или центральных банков, поскольку не находится в области чьей бы то ни было юрисдикции и регулирования. При этом возникает вопрос о том, какой суд обладает юрисдикцией в контексте споров о блокчейнах, которые основаны на международной и анонимной структуре и также предлагают высокий уровень анонимности для своих участников.

⁹ Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн».

¹⁰ Информация Банка России от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

¹¹ Письмо ФНС России от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)».

¹² Письмо Министерства финансов России от 2 октября 2017 г. № 03-11-11/63996 «О регулировании выпуска и оборота криптовалют» // URL : <https://www.minfin.ru/ru/>.

Известно, что технология блокчейн стала наиболее распространенной благодаря прежде всего биткойну — криптовалюте, используемой в качестве платежного средства. Однако эта технология может использоваться и во многих других сферах как способ хранения децентрализованных данных и информации. Так, например, в российском банковском секторе к технологии блокчейн проявляют интерес такие компании, как ВТБ и Сбербанк. О разработках и планах использования технологии блокчейн заявили платежные системы «Visa», «Mastercard», «Unionpay» и «Swift». Лондонское подразделение «Дойче Банка» Innovation Lab разрабатывает систему инвестиций на основе блокчейн-технологии, ускоряющую, упрощающую и удешевляющую процесс инвестирования за счет исключения или сокращения роли посредников, адвокатов (поверенных), аудиторов и клиринговых агентов. В июле 2017 г. S7 Airlines и «Альфа-банк» запустили в эксплуатацию блокчейн-платформу автоматизации торговых операций с агентами на базе Ethereum.

Всемирная продовольственная программа использует технологию блокчейн для обеспечения беженцев продовольствием через существующие на местах торговые точки и сети вместо непосредственной раздачи продовольствия или выдачи беженцам наличных денег для покупки продуктов. Идея принадлежит Хуману Хададу (Houman Haddad). Для идентификации получателей продовольствия используется биометрия (сканирование радужной оболочки глаза). Экономия в 2018 г. за счет применения этой технологии только в Иордании составила 150 000 долл. в месяц. Иран разработал национальную криптовалюту. По словам CEO корпорации «Informatic Services» (ISC) Сейеда Аботалеба Наджафи, национальная криптовалюта проходит проверку в ЦБ страны. Новый актив не имеет фиксированного названия, будет обеспечен позднее реальным результатом.

В этой связи, на наш взгляд, в России представляется необходимым на законодательном уровне определить правовые режимы криптовалюты с учетом сферы применения технологии блокчейн, сегментов цифрового рынка и интересов субъектов предпринимательской деятельности и государства. Однако указанная задача осложнена тем, что в современной юридической литературе нет единой дефиниции для термина «цифровой рынок»¹³. Одним из основных направлений совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики является государственное регулирование криптовалютной деятельности¹⁴. Технология блокчейн стала наиболее распространенной благодаря биткойну, который является сейчас основной криптовалютой. Однако эта технология может использоваться и во многих других сферах как способ хранения децентрализованных данных и информации. Одной из основных сфер применения технологии блокчейн являются криптовалюта и платежное средство. Одно из важнейших направлений развития криптовалюты в современных условиях — потенциальная возможность ее использования не только в качестве средства платежа и обмена, но и как закрепленное в блокчейне право (обязанность), например в качестве «акции» или «векселя».

¹³ Kadar M. European Union competition law in the digital era // Zeitschrift für Wettbewerbsrecht. 4/2015. P. 342.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

В России представляется необходимым на законодательном уровне установление видов использования криптовалюты, которая может оказывать существенное влияние на цифровой рынок. Государственное регулирование криптовалютной деятельности в настоящее время связано с подготовкой значительного числа проектов новых законов, которые делают особый акцент на возможность установления законодательного определения криптовалюты и ее правового статуса. Так, например, Министерством финансов РФ был подготовлен законопроект «О цифровых финансовых активах»¹⁵. Данный законопроект, как и законопроекты «О цифровых правах»¹⁶ и «О системе распределенного национального майнинга»¹⁷, был разработан с целью закрепления в отечественном законодательстве базовых положений, выступающих основой для дальнейшего урегулирования рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений, обеспечения условий для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, в том числе сделок, позволяющих предоставлять массивы сведений (информацию). Эти новые объекты активно создаются и используются участниками информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе российскими и зарубежными физическими и юридическими лицами, однако на территориях многих стран, и в том числе в Российской Федерации, отсутствует какое-либо правовое регулирование новых экономических правоотношений.

В указанном законопроекте «О цифровых финансовых активах» криптовалюта определяется как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. В свою очередь, цифровой финансовый актив — имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций.

Из системного толкования законопроекта становится очевидным, что цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа. В то же время цифровые активы могут подлежать взаимнообмену, а также могут быть обменены на другое имущество, рубли или иностранную валюту. Деятельность по созданию криптовалют и (или) валидации с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты — майнинг — в соответствии с законопроектом признается предпринимательской деятельностью.

Еще одним пробелом, который должен быть устранен, является отсутствие в современной юридической литературе единой дефиниции для термина «цифровой рынок»¹⁸. Еще одной проблемой, требующей пристального внимания, является появление так называемых «цифровых картелей». Так, в современных условиях развития цифровых отношений возрастает количество хозяйствующих субъектов, активно вовлеченных в рынок цифровых технологий, с этим непо-

¹⁵ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7>.

¹⁶ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7>.

¹⁷ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/373645-7>.

¹⁸ Kadar M. Op. cit. P. 342.

средственно связано и увеличение количества нарушений конкурентной среды и возникновения недобросовестной конкуренции, такие нарушения проявляются в виде так называемых «цифровых картелей».

В 2018 г. ФАС России разработала проект пятого антимонопольного пакета изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»¹⁹, в котором основное внимание законодателем уделено именно совершенствованию законодательной базы в сфере правового регулирования отношений в сфере цифровых технологий. С возникновением правоотношений между хозяйствующими субъектами внутри цифровых экосистем неизбежно связано появление определенных антимонопольных рисков. Одними из основных антимонопольных рисков на цифровых рынках являются: риск роста недобросовестной конкуренции и фактической монополизации на товарных и смежных с ними рынках; риски, связанные с запретом антимонопольного регулирования в сфере интеллектуальной собственности; риск появления замкнутой цифровой платформы, которая доминирует на рынке и может вытеснять с него альтернативные цифровые решения сторонних компаний, тем самым ограничивая конкуренцию; также в условиях цифровой экономики возрастает опасность совершения сговоров на транснациональных рынках.

В период с 6 по 8 июня 2018 г. в Санкт-Петербург прошел XXVII Международный финансовый конгресс. По итогам Центральный банк РФ совместно с ФАС России подготовил доклад о конкуренции на финансовых рынках. Согласно докладу регуляторы пришли к выводу, что в условиях цифровой экономики конкуренция на финансовых рынках будет развиваться только при следующих обстоятельствах. Необходимо создать, внедрить и развивать такие элементы цифровой финансовой инфраструктуры, как:

- платформа удаленной идентификации;
- платформа «Маркетплейс»;
- система быстрых платежей;
- регистратор финансовых транзакций;
- Open API.

ФАС России в настоящее время ведет активный мониторинг на рынках для своевременного последующего реагирования на действия хозяйствующих субъектов, которые с помощью криптовалюты могут ограничить конкуренцию на каком-либо рынке, однако ФАС России не считает на данный момент целесообразным разрабатывать законодательные нормы, направленные на создание законодательства о правовом регулировании криптовалют. Представляются необходимыми введение системы запретов прав на использование криптовалюты как платежного средства, а также использование его в качестве предмета договора, установление таких запретов связано, в частности, с проблемами антимонопольного регулирования технологии блокчейн, которая выражается: в анонимности пользователей, невозможности контроля совершаемых сделок, невозможности определения доли каждого собственника, а также наличия затруднений в доказывании фактов сговора (картеля). Нарушение антимонопольного законодательства может повлечь риски уголовного наказания, и все заинтересованные стороны в блокчейн-консорциумах должны учитывать потенциальные антимонопольные риски.

¹⁹ URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=79428>.

Подводя итог, следует отметить, что правовое регулирование криптовалюты как средства платежа (в частности биткойна, правовая природа которого также вызывает ряд вопросов в научных кругах) требует комплексного подхода и невозможно без учета особенностей технологии блокчейн. Определяя особенности правового регулирования, необходимо также учесть, что одним из важнейших направлений развития криптовалюты в современных условиях является потенциальная возможность ее использования не только в качестве средства платежа и обмена, но и как закрепленное в блокчейне право (обязанность), например в качестве «акции» или «векселя».

Самые различные отрасли права (налоговое, финансовое и др.) в настоящее время испытывают сложности, связанные с недостатком теоретических трудов в области новых финансовых платформ и финансовых инструментов. Таким образом, разработка надлежащего правового режима оборота криптовалюты осложнена отсутствием теоретической базы, позволяющей понять структуру работы данных инструментов, степень их защищенности и надежности. Не до конца ясны правила, по которым происходят транзакции в блокчейне. Однако данные инструменты представляют интерес для отечественной правовой науки, поскольку результаты практического внедрения данных конструкций могут оказаться весьма полезными, например для работы государственных органов. Одновременно технология блокчейн может оказаться полезной в сфере банковского сектора с целью осуществления расчетов, а также может быть использована в самых различных сферах государственного управления (здравоохранение, природопользование и др.).

Вместе с тем следует принять во внимание, что блокчейны с совместным использованием распределенных реестров несколькими конкурентами могут представлять значительный риск в рамках антимонопольного законодательства и конкурентного права. Чтобы в полной мере использовать потенциал будущих блокчейн-приложений, необходимо организовать интенсивное взаимодействие и сотрудничество на единой платформе между всеми участниками, которые иногда могут быть и конкурентами. Хотя сотрудничество в целях достижения более эффективного результата, как правило, не подлежит санкциям антимонопольного законодательства, все же стоит иметь в виду такие потенциальные сложности. Наконец, из-за автоматического и необратимого совершения транзакций в блокчейне представляется необходимым введение технических мер предосторожности при исполнении любых возможных судебных решений. Все эти вопросы в будущем потребуют сильной саморегуляции участников цифрового рынка, а также сплоченной работы государственных органов и институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / колл. авт. ; Московское отделение Ассоциации юристов России, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ассоциация Российских дипломатов ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2019. — 372 с.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА ДЕНЕЖНОГО ТРЕБОВАНИЯ: ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА ИЛИ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ?

Аннотация. Статья посвящена анализу обеспечительной уступки денежного требования как новому гражданско-правовому средству, которое гарантирует права и законные интересы кредитора в обязательственном правоотношении. Рассматривается проблема необоснованного отнесения обеспечительных мер к числу способов обеспечения исполнения обязательств. На основе анализа нормативных положений, а также различных доктринальных точек зрения приводится примерный перечень признаков способов обеспечения исполнения обязательств. Исследуется вопрос о правовой природе и особенностях обеспечительной уступки денежного требования. В статье анализируются модели договорных отношений с условием об обеспечительной уступке денежного требования, выявляется критерий для отнесения обеспечительной уступки денежного требования к обеспечительной мере или способу обеспечения исполнения обязательств. Определяется практическая значимость определения правовой природы обеспечительной уступки денежного требования.

Ключевые слова: обеспечительная мера, способы обеспечения исполнения обязательств, обеспечительная уступка денежного требования, обеспечительный факторинг.

Эдуард Александрович ГАБАРАЕВ,

аспирант кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
eduard.gabaraev@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.147-154

E. A. GABARAEV,

Postgraduate Student of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
eduard.gabaraev@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE SECURITY ASSIGNMENT OF A MONETARY CLAIM: SECURITY MEASURE OR MEAN OF SECURING AN OBLIGATION?

Abstract. The article is about the security assignment of a monetary claim as new civil method which covenants creancor's rights and legitimate interests in obligations legal relationship. The problem is at issue for inconsistent appropriation of security measures of ensuring ways to means of securing an obligation. Means of securing an obligation's approximate summary is indicated based on regulatory normatives analysis and different theoretical contemplations. The question of legal nature and special aspects of security

© Э. А. Габараев, 2019

assignment of a monetary claim is under investigation. Models of contractual relationship with the condition of security assignment of a monetary claim are analyzed in the article, standard for appropriation of security assignment of a monetary claim to security measure or means of securing an obligation is defined. Practical significance of security assignment of a monetary claim's legal nature is defined.

Keywords: *security measure, means of securing an obligation, security assignment of a monetary claim, security factoring.*

Развитие гражданского оборота, безусловно, должно влечь за собой усовершенствование подходов к правовому регулированию общественных отношений, так как своевременное установление правовых норм, регламентирующих те или иные отношения, позволяет предотвратить различное толкование новых гражданско-правовых конструкций как в практической деятельности, так и в теории. Постоянные изменения в гражданском обороте привели к тому, что помимо материальных объектов к числу объектов гражданских прав стали относить и такое имущество, как имущественные права (например, требование, права требования).

Можно привести слова известного российского цивилиста И. А. Покровского о том, что «обязательство вступило на путь циркуляции и само сделалось объектом оборота»¹. В силу определенной ценности прав требования законодатель установил их в качестве объектов гражданских прав, позволяя при этом отчуждать указанное имущественное право другому лицу и сохраняя целостность обязательственного правоотношения. Между тем право требования стало использоваться субъектами гражданских правоотношений в качестве средства, гарантирующего реальную осуществимость прав и интересов в рамках обязательственного правоотношения, которое в силу своей природы не способно в полной мере защитить кредитора. Неслучайно известный дореволюционный цивилист Д. И. Мейер подчеркивал важность специальных юридических средств, которые необходимы «для доставления обязательственному праву той твердости, которой недостает ему по его существу»².

Сказанное полностью относится к такой гражданско-правовой конструкции, как обеспечительная уступка денежного требования, которая неоднозначно понимается не только в доктрине гражданского права, но и в судебной практике. Вышеуказанные причины предопределили постановку закономерного вопроса: какова правовая природа обеспечительной уступки денежного требования?

В юридической науке, как известно, существует проблема, связанная с необоснованным включением тех или иных гражданско-правовых конструкций в систему способов обеспечения исполнения обязательств. Существование подобной проблемы обусловлено отсутствием четких критериев для отграничения способов обеспечения исполнения обязательств от иных правовых средств, которые в той или иной мере способствуют обеспечению прав и охраняемых законом интересов субъектов гражданских правоотношений. Такие средства именуются в док-

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 240—241.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. 8-е изд., испр. и доп. М., 1902. Ч. 2. С. 179.

трине гражданского права обеспечительными мерами, которые, в свою очередь, являются родовым понятием по отношению к способам обеспечения исполнения обязательств (вид)³. Следовательно, при рассмотрении исследуемой правовой конструкции необходимо учитывать, что способы обеспечения исполнения обязательств, являясь видовым понятием, обладают не только всеми свойствами родового понятия (обеспечительная мера), но и своими специфическими признаками.

Упомянутая проблема усугубляется еще и тем, что законодатель нормативно закрепил в п. 1 ст. 329 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) возможность обеспечивать исполнение обязательств иными способами, которые могут быть предусмотрены законом или договором, без указания определенных критериев для разграничения собственно способов обеспечения исполнения обязательств и иных мер. Иными словами, ГК РФ закрепляет открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств, однако не устанавливает четкий перечень тех признаков, которыми должны обладать непоименованные в ст. 329 ГК РФ способы обеспечения исполнения обязательств, что, безусловно, влечет множество проблем не только в теории, но и в правоприменении.

По вышеуказанным причинам доктриной гражданского права предпринимались попытки решить данную проблему. Многие известные цивилисты выделяли свои критерии, при помощи которых, по их мнению, можно было бы определить, является ли та или иная правовая конструкция очередным непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства.

Так, Б. М. Гонгало относит к способу обеспечения исполнения обязательств такие обеспечительные меры, которые влекут за собой появление акцессорного (дополнительного) обязательства наряду с основным, могут повлечь имущественные последствия только в случае допущения просрочки должником основного обязательства, а также стимулируют должника к надлежащему исполнению основного обязательства или защищают интересы кредитора до момента нарушения им своего основного обязательства⁴.

По мнению А. Л. Маковского, к способам обеспечения исполнения обязательств не относятся такие обеспечительные меры, которые могут быть применены на стадии исполнения обязательства и призваны предотвратить нарушение обязательства, установив особый порядок его исполнения⁵. Примером подобной обеспечительной меры может являться гражданско-правовая конструкция отношений, возникающая из договора счета эскроу (ст. 860.7 ГК РФ). Несмотря на наличие различных взглядов по вопросу о природе упомянутого примера, наиболее целесообразной проставляется точка зрения Л. Ю. Василевской, согласно которой конструкция счета эскроу не может быть признана непоименованным способом обеспечения исполнения обязательств, а должна рассматриваться в качестве обеспечительной меры⁶.

³ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002. С. 28—30.

⁴ Гонгало Б. М. Указ. соч. С. 40.

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / отв. ред. С. Н. Братусь, О. Н. Садиков. М., 1982. С. 229.

⁶ Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2. С. 43—45.

Другие ученые, раскрывая свойства акцессорности обеспечительных обязательств, предлагают относить к числу непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств правовые конструкции, которые установлены нормативно. К числу подобных ученые относят, например, субсидиарную ответственность участников полного товарищества по обязательствам товарищества, условие о сохранении права собственности на переданный покупателю товар за продавцом до полной оплаты товара⁷.

В доктрине также уделяют особое внимание термину «акцессорность», выявляя его специфические свойства⁸.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в науке гражданского права нет единого мнения по указанной проблематике. В связи с этим при рассмотрении очередной правовой конструкции, которая потенциально могла бы гарантировать реальность прав субъектов гражданских правоотношений, возникает множество дискуссий по вопросу правовой природы, в частности обеспечительной уступки денежного требования. Кроме того, неизбежно возникает вопрос о возможности отнесения таких конструкций к числу непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств.

Анализ различных точек зрения, а также ряда нормативных положений ГК РФ позволяют выделить определенные признаки, которым должны отвечать любые обеспечительные меры для того, чтобы отнести их к числу способов обеспечения исполнения обязательств.

Во-первых, по общим правилам прекращение основного обязательства прекращает акцессорное (дополнительное) обязательство (п. 4 ст. 329 ГК РФ).

Во-вторых, исходя из п. 1 ст. 384 ГК РФ обеспечительные обязательства должны следовать судьбе основного обязательства в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода прав.

В-третьих, п. 2 ст. 329 ГК РФ устанавливает, что недействительность соглашения об обеспечении не влияет на действительность соглашения, порождающего основное обязательство. В указанной статье устанавливается обратная зависимость, которая выражается в том, что при недействительности соглашения, порождающего основное обязательство, обеспеченными считаются реституционные обязательства (п. 3 ст. 329 ГК РФ). Логичным будет предположение, что в случае отсутствия реституционных обязательств между субъектами гражданского права обеспечение должно прекратиться, так как главная цель акцессорного обязательства отпадает.

В-четвертых, как правило, использование потенциала, заложенного в способы обеспечения исполнения обязательств, возможно только при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником основного обязательства (например, п. 1 ст. 330, п. 1 ст. 334, п. 1 ст. 363 ГК РФ).

⁷ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. М., 2009. С. 482—484.

⁸ Шеломенцева Е. А. Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 57—105.

Иными словами, кредитор получает возможность при установлении акцессорного обязательства защитить свои права и законные интересы в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником. При этом те меры, которые направлены на предотвращение возможной неисправности должника путем установления особого порядка исполнения обязательства, вряд ли следует рассматривать в качестве способов обеспечения исполнения обязательств.

На наш взгляд, наличие перечисленных выше признаков позволяет сделать вывод об относимости обеспечительных мер к числу способов обеспечения исполнения обязательств. Практическая значимость указанных критериев выражается в возможности применения нормативных предписаний гл. 23 ГК РФ к отношениям, которые возникают при применении очередной неизвестной гражданскому праву обеспечительной меры в практической деятельности.

Для определения правовой природы обеспечительной уступки денежного требования необходимо обратить внимание на рассматриваемое понятие. В основе данной правовой конструкции заложена уступка права (цессия), регламентация которой предусмотрена гл. 24 ГК РФ. Однако в данной главе законодатель нормативно не закрепил возможность использования уступки денежного требования в целях обеспечения исполнения обязательств. Справедливо было замечено, что сфера применения обеспечительной уступки денежного требования ограничена гл. 43 ГК РФ в рамках финансирования под обеспечительную уступку денежного требования (обеспечительного факторинга)⁹. Необходимо отметить, что обеспечительная уступка денежного требования не может быть ограничена договорной конструкцией факторинга. Так, уступка денежного требования как обеспечительная мера может быть использована при заключении иных договоров, например для целей обеспечения интереса кредитора в заемном обязательстве. Однако, учитывая, что указанная мера не закреплена нормативно, следует обратить внимание на некоторые особенности рассматриваемой конструкции.

До решения вопроса о правовой природе обеспечительной уступки денежного требования следует обратить внимание на две возможные модели отношений при ее использовании. Основным критерием для разграничения этих двух моделей является момент, с которого начинает действовать условие об обеспечительной уступке денежного требования. Для упрощения понимания сказанного проиллюстрируем обе модели отношений на конкретных примерах.

1. Первую модель отношений можно рассмотреть в рамках договора финансирования под обеспечительную уступку денежного требования. Согласно п. 1 ст. 824 ГК РФ по договору факторинга клиент обязуется уступить фактору денежные требования к третьему лицу (должнику) и оплатить оказанные фактором услуги, а фактор обязуется совершить не менее двух действий, связанных с денежными требованиями, являющимися предметом уступки. Действия, которые обязан совершить финансовый агент, являются по своей сути оказанием

⁹ Василевская Л. Ю. Обеспечительная уступка денежного требования: особенности правовой конструкции // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 68—74.

финансовых услуг, связанных с уступаемым денежным требованием. По общим правилам денежное требование переходит от клиента к фактору в момент заключения договора факторинга (п. 2 ст. 826 ГК РФ).

Из анализа указанных статей следует, что у клиента имеются две основные обязанности перед фактором: уступка права денежного требования и оплата оказанных финансовым агентом услуг. Когда речь идет об обеспечительном факторинге, следует отметить, что клиент в данном случае уступает денежное требование финансовому агенту в целях обеспечения исполнения своего обязательства по оплате услуг, оказанных финансовым агентом. Такой вывод следует из анализа п. 2 ст. 831 ГК РФ. По общим правилам фактор обязан представить отчет клиенту и после получения исполнения от должника передать клиенту сумму, превышающую сумму долга клиента, обеспеченную уступкой денежного требования.

Предположим, что вознаграждение, которое причитается фактору за оказанные финансовые услуги, составляет 80 000 руб. После предъявления требований к должнику по уступленному денежному требованию фактор получает напрямую от дебитора клиента 200 000 руб. Следовательно, после получения денежных средств от должника фактор передает клиенту 120 000 руб. с учетом своего вознаграждения. Однако, если сумма средств, полученных от должника фактором, будет равна 60 000 руб., то в данном случае клиент обязан восполнить свой долг в размере 20 000 руб.

Очевидно, указанная модель отношений направлена на предотвращение нарушения обязательства и устанавливает при этом особый порядок его исполнения. Аналогичная модель отношений будет строиться при использовании обеспечительной уступки денежного требования и в других договорных конструкциях, например, при займе или поставке. При этом важно, чтобы уступка была произведена кредитору в момент заключения договора для того, чтобы кредитор имел возможность использовать обеспечительную уступку денежного требования до момента неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства должником, а именно на этапе его исполнения.

Исходя из приведенного перечня признаков способов обеспечения исполнения обязательств, обеспечительная уступка денежного требования в рамках первой модели отношений не может быть отнесена к числу непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств, а является по своей природе обеспечительной мерой, которая гарантирует надлежащее исполнение обязательства. Кроме того, важно заметить, что в проиллюстрированной структуре отношений не возникает дополнительного (акцессорного) обязательства.

2. Вторую модель отношений можно проиллюстрировать на примере договора поставки с условием об обеспечительной уступке денежного требования. Допустим, стороны заключили договор поставки, по которому поставщик обязуется передать в обусловленные сроки производимые им товары покупателю, а покупатель обязуется принять и оплатить их с предусмотренным в договоре условием об уступке денежного требования. Стороны договорились, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении покупателем обязанности по уплате

поставленного товара в надлежащий срок поставщик имеет право задействовать обеспечительную уступку денежного требования путем предъявления указанного денежного требования дебитору покупателя. После получения денежных средств от дебитора поставщик обязан передать покупателю сумму, превышающую сумму долга покупателя по договору поставки.

Очевидно, в данном случае обеспечительная мера может быть задействована после неисполнения должником своего обязательства по договору. Так как в проиллюстрированной ситуации обеспечительная уступка денежного требования не была направлена на предупреждение неисправности должника путем установления особого порядка исполнения обязательства, а имущественные последствия наступили после неисполнения должником своего обязательства, следует иметь в виду, что в данном случае обеспечительная уступка денежного требования является непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства. Помимо изложенного, следует обратить внимание на тот факт, что в упомянутом случае, несомненно, возникнет акцессорное (дополнительное) обязательство. Следовательно, применение нормативных положений ст. 329 ГК РФ в указанном примере является оправданным.

Определение правовой природы обеспечительной уступки денежного требования во многом будет зависеть от содержания договорного условия указанной уступки. Отправной точкой для определения в каждом конкретном случае правовой природы указанной меры является ответ на вопрос: с какого момента начинает действовать условие об обеспечительной уступке денежного требования?

Если обеспечительная уступка денежного требования задействована на этапе исполнения обязательства, направлена на предотвращение нарушения обязательства со стороны должника и возможность ее использования предусмотрена особым порядком исполнения обязательства, то следует квалифицировать ее как обеспечительную меру.

Если обеспечительная уступка денежного требования, порождая акцессорное (дополнительное) обязательство по отношению к главному, начинает действовать с момента неисполнения или ненадлежащего исполнения должником своего обязательства без установления особого порядка исполнения обязательства, то в данном случае имеет место способ обеспечения исполнения обязательства.

Отсутствие нормативно-правового закрепления обеспечительной уступки денежного требования породило некую «двойственность» в ее толковании. По этой причине в доктрине существуют различные подходы к пониманию данной гражданско-правовой конструкции. Между тем для преодоления этой «двойственности» необходимо тщательно анализировать договорное условие об обеспечительной уступке в каждом конкретном случае с учетом упомянутого нами критерия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. — М., 2009.
2. Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2016. — № 2. — С. 43—45.
3. Василевская Л. Ю. Обеспечительная уступка денежного требования: особенности правовой конструкции // Российский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 68—74.
4. Гонзало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. — М., 2002.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / отв. ред. С. Н. Братусь, О. Н. Садилов. — М., 1982.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. — 8-е изд., испр. и доп. — М., 1902. — Ч. 2.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М., 1998.
8. Шеломенцева Е. А. Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. — 2015. — № 3. — С. 57—105.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В статье сделан вывод о том, что предъявление требования о восстановлении корпоративного контроля представляет собой частный случай применения признания права как общегражданского способа защиты, установленного в ст. 12 ГК РФ. Предложено деление корпоративных правоотношений на основные и зависимые (производные). Аргументирована позиция, согласно которой предъявление иска о восстановлении корпоративного контроля направлено на подтверждение основного корпоративного правоотношения между истцом и корпорацией, в том числе элемента его содержания — прав участия в корпорации.

Защиту прав из производных корпоративных правоотношений указанное требование не обеспечивает. Выявлено то, что юридический интерес истца, предъявляющего требование о восстановлении корпоративного контроля, состоит в том, чтобы быть участником корпоративного правоотношения в целях осуществления прав участия в корпорации. Подобное представление о рассматриваемом способе защиты позволит преодолеть определенные трудности защиты корпоративных прав. Сделан вывод о том, что использование иска о признании корпоративных прав не должно ограничиваться предъявлением требования о восстановлении корпоративного контроля на основании п. 3 ст. 65.2 ГК РФ. Положения гражданского законодательства, регламентирующие признание права как способ защиты гражданских прав, должны раскрывать основные правила его применения, но не ограничивать возможности его использования.

Ключевые слова: признание права, восстановление корпоративного контроля, способы защиты прав, защита корпоративных прав, подтверждение правоотношения, нарушение права, характеристика признания права, корпоративные правоотношения, корпорации, обязательственные правоотношения.

**Анна Сергеевна
СТАРОВОЙТОВА,**

соискатель кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

annastar2@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.155-163

A. S. STAROVOYTOVA,

*Postgraduate student of the Department of the Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
annastar2@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

RECOVERY OF CORPORATE CONTROL AS A REMEDY FOR CORPORATE MEMBERS

Abstract. *The article concludes that filing a claim for the recovery of corporate control is a special case of applying legal recognition of right as a general civil remedy stipulated by Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation. The article suggests that corporate legal relationships should be classified as primary and dependent (derivative). The article contains arguments in favor of the opinion that filing a claim for the recovery of corporate control is aimed at confirming the primary corporate relationship between a plaintiff and a corporation, including its element in the form of interest in the corporation. This claim does not cover remedies arising from derivative corporate relationships. It has been acknowledged that the legal interest of a plaintiff filing a claim for the recovery of corporate control consists in participating in the corporate relationship in order to exercise the right with respect to an interest therein. Such a concept of the remedy in question makes it possible to overcome certain problems related to the protection of corporate interests. It has been concluded that using the claim for the recovery of corporate control should not be limited to claiming the recovery of corporate control pursuant to paragraph 3, Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation. Civil law provisions regulating recognition of a right as a civil right remedy should specify basic rules for its application rather than limit the scope of its application.*

Keywords: *recognition of a right, recovery of corporate control, remedies, protection of corporate rights, acknowledgment of legal relationship, infringement of rights, characterization of rights recognition, corporate relationships, corporations, obligation-based relationships.*

В последнее время особую актуальность приобрел вопрос о защите прав участников коммерческих корпоративных организаций. Необходимость обеспечения такой защиты вызвана нарушением корпоративных прав вследствие неправомерного захвата долей в уставном капитале или акций хозяйственных обществ. В связи с несовершенством корпоративного законодательства при осуществлении защиты корпоративных прав в вышеуказанных случаях возникали определенные трудности. В целях их преодоления был разработан новый способ защиты нарушенных прав участников корпораций — восстановление корпоративного контроля.

Изначально такая категория, как «восстановление корпоративного контроля», появилась в ряде постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ¹. Затем указанная категория была воспринята законодателем, и по итогам реформы гражданского законодательства в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ была установлена новая юридическая конструкция, предназначенная для защиты корпоративных прав.

Однако сто́ит признать, что, несмотря на законодательное закрепление рассматриваемого способа защиты корпоративных прав, остаются непроработанными вопросы о правовой природе указанного способа защиты, правилах его применения и соотношения с иными способами защиты. Думается, что юридическая квалификация рассматриваемого способа защиты требует глубокого доктринального осмысления.

Полагаем, что предъявление требования о восстановлении корпоративного контроля представляет собой частный случай использования такого общегражданского способа защиты, как признание права (ст. 12 ГК РФ)².

Прежде чем приступить к аргументации изложенной точки зрения, отметим, что в правовой литературе и ранее встречалась подобная позиция.

А. А. Маковская указывала на то, что классическая цивилистика располагает пригодным средством защиты субъектов прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой. Так, требование, направленное на восстановление имущественного положения истца, утратившего бездокументарные ценные бумаги, может быть квалифицировано как иск о признании права. Такой иск является оптимальным способом защиты нарушенных прав владельцев бездокументарных ценных бумаг и полностью соответствует их правовой природе³.

Отметим, что гражданско-правовой механизм защиты прав участников хозяйственных обществ вследствие неправомерного захвата долей в уставном капитале, по сути, сводится к механизму защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, как и в аналогичных случаях с акциями. Следовательно, признание права является оптимальным способом защиты нарушенных прав не только владельцев акций (бездокументарных ценных бумаг), но обладателей долей в уставном капитале хозяйственных обществ.

В. А. Русанова также отмечала, что, согласно ст. 21 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», признание права на долю в уставном капи-

¹ См.: постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 июня 2008 г. по делу № 1176/08 ; от 10 июня 2008 г. по делу № 5539/08 // СПС «ГАРАНТ».

² См.: *Василевская Л. Ю.* Иск о признании права: проблемы определения и толкования // Судья. 2011. № 6. С. 17—22 ; *Она же.* Иск о признании права: проблемы юридической квалификации // Право и бизнес : сборник статей I Ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова. М., 2012. С. 76—79 ; *Богданова Е. Е.* Отдельные проблемы признания права как способа защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 103—112 ; *Старовойтова А. С.* Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 120—127.

³ См.: *Маковская А. А.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 1. С. 109.

тале является одним из способов защиты нарушенных прав участника общества⁴.

Согласимся с В. М. Гордоном, который отмечал, что иск о признании по своему предмету может быть квалифицирован как *иск о судебном подтверждении правоотношения*⁵. Это означает, что вопрос о правовой квалификации иска о признании права не может быть решен без выяснения сути корпоративных правоотношений.

По мнению Д. В. Ломакина, корпоративные правоотношения возникают, изменяются и прекращаются в связи с приобретением, осуществлением и передачей корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей. Корпоративные правоотношения можно определить как отношения участия или членства⁶. Ученый полагает, что категория корпоративных правоотношений включает в себя два вида правоотношений: основные и зависимые (производные). «Основное корпоративное правоотношение — это правоотношение участия, которое возникает в результате приобретения прав участия, оформляющих принадлежность субъекта к внутренней структуре корпорации, приобретения им статуса участника (члена)»⁷. Такое правоотношение существует между корпорацией, с одной стороны, и ее отдельным участником (членом) — с другой. Возникновение производных корпоративных правоотношений происходит на основании сложного юридического состава. Элементами последнего являются основное корпоративное правоотношение и дополнительные юридические факты.

Исходя из рассуждений Д. В. Ломакина, можем сказать, что элементом содержания основного корпоративного правоотношения являются права участия (членства), которые возникают одновременно с таким отношением и обусловлены только самим его существованием. Автор приводит следующий пример. Лицо, приобретая акции, становится участником правоотношения членства (основного корпоративного правоотношения), а также субъектом удостоверяемых прав, которые являются элементом содержания такого правоотношения. Такими правами выступают права на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении обществом, на часть имущества, остающегося после ликвидации общества. Указанные права возникают одновременно с правоотношением участия, и для их порождения не требуется дополнительных юридических фактов, кроме тех, которые направлены на приобретение акций.

Вместе с тем у участников (членов) корпорации могут быть и другие права, также обусловленные существованием правоотношения участия (членства), но в то же время для возникновения которых необходимы дополнительные юридические факты. Такими правами являются, например, права требования выплаты дивидендов в виде определенной денежной суммы. Для их появления необходим дополнительный юридический факт — решение общего собрания акционеров

⁴ См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 180.

⁵ См.: *Гордон В. М.* Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 45.

⁶ См.: *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. С. 52.

⁷ См.: *Ломакин Д. В.* Указ. соч. С. 56.

о выплате дивидендов. Указанные права становятся, в свою очередь, элементом содержания производных корпоративных правоотношений. Автор отмечает, что производные правоотношения по своей юридической природе, за отдельными исключениями, представляют собой гражданские обязательства, в которых, например, праву акционера на выплату дивидендов корреспондирует обязанность корпорации по их выплате⁸.

Очевидно, что правовая природа и механизм защиты корпоративных и обязательственных прав во многом сходны. В пользу вышеизложенного свидетельствуют и положения п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, согласно которым к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, применяются общие положения об обязательствах.

Однако стоит признать, что в доктрине высказаны разные точки зрения по поводу практической значимости, целесообразности и эффективности применения признания права как способа защиты обязательственных прав.

Так, Л. В. Кузнецова полагает, что установление факта существования обязательственного правоотношения не может рассматриваться как самостоятельный способ защиты⁹. Л. Ю. Василевская отмечает, что обязательственное субъективное право не предполагает совершения лицом собственных действий, а потому в дальнейшем требует от управомоченного лица применения иных способов защиты, следовательно, иск о признании права используется только для защиты субъективных гражданских прав, содержание которых включает правомочия субъекта права на совершение собственных действий¹⁰.

На наш взгляд, использование иска о признании обязательственных прав участников корпораций является не только целесообразным, но и необходимым. Требование о признании права может предъявляться для подтверждения обязательственного правоотношения при наличии юридического интереса для такого подтверждения, который заключается в устранении правовой неопределенности относительно существования обязательства, но не в принуждении ответчика к его исполнению. Основанием такого интереса может, например, служить невозможность совершения собственных действий или сделок участником корпорации (например, сделки по уступке права требования выплаты дивидендов в виде определенной денежной суммы).

Что касается корпоративных правоотношений, то здесь возникает вопрос о том, какие правоотношения могут быть подтверждены в рамках требования о восстановлении корпоративного контроля.

Как уже было отмечено выше, на наш взгляд, требование о восстановлении корпоративного контроля представляет собой иск о признании права. Отличительной чертой решения по иску о признании является то, что оно ограничивается лишь подтверждением спорного правоотношения и не возлагает на ответчика обязанностей по его исполнению.

⁸ См.: Ломакин Д. В. Указ. соч. С. 54—77.

⁹ См.: Кузнецова Л. В. Некоторые вопросы признания права как способа защиты гражданских прав // Право и экономика. 2004. № 11. С. 20—25.

¹⁰ См.: Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы определения и толкования. С. 17—22; Она же. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации. С. 76—79.

Предметом производного корпоративного правоотношения, как и предметом обязательства, является совершение определенного действия одной стороны в пользу другой. Так, обращение за защитой прав из производных корпоративных правоотношений — это требование о присуждении ответчика к совершению конкретных действий в пользу истца.

Так, думается, что требование о восстановлении корпоративного контроля не обеспечивает эффективной защиты прав из производных корпоративных правоотношений, поскольку в рамках дела по такому иску суд только подтверждает наличие правоотношения, а не право на его исполнение. В то же время интерес истца, как и в случае защиты субъективных обязательственных прав, заключается именно в присуждении ответчика к совершению определенных действий (например, к уплате дивидендов). Поэтому судебное подтверждение существования субъективного корпоративного права (права требования) не имеет практического значения, так как не создает для управомоченного лица никаких позитивных правовых последствий.

Считаем, что в указанных случаях необходимо заявлять иск о присуждении (иск о присуждении к исполнению обязанности в натуре, возмещении убытков), но не иск о восстановлении корпоративного контроля.

Полагаем, что применение восстановления корпоративного контроля направлено именно на подтверждение основного корпоративного правоотношения, т.е. юридической связи между истцом и корпорацией, в том числе элемента его содержания — прав участия в корпорации.

На наш взгляд, в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ словосочетание «права участия в корпорации» используется в значении объекта гражданских прав, поскольку речь идет о возврате таких прав по аналогии с вещами. Указанные права представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных имущественных и неимущественных прав, представляющих собой особый объект гражданских прав¹¹.

Аналогичный подход прослеживается и в судебно-арбитражной практике. Так, истец, обращаясь в суд с иском о восстановлении корпоративного контроля, заявляет требование о признании права на акции, доли в уставном капитале, которые он утратил помимо своей воли, в результате неправомерных действий третьих лиц, с одновременным лишением такого права ответчика¹². Иными словами, истец требует возврата акций и долей в уставном капитале корпорации, т.е. прав участия в ней.

Однако стоит отметить, что на практике нередко возврат прав участия в корпорации оказывался невозможным, поскольку акции и доли, оформляющие такие права, прекращали свое существование вследствие преобразования общества, осуществления увеличения уставного капитала и т.д. Полагаем, что в целях пре-

¹¹ См.: *Синицын С. А.* Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52—67.

¹² См., например: постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 февраля 2018 г. № 10АП-20407/17 по делу № А41-16332/16 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 апреля 2018 г. № 09АП-6034/18 по делу № А40-169075/16 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2017 г. № 09АП-27210/17 по делу № А40-204710/2016 // СПС «ГАРАНТ».

одоления таких трудностей защиты корпоративных прав и появилась формулировка «восстановление корпоративного контроля». Корпоративный контроль над корпорацией представляет собой юридически закрепленную возможность ее участника влиять на принимаемые ею решения, извлекать имущественные блага¹³.

Очевидно, что действительный юридический интерес обладателя прав участия в корпорации заключается в том, чтобы быть участником основного корпоративного относительного правоотношения в целях осуществления таких прав.

Следовательно, права участия в корпорации необходимо понимать не только как объект гражданских прав, но и как элемент содержания корпоративных правоотношений. Так, возвращая истцу права участия в корпорации, суд таким образом подтверждает наличие корпоративного правоотношения между истцом и корпорацией и, соответственно, наоборот.

При таком подходе, как подтверждается и судебной арбитражной практикой, представляется возможным признать права участия в корпорации за истцом даже в том случае, когда акции и доли в уставном капитале, оформляющие указанные права, прекратили свое существование вследствие преобразования общества, осуществления увеличения уставного капитала и т.д. В таких случаях юридическая связь (основное корпоративное правоотношение) между истцом и корпорацией, в том числе ее правопреемником, может быть подтверждена судом, а следовательно, и признаны права участия истца в корпорации. Так, например, в одном из дел суд удовлетворил требования истца о признании права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, образованного в результате реорганизации закрытого акционерного общества, акции которого принадлежали истцу и были утрачены помимо его воли¹⁴.

Таким образом, применение признания права как способа защиты корпоративных прав предполагает подтверждение основного корпоративного правоотношения между истцом и корпорацией, а также элемента его содержания — прав участия в корпорации.

С учетом вышеизложенного представляется возможным иск о восстановлении корпоративного контроля определить следующим образом: это требование о подтверждении наличия корпоративного правоотношения между истцом и корпорацией, предъявляемое с целью подтверждения факта принадлежности истцу прав участия в корпорации, когда такие права были утрачены последним помимо его воли в результате неправомерных действий третьих лиц.

На наш взгляд, использование иска о признании корпоративных прав не должно ограничиваться предъявлением требования о восстановлении корпоративного контроля на основании п. 3 ст. 65.2 ГК РФ. Думается, что сфера применения признания права как способа защиты корпоративных прав может быть достаточно широка. Поэтому положения гражданского законодательства, регламентирующие признание права как способ защиты, должны раскрывать сущность указанного

¹³ См.: *Сарбаш С. В.* Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 72.

¹⁴ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2018 г. № Ф05-3039/18 по делу № А41-61651/2017 // СПС «ГАРАНТ».

способа, а также устанавливать базовые правила его применения, но не ограничивать возможности его использования.

Стоит отметить, что в правовой литературе¹⁵ можно встретить иную позицию относительно определения места восстановления корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав. Так, С. В. Сарбаш квалифицирует рассматриваемый способ защиты как разновидность восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ).

По мнению В. А. Хохлова, практическое использование восстановления положения, существовавшего до правонарушения как способа защиты гражданских прав, всегда было затруднено в связи с недостаточным описанием в законе и отсутствием устойчивой судебной практики. В результате такой способ защиты, как восстановление корпоративного контроля, можно только сравнить, соотнести с вышеуказанным способом защиты, установленным в ст. 12 ГК РФ¹⁶.

И. В. Назимов полагает, что восстановление положения, существовавшего до нарушения права вообще, является принципом гражданского права¹⁷.

На наш взгляд, все способы защиты гражданских прав предназначены для восстановления положения, существовавшего до их нарушения в той или иной степени. Так, например, виндикационный и негаторный иски, иск о признании права, требование о реституции также направлены на восстановление правового положения истца. Однако это не означает, что указанные способы защиты являются разновидностями общего способа защиты — восстановления положения, существовавшего до нарушения права, установленного в ст. 12 ГК РФ.

При подведении итогов видится очевидным, что тщательная проработка признания права как способа защиты гражданских прав позволит определить место восстановления корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав, его юридическую характеристику, а также правила и особенности применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданова Е. Е.* Отдельные проблемы признания права как способа защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 2. — С. 103—112.
2. *Василевская Л. Ю.* Иск о признании права: проблемы определения и толкования // Судья. — 2011. — № 6. — С. 17—22.
3. *Василевская Л. Ю.* Иск о признании права: проблемы юридической квалификации // Право и бизнес : сборник статей I Ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова. — М., 2012. — С. 76—79.

¹⁵ См.: *Сарбаш С. В.* Указ. соч. С. 70—79.

¹⁶ См.: *Хохлов В. А.* О восстановлении корпоративного контроля // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 9—14.

¹⁷ См.: *Назимов И. А.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 4—7.

4. *Гордон В. М.* Иски о признании. — Ярославль, 1906. — 370 с.
5. *Кузнецова Л. В.* Некоторые вопросы признания права как способа защиты гражданских прав // *Право и экономика*. — 2004. — № 11. — С. 20—25.
6. *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М. : Статут, 2008. — 511 с.
7. *Маковская А. А.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2009. — № 1. — С. 106—121.
8. *Назимов И. А.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2014. — 23 с.
9. *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
10. *Сарбаш С. В.* Восстановление корпоративного контроля // *Вестник гражданского права*. — 2008. — № 4. — 222 с.
11. *Синицын С. А.* Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // *Журнал российского права*. — 2015. — № 6. — С. 52—67.
12. *Старовойтова А. С.* Признание права как способ защиты вещных прав // *Актуальные проблемы российского права*. — 2018. — № 3. — С. 120—127.
13. *Хохлов В. А.* О восстановлении корпоративного контроля // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. — 2016. — № 4. — С. 9—14.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.

В настоящей монографии исследуются дискуссионные вопросы обязательственного права в условиях реформирования гражданского законодательства.

Монография подготовлена коллективом кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина и других авторитетных российских ученых по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Реформа обязательственного права и развитие экономики Российской Федерации», организованной 7 апреля 2017 г. в рамках VI Международного юридического форума.

Законодательство приводится по состоянию на декабрь 2017 г.

Книга может представлять интерес для широкого круга научных и практических работников, студентов, магистрантов, аспирантов и всех интересующихся проблемами обязательственного права.

Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. — М. : Норма, 2018. — 191 с.

В книге раскрываются основные и дискуссионные проблемы договорного права в условиях реформирования гражданского законодательства. Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей юридических и экономических факультетов и вузов, а также для практикующих юристов и всех интересующихся проблемами современного договорного права.

Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия : монография / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 176 с.

Представленная монография посвящена вопросам взаимодействия гражданского законодательства и судебной практики. В ней рассматриваются общие и конкретные вопросы роли и значения судебной практики в механизме гражданско-правового регулирования.

Законодательство приведено по состоянию на сентябрь 2016 г.

Издание предназначено для научных работников, студентов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов.

Долинская В. В. Гражданское право : Основные положения : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2016. — 112 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику предложена общая характеристика основных положений гражданского права.

Освещены вопросы предмета, метода, принципов и функций, а также системы гражданского права и места гражданского права в системе права. В издании представлены образцы презентации, задачи, задания и теста по теме.

Законодательство приведено по состоянию на 1 августа 2016 г.

Предназначено для студентов бакалавриата, а также для иных обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, для всех интересующихся правом.

Долинская В. В. Гражданское право : Правоотношение : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 112 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

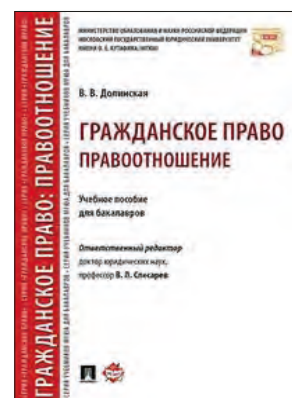
В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику предложена общая характеристика гражданского правоотношения.

Освещены вопросы общей характеристики и отраслевой специфики гражданских правоотношений, их классификаций, понятий субъективного гражданского права и юридической обязанности, субъектов, объектов и оснований возникновения, изменений и прекращения гражданских правоотношений.

В издании представлены образцы презентации, задачи, задания и теста по теме.

Законодательство приводится по состоянию на 1 сентября 2016 г.

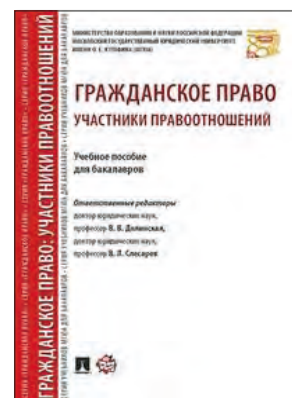
Предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, а также всех интересующихся правом.

Гражданское право : Участники правоотношений : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 272 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику предложена общая характеристика участников гражданских правоотношений и рассмотрены их конкретные виды.

Освещены понятие и виды участников гражданских правоотношений, их правовой статус и правосубъектность.

В издании представлены образцы презентации, задачи, задания и теста по теме.

Законодательство приводится по состоянию на 1 ноября 2016 г.

Предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, а также всех интересующихся правом.

Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М. Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2018. — 128 с.

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику предложена общая характеристика объектов гражданских прав, рассмотрены их конкретные виды. Освещены понятие и виды объектов гражданских прав, особое внимание уделено таким их группам, как вещи, деньги, ценные бумаги, результаты интеллектуальной деятельности и права на них, нематериальные блага. Исследованы такие не имеющие однозначной характеристики, но играющие важную роль объекты, как животные, информация, комплексы.

В издании представлены образцы презентации, задачи, задания и теста по теме.

Законодательство приведено по состоянию на май 2017 г.

Пособие предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, а также всех интересующихся правом.

Гражданское право : Юридические факты : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 172 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику предложена общая характеристика юридических фактов и рассмотрены их конкретные виды. Освещены понятие и виды юридических фактов, особое внимание уделено такой их классической группе, как сделки, таким новым основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей, как согласие на совершение сделки, решения собраний, юридически значимые сообщения, таким редко рассматриваемым в учебной литературе юридическим фактам, как административные и судебные акты, а также юридическим составам. В издании представлены образцы презентации, задачи, задания и теста по теме.

Законодательство приводится по состоянию на 1 ноября 2016 г.

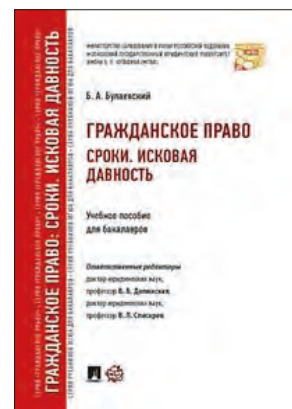
Предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, а также всех интересующихся правом.

Булаевский Б. А. Гражданское право : Сроки. Исковая давность : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2016. — 80 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

В настоящем издании на основе действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики рассматриваются два института гражданского права: сроки и исковая давность.

Понимание указанных институтов в качестве правовых средств, ориентированных на придание определенности регулируемым отношениям, по-новому раскрывает их содержание и возможности применения. Законодательство приведено по состоянию на 1 июня 2016 г.

Пособие адресуется студентам бакалавриата, обучающимся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также иным обучающимся юридических вузов и факультетов. Издание также может быть полезно научным работникам, практикующим юристам и всем, кто интересуется вопросами права.

Гражданское право : Общие положения об обязательствах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2018. — 160 с.

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику рассмотрены общие положения об обязательствах.

Освещены понятие и виды обязательств, основания возникновения и прекращения обязательств, обеспечение исполнения обязательств, перемена лиц в обязательстве, ответственность за нарушение обязательств.

В издании представлены образцы задач и вопросов по теме.

Законодательство приводится по состоянию на март 2017 г.

Предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, а также всех интересующихся правом.

Белов В. Е., Соменков С. А. Гражданское право : Общие положения о договорах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 96 с. — (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

В учебном пособии в соответствии с ФГОС на основе действующих правовых актов и научных исследований со ссылками на правоприменительную, в первую очередь судебную, практику освещены вопросы о договоре как правовом явлении, содержании договора, классификации договоров в науке гражданского права, о порядке заключения договора, в том числе о торгах и иных конкурентных способах заключения договора, об основаниях, порядке и последствиях изменения и расторжения договора.

Законодательство приводится по состоянию на 1 августа 2016 г. Пособие предназначено для студентов бакалавриата, а также для иных обучающихся по программам юридических специальностей, преподавателей вузов, для всех интересующихся правом.

Гражданское право. Часть первая : практикум / отв. ред. И. З. Аюшеева, Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2018. — 376 с.

Представленный практикум предназначен для изучения студентами юридических факультетов и вузов учебной дисциплины «гражданское право, часть первая» (уровень подготовки — бакалавриат).

Практикум содержит вопросы, задания и задачи для обсуждения на занятиях, подготовленные в соответствии со сложившейся судебной практикой и соответствующие ФГОС.

Законодательство приведено по состоянию на сентябрь 2017 г. Студентам и преподавателям юридических факультетов и вузов.

Гражданское право : учебник для бакалавров / отв. ред. В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2016. — Т. 2. — 768 с.

В учебнике, подготовленном в соответствии с программой курса гражданского права коллективом кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), освещаются вопросы второй части курса гражданского права Российской Федерации: отдельные виды договорных обязательств, внедоговорные обязательства, наследственное право, интеллектуальные права. Материал излагается на основе норм Гражданского кодекса РФ, других нормативных правовых актов с учетом практики Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и достижений российской цивилистической науки.

Законодательство приводится по состоянию на февраль 2015 г. Учебник рассчитан на студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Юриспруденция», аспирантов, научных и практических работников, всех лиц, интересующихся вопросами гражданского права.

Семейное право : учебник для бакалавров / отв. ред. С. О. Лозовская. — М. : Проспект, 2014. — 368 с.

В предлагаемом учебнике освещаются общие положения семейного права, рассматриваются правоотношения, возникающие между супругами, родителями и детьми, алиментные обязательства членов семьи, формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, а также семейные правоотношения с участием иностранных лиц и лиц без гражданства. Нормативные акты используются по состоянию на 1 сентября 2013 г. Для студентов, аспирантов, преподавателей высших юридических учебных заведений, а также практикующих юристов.

Жилищное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Е. Богданова, К. Р. Файзрахманов. — М. : Проспект, 2018. — 352 с.

В предлагаемом учебнике излагается курс жилищного права по учебной программе, разработанной в соответствии с ФГОС по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата). На основе действующего жилищного законодательства РФ анализируются базовые институты жилищного права и актуальные проблемы правоприменения. Для закрепления полученных теоретических знаний в учебник включены практические задания.

Законодательство приведено по состоянию на 3 апреля 2018 г.

Настоящее издание предназначено для студентов юридических вузов, аспирантов, преподавателей, практических работников, а также всех интересующихся вопросами жилищного права.

Lex Russica. 2017. № 5 (126).

Кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) подготовлен тематический номер научного юридического журнала «Lex Russica».

В данном номере журнала представлены статьи российских ученых, посвященные исследованию дискуссионных вопросов гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Основой для работ послужили материалы выступлений в рамках круглого стола «Новеллы судебной практики по вопросам гражданско-правовой ответственности», который состоялся 30 ноября 2016 г. в рамках VI Московской юридической недели в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ»

27 февраля 2018 г. в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся круглый стол «Проблемы реформирования наследственного законодательства в России», организованный кафедрой гражданского права. В качестве руководителя научного мероприятия выступила доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права **Е. Е. Богданова**.

Участники круглого стола обсудили актуальные проблемы реформирования российского наследственного права:

- доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** открыла работу круглого стола, поприветствовав участников научного мероприятия, а также обозначив основные новеллы наследственного права;
- кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству **Е. Б. Бадулина** выступила с докладом на тему «Реформа наследственного права: новеллы и перспективы развития»;
- доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор **В. В. Кулаков**

представил доклад на тему «Координационные отношения в наследственном праве»;

- доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Ю. С. Харитоновна** выступила с докладом на тему «Доверительное управление и наследственный фонд»;
- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Д. Е. Богданов** представил вниманию участников круглого стола доклад на тему «Ответственность по обязательствам наследодателя в российском и зарубежном праве»;
- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор **В. В. Долинская** выступила с докладом на тему «Тенденции развития наследственного права России»;
- кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **Н. И. Беседкина** основательно рассмотрела оценочные категории в нормах о наследовании;
- кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. В. Ельникова** подробно проанализировала проблемы наследования прав, связанных с участием в коммерческих организациях.

В завершение круглого стола доктор юридических наук, и. о. заведующей кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** поблагодарила участников научного мероприятия за выступление и плодотворную дискуссию, а также выразила надежду на дальнейшее научное сотрудничество.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ СУДЬБА БИЗНЕСА ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА И НАСЛЕДОВАНИИ» В РАМКАХ V МОСКОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

5 апреля 2018 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании», проведенная в рамках V Московского юридического форума кафедрой гражданского права и кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Руководители конференции — доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** и доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **И. В. Ершова**.

Заместители руководителей конференции — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **А. Н. Левушкин** и кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **С. А. Муратова**.

С докладами выступили ведущие специалисты в области гражданского, семейного и предпринимательского права, в том числе:

- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. К. Андреев** — «Наследование гражданами имущества юридического лица»;
- доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **М. Н. Илюшина** — «Наследование долей ООО: современное состояние законодательства и правоприменения»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **В. В. Гуцин** — «Наследственный фонд и бизнес: плюсы и минусы»;
- доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наследственное право» **О. Е. Блинков** — «Интересы бизнеса, семьи и наследников в современной российской правовой парадигме»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. В. Долинская** — «Взаимодействие бизнеса и семьи на примере наследования акций»;
- доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия **В. В. Кула-**

ков — «Семейное, гражданское, предпринимательское право: межотраслевые связи»;

- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Ю. С. Харитонова** — «Наследственный фонд как наследник бизнеса»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **А. В. Барков** — «О совершенствовании российского правотворческого подхода к легализации семейного предпринимательства»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности **И. А. Михайлова** — «Переход бизнеса по наследству: некоторые вопросы теории и практики».

Всего в работе конференции приняли участие более 150 представителей юридической науки.

По итогам работы Международной научно-практической конференции «Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании» кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) издана монография «Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании» (отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2018. 480 с.).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВЫЗОВЫ ПРАКТИКИ» В РАМКАХ V МОСКОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

6 апреля 2018 г. состоялась научно-практическая конференция «Новые контексты защиты гражданских прав и законных интересов: проблемы теории и вызовы практики», проведенная в рамках V Московского юридического форума кафедрой гражданского права и кафедрой гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Модераторы конференции — доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** и доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Уксусова**.

С докладами выступили ведущие специалисты в области гражданского права и процесса, в том числе:

- доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** — «Конкуренция исков в гражданском праве»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель руководителя аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству **О. А. Рузакова** — «Проблемы защиты прав участников семейных отношений»;
- кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству **Е. Б. Бадулина** — «Защита прав добросовестных приобретателей недвижимости: проблемы и пути решения»;
- доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **О. А. Беляева** — «Административная защита прав участников публичных закупок: проблемы теории и практики на современном этапе»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова **Е. В. Богданов** — «Проблемы защиты личных неимущественных прав»;

- доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия **В. В. Кулаков** — «Принципы гражданского права и защита гражданских прав»;
- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Д. Е. Богданов** — «Доктрина эквивалентов и проблемы определения защитного диапазона исключительного права на изобретение: компаративный анализ»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Л. Ю. Василевская** — «Реформирование законодательства о вещных правах и их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. В. Долинская** — «Проблемы баланса интересов при защите прав в жилищных отношениях»;
- доктор юридических наук, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **С. А. Иванова** — «Об ограничении права собственника на виндикацию»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета **О. А. Кузнецова** — «Проблемы административно-правовой защиты гражданских прав»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **М. Н. Малеина** — «Запрет на приближение нарушителя к потерпевшему как способ защиты гражданских прав»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. Л. Слесарев** — «Оспаривание нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, как способ защиты гражданских прав»;
- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского, арбитражного, административного процессуального права Российского государственного университета правосудия **М. А. Фокина** — «К вопросу об оптимизации гражданского судопроизводства».

Всего в работе конференции приняли участие более 160 представителей юридической науки.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ВЕК РАЗВИТИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

29 июня 2018 г. состоялся круглый стол «Гражданское право в век развития новых технологий», организованный кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Руководителем научного мероприятия выступила и. о. заведующего кафедрой гражданского права, доктор юридических наук **Е. Е. Богданова**.

Участники круглого стола рассмотрели актуальные проблемы трансформации гражданского права в условиях развития цифровых технологий, а также гражданско-правовые особенности регулирования геномных исследований:

- и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук **Е. Е. Богданова** открыла работу круглого стола докладом на тему «Трансформация договорных отношений в новую технологическую эпоху»;
- президент Национальной палаты инженеров **И. В. Мещерин** представил собственное видение основных направлений модернизации гражданского законодательства в контексте развития инженерных наук;
- кандидат юридических наук, доцент кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Д. В. Огородов** выступил с докладом на тему «Цифровая экономика, роботизация и смарт-контракты: почему классическая цивилистика переживает очередную революцию», изложив

и обосновав оптимистичный взгляд на будущее классической цивилистики в условиях развития новых технологий;

- кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории по праву информационных технологий и интеллектуальной собственности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **А. И. Савельев** представил доклад на тему «Смарт-контракты: разновидность автоматизированного исполнения обязательства или новая сущность договорного права?», резюмировав, что смарт-контракт есть новая парадигма контрактования;
- заведующий отделом теоретических и практических проблем судебной защиты интеллектуальной собственности Российского государственного университета правосудия **М. М. Карелина** представила вниманию участников круглого стола доклад на тему «Информатизация, цифровизация... что дальше? Проблемы гражданско-правового регулирования», призвав исследователей и законодателя придерживаться традиционных цивилистических подходов;
- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. Л. Слесарев** выступил с докладом на тему «Свобода договора и информационные технологии», констатируя, что информационные технологии должны способствовать расширению пределов свободы договора;
- главный эксперт Евразийского патентного ведомства **М. А. Серова** охарактеризовала особенности правовой охраны биотехнологических изобретений в соответствии с европейским, евразийским и российским законодательством;
- кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем передачи информации имени А. А. Харкевича Российской академии наук **А. Ю. Панчин** раскрыл перспективы развития геномной инженерии;

- генеральный директор ООО «Золотое сечение», сопредседатель Гильдии защиты медицинских работников **А. М. Юсуфов** рассмотрел правовые аспекты применения телемедицинских технологий с учетом норм гражданского права;
- кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **С. А. Соменков** представил доклад на тему «Искусственный интеллект: от объекта к субъекту?», проанализировав аргументы pro et contra признания правосубъектности за интеллектуальными системами;
- доктор юридических наук, заместитель руководителя аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству, профессор кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **О. А. Рузакова** выступила с докладом о перспективах развития гражданского законодательства в сфере цифровых технологий.

В завершение научного мероприятия и. о. заведующего кафедрой гражданского права, доктор юридических наук **Е. Е. Богданова** поблагодарила участников круглого стола за выступления и плодотворную дискуссию, а также выразила надежду на дальнейшее научное сотрудничество.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФИНАНСОВЫХ СДЕЛКАХ» В РАМКАХ VIII МОСКОВСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НЕДЕЛИ

29 ноября 2018 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Новеллы законодательства о финансовых сделках», проведенная в рамках VIII Московской юридической недели кафедрой гражданского права и кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Руководителями конференции выступили:

- доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова**;
- доктор юридических наук, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Л. Г. Ефимова**;
- доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **Г. Ф. Ручкина**;
- кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Е. Б. Лаутс**;
- кандидат юридических наук, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора финансового, налогового, банковского и конкурентного права Института государства и права Российской академии наук **Ш. Ш. Узденев**.

Заместителями руководителей конференции были кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Д. С. Ксенофонтова** и кандидат юридических наук, доцент кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **И. Е. Михеева**.

С докладами выступили ведущие специалисты в области гражданского и банковского права, в том числе:

— доктор юридических наук, профессор, председатель Суда по интеллектуальным правам, заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Л. А. Новоселова** — «О некоторых проблемных вопросах передачи прав требований и перевода долга»;

— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени

Г. В. Плеханова **Е. В. Богданов** — «Отношения собственности в финансовых сделках»;

— доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **Г. Ф. Ручкина** — «Финансовое оздоровление кредитных организаций — правовое обеспечение нового механизма»;

— доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Е. Е. Богданова** — «Проблема возвратности в заемном обязательстве»;

— доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Л. Г. Ефимова** — «Понятие и правовая природа трансферабельного аккредитива»;

- доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Д. Е. Богданов** — «Анализ новелл в законодательстве и правоприменительной практике по договору займа»;
- доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **В. В. Долинская** — «Финансовые сделки, финансовые услуги, финансовые продукты: проблемы понятийного аппарата»;
- доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде **О. Б. Сиземова** — «Новеллы законодательства о финансовых сделках и проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг»;
- кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Е. Б. Лаутс** — «Реформа правового регулирования финансовых сделок: гражданское и специальное законодательство»;
- кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **А. В. Белицкая** — «Тенденции и перспективы правового регулирования долгового финансирования».

Всего в работе конференции приняли участие более 80 представителей юридической науки.

По итогам работы Всероссийской научно-практической конференции «Новеллы законодательства о финансовых сделках» планируется издание тематического номера научного юридического журнала «Lex Russica».

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА» (ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ МАТВЕЕВНЫ НЕЧАЕВОЙ) В РАМКАХ VIII МОСКОВСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НЕДЕЛИ

29 ноября 2018 г. в рамках VIII Московской юридической недели состоялся круглый стол «Конституционные аспекты семейного права», посвященный памяти Александры Матвеевны Нечаевой.

Организаторами круглого стола выступили кафедра гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и кафедра гражданского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Руководителями круглого стола стали старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **О. А. Дюжева** и кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **С. А. Муратова**.

В работе круглого стола приняли участие представители различных российских юридических научно-образовательных центров.

В своих выступлениях докладчики неоднократно обращали пристальное внимание на вклад доктора юридических наук Александры Матвеевны Нечаевой в становление и развитие современной науки семейного права, новаторство принадлежащих ей научных идей и концепций, приверженность семейно-правовым традициям и глубокое понимание существа семейных отношений.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

ДЕКРЕТ О ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ, О ДЕТЯХ И О ВЕДЕНИИ КНИГ АКТОВ СОСТОЯНИЯ

Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки.

Гражданский брак совершается на основании следующих правил:

1. Лица, желающие вступить в брак, словесно объявляют или подают о том, по месту своего пребывания, письменное заявление в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе.

Примечание. Церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся.

2. Заявления о желании вступить в брак не принимаются:

а) от лиц мужского пола ранее 18 лет, а женского — 16 лет от рождения. В Закавказье туземные жители могут вступать в брак по достижении женихом 16 лет, а невестой 13 лет; б) от родственников по прямой линии, полнородных и неполнородных братьев и сестер, — причем наличие родства признается также между внебрачным ребенком и его потомством, с одной стороны, и его отцом и его родственниками — с другой; в) от состоящих в браке и г) от умалишенных.

3. Желающие вступить в брак являются в отдел записей браков и дают подписку в отсутствии перечисленных в ст. 2 сего декрета препятствий для вступления в брак, а также подписку в том, что они вступают в брак добровольно.

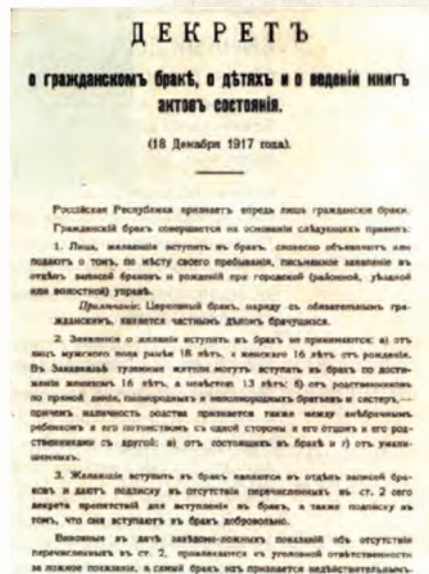
Виновные в даче заведомо ложных показаний об отсутствии препятствий, перечисленных в ст. 2, привлекаются к уголовной ответственности за ложное показание, а сам брак их признается недействительным.

4. По отобрании выше предусмотренной подписки, заведующий отделом записей браков заносит событие брака в книгу записей браков и затем объявляет брак вступившим в законную силу.

При вступлении в брак бракосочетающимся предоставляется свободно определить, будут ли они впредь именоваться фамилией мужа или жены или соединенной фамилией.

В удостоверение события брака брачующимся выдается незамедлительно копия свидетельства об их браке.

Примечание. Форма книги записей браков прилагается.

5. Жалобы на отказ в совершении брака или на неправильности записи приносятся, без ограничения срока, местному судье по месту отдела записей браков; определение же местного судьи по таковой жалобе может быть обжаловано в общем порядке.

6. В случае, если прежние книги записей брака были уничтожены или иным путем погибли, или если по иной причине состоящие в браке лица не имеют возможности получить выпись о своем бракосочетании, – этим лицам предоставляется право подать заявление в соответствующий, по месту жительства обоих супругов или одного из них, отдел записей браков о том, что они состоят в браке с такого-то времени. Такое заявление, подтвержденное, сверх подписки, предусмотренной ст. 4-й сего декрета, еще подпискою супругов в том, что книга записей действительно погибла или что они по иной уважительной причине не могут получить выписки о браке, служит основанием для записи брака вновь и для выдачи о том копии свидетельства.

О детях.

7. Запись о рождении ребенка составляется тем же отделом записей браков и рождений по месту пребывания матери, причем о каждом рождении в книге записей рождений совершается особая запись.

Примечание. Форма книги записей рождений прилагается.

8. О рождении ребенка отделу обязаны объявить или его родители, или один из них, или лица, на попечении коих, за смертью родителей, остался новорожденный, с указанием присвоенных ребенку имени и фамилии и с представлением двух свидетелей в удостоверение события рождения.

9. Как книги записей браков, так и книги записей рождений, ведутся в 2 экземплярах, причем один экземпляр по окончании года пересылается для дальнейшего хранения – в соответствующий суд.

10. Дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям.

Отцом и матерью ребенка записываются лица, подавшие о том заявление и давшие соответствующую в том подписку.

Виновные в даче заведомо ложных показаний по содержанию сего привлекаются к уголовной ответственности за ложное показание, а сама запись признается недействительной.

В случае неподачи отцом внебрачного ребенка указанного выше заявления, матери ребенка, опекуну его или самому ребенку предоставляется право судебным порядком доказать отцовство.

О смерти.

II. Акт о смерти лица составляется по месту смерти тем отделом, который ведает записью браков и рождений, путем записи в особой книге записей смерти.

Примечание. Форма книги записей смерти прилагается.

II2. О смерти лица отделу обязаны объявить судебные или административные власти или лица, на попечении коих находился умерший.

II3. Учреждениям, ведающим кладбищами, отныне запрещается препятствовать погребению в черте кладбищ по обряду гражданских похорон.

II4. Всем духовным и административным учреждениям, коим ранее была подведомственна регистрация браков, рождений и смерти по обрядам каких бы то ни было вероисповедных культов, — предписывается незамедлительно эти регистрационные книги для дальнейшего их хранения пересылать в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы.

Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Председатель Центрального исполнительного комитета
Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов
Я. Свердлов

Управляющий делами Совета
народных комиссаров
Бонч-Бруевич

Секретарь
Н. Горбунов

18 декабря 1917 г.

Юридическое наследие

О В. И. ДОБРОВОЛЬСКОМ

Виктор Иванович Добровольский родился в 1865 г. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем служил присяжным поверенным в Санкт-Петербурге; гласным Петроградской городской думы. В 1917 г. девять месяцев провел в Киеве. 1 января 1918 г. вернулся в Петроград и занимался научными исследованиями. 20 августа 1918 г. при обыске на его квартире изъята написанная им брошюра «Почему я стою за партию Народной свободы». 30 августа 1918 г. был арестован в Петрограде, 21 февраля отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. Дальше нет никаких данных. Правда, в Государственном архиве (ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 192. С. 61—65. Автограф) сохранились документы с очень скухими сведениями, тем не менее они дают некоторое представление о ходе событий в жизни В. И. Добровольского, прежде чем прерваться совсем.

В марте 1919 г. Виктор Иванович обратился за помощью в Политический Красный Крест.

Политический Красный Крест
Виктора Ивановича Добровольского

Докладная записка

Мне, Добровольскому, 25 сентября 1918 года исполнилось 53. Состояние моего здоровья плохое. Весной 1918 года я перенес тяжелое крупозное воспаление легких; кроме того, страдаю ишиасом. В революционном движении 1917 года никакого участия не принимал, никакой должности во Временном правительстве не занимал, членом Государственной Думы и членом Центрального комитета <партии> Конституционных демократов не состоял и не состою. В течение 1917 года по личным своим делам провел в городе Киеве три четверти года, что косвенно также доказывает, что в политической жизни в Петрограде участия никакого не принимал. Возвратился в последний раз из Киева 1 января 1918 года. По приезде заболел воспалением легких и несколько месяцев был болен. Затем до ареста провел в Петрограде, причем ни о какой контрреволюционной организации не слышал и ни одного контрреволюционера не видел. Проводил все время в научных занятиях. При таких обстоятельствах 20 августа 1918 года у меня в квартире в Петрограде был произведен обыск, при обыске ничего уличающего в контрреволюции обнаружено не было, а поэтому, несмотря на право, по имеющемуся ордеру, ареста, я был оставлен на свободе. Но затем 30 августа ко мне

явился посланный из местной районной следственной Комиссии и потребовал моей явки. Когда я явился в Комиссию, то мне было объявлено, что я арестован по ордеру Чрезвычайной комиссии, вследствие чего 30 августа я был препровожден в дом предварительного заключения. В доме предварительного заключения содержался без допроса до 23 декабря и, несмотря на то, что по тогдашнему смыслу амнистии я подлежал освобождению, освобождение мое не состоялось. 23 декабря я был затребован в Чрезвычайную комиссию и в первый раз был допрошен. На допросе мне никакого конкретного обвинения не было предъявлено. Следователем были лишь поставлены вопросы о принадлежности к партии Конституционных демократов, о причинах моей политичности, о причинах моего намерения совершить поездку в Киев, что я объяснил моими деловыми связями и чисто материальными целями и, наконец, о содержании брошюры, написанной мною в апреле месяце 1917 года под заглавием «Почему я стою за партию Народной Свободы?» По этому поводу я объяснил, что брошюра касается главным образом существа политического переворота (февральского) и объяснения кадетской программы. При этом при допросе было сказано, что брошюра мною издана до установления советской власти и потому в ней никаких нападок на нее нет. После допроса я вновь из Чрезвычайной комиссии был препровожден в дом предварительного заключения, где содержался в одиночном заключении по 21 февраля сего года, когда сначала я был препровожден в Петроград в Чрезвычайную комиссию, а оттуда в тот же день отправлен в Москву в распоряжение Всероссийской чрезвычайной комиссии. В Москве по настоящее время допрошен не был.

В. Добровольский. 1919 г. <ода> 22/III»

Копия

В Президиум ВЧК

Владислава Фердинандовича Матушевского,
члена Коммунистической партии (членский билет № 16/1919),
жителя Москвы, Малая Никитская, дом № 21

Заявление

Виктор Иванович Добровольский арестован 20 сентября 1918 года в Петрограде, переведен в Бутырскую тюрьму и содержится там в течение 8 месяцев. Предъявленное обвинение – принадлежность к партии Народной свободы. Ввиду болезненного состояния Добровольского прошу освободить его под мое поручительство: ручаюсь за его лояльность и гарантирую, что никаких действий против Советской власти он предпринимать не будет. Владислав Фердинандович Матушевский 5. IV. 1919.

Собственноручную подпись В. Ф. Матушевского удостоверяю. Помощник
Управляющего делами Высшей военной инспекции <подпись>.

В апреле 1919 г. к Ф. Э Держинскому обратилась с заявлением Со-
фья Карловна Добровольская, жена Виктора Ивановича Добровольского.
<5 апреля 1919>

«Председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии
Феликсу Эдуардовичу Держинскому
гражданки Софии Карловны Добровольской,
проживающей по Кудринской улице», дом II, кв. IO

Заявление

Вследствие полученного мною объяснения, что ходатайства по делу
мужа моего Виктора Ивановича Добровольского должны быть обращены
к Вам, покорнейше прошу ускорить освобождение его из тюремного за-
ключения, так как дальнейшее пребывание в тюрьме грозит гибельными
последствиями для его здоровья: у него затронуто легкое, он страдает
ишиасом, потерял за 9 месяцев более пуда веса (по вашему требованию
немедленно будет представлено медицинское свидетельство). Прила-
гаю копии с заявлений двух поручителей, членов РКП – С. Гиллерсона
и В. Ф. Матушевского, выразивших согласие на взятие на поруки моего
мужа и ручающихся, что никаких действий против советской власти он
предпринимать не будет.

С. Добровольская.

К заявлению Софьи Карловны Добровольской были приложены ходатайства
двух членов партии РКП (б): С. Гиллерсона и В. Ф. Матушевского, а также со-
трудника Народного банка РСФСР Д. Д. Протопопова.

Копия
В Президиум ВЧК

Сим заявляю о своей готовности взять на поруки Виктора Ивановича
Добровольского, арестованного в Петрограде и в настоящее время содер-
жащегося в Московской бутырской тюрьме. Вполне уверен в совершенной
лояльности Добровольского в отношении советской власти.

Заведующий отделением Наркомотдела,
член РКП (№ партийного билета 2829) С. Гиллерсон
Москва. 5 апреля 1919 года.

Подпись товарища Гиллерсона удостоверяется Управляющий
канцелярии Наркома <подпись>

Копия

В Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией
Дмитрия Дмитриевича Протопопова,
проживающего по Б<ольшому> Афанасьевскому № 26

Заявление

Прошу Комиссию освободить под мое поручительство Виктора Ивановича Добровольского, находящегося в настоящее время в заключении в Москве. Я состою заместителем заведующего финансовым отделом кооперативного отдела Центрального управления Народного банка РСФСР. Москва, 1-го апреля 1919 года.

Дмитрий Дмитриевич Протопопов
С подлинным верно. Заведующий делами О. Козлова

В июне 1919 г. Софья Карловна Добровольская получила сообщение, что все ходатайства по делу ее мужа, Виктора Ивановича Добровольского, переданы Ф. Э. Дзержинскому.

В июне 1919 г. Софья Карловна Добровольская обратилась за помощью и к председателю Политического Красного Креста Н. К. Муравьеву.

Копия

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Центральная Обвинительная Комиссия
при Революционном Трибунале ВЦИК
10 июня 1919 г<ода> № 848
Москва, М<алая> Никитская, Георгиевский пер<еулок>, 9, тел<ефон>
92-68

Гражданке Софии Карловне Добровольской (Кудринская ул<ица>,
д<ом> № 11, кв. 10)

Настоящим сообщается, что ходатайства Ваши по делу супруга Вашего В. И. Добровольского препровождены сего июня Председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии тов<арищу> Дзержинскому на рассмотрение, к которому впоследствии по означенному Вашему ходатайству Вы и должны обращаться за справками.

Секретарь Обвин<ительного> рев<олюционного> трибунала ВЦИК <А.
Кренс>

В июне 1919 г. заведующий юридической комиссии Политического Красного Креста обратился с заявлением в Президиум МЧК.

<24 июня 1919>

«В Президиум Московской чрезвычайной комиссии
Политического Красного Креста
(Кузнецкий Мост, 16).

Заявление

30 августа 1918 года в Петрограде арестован Виктор Иванович Добровольский, которому инкриминируется принадлежность к партии Конституционных демократов. Добровольский действительно состоял в партии, но был крайне незаметным членом и не принимал никакого активного участия в ее делах. 9-месячное тюремное заключение крайне тягостно отразилось на 55-летнем Добровольском, что подтверждается медицинским свидетельством тюремного врача, которое находится у коменданта Бутырской тюрьмы Ляхина. Представляя при сем поручительства коммунистов Владислава Фердинандовича Матушевского и С. Гиллерсона, Дмитрия Дмитриевича Протопопова, Политический Красный Крест просит освободить Добровольского под указанные поручительства.

Юридическая Комиссия Политического Красного Креста, заведующий делами.

<15 июня 1919>

Председателю Политического Красного Креста
Николаю Константиновичу Муравьеву
Софии Карловны Добровольской,
живущей по Кудринской улице,
дом 11, кв. 10, телефон 4-28-07

Прошение

Покорнейше прошу Вас оказать содействие в деле освобождения мужа моего, Виктора Ивановича Добровольского, содержащегося в тюрьме более 9 месяцев и находящегося в крайне болезненном состоянии.

С. Добровольская

В июле 1919 г. заведующий юридической комиссии Политического Красного Креста повторил заявление в Президиум МЧК.

⟨9 июля 1919⟩

В Президиум Московской чрезвычайной комиссии
Политического Красного Креста (Кузнецкий Мост, 16)

Заявление

В дополнение к заявлению, поданному Политическим Красным Крестом в Президиум Московской чрезвычайной комиссии 24 июня сего года о Добровольском Викторе Ивановиче, сопровождается при сем копия медицинского свидетельства врача Бутырской тюрьмы Пирогова. В настоящее время Добровольский находится в Андрониевском лагере.

Юридическая комиссия
Политического Красного Креста

Больше сведений нет. Какова дальнейшая судьба Виктора Ивановича Добровольского, неизвестно. Можно только предполагать, но в любом случае очевидно, что конец оказался трагичным. Андрониковский (Андроньевский, в последнем документе «Андрониевский») лагерь, куда был заключен в 1919 г. В. И. Добровольский, — концлагерь на территории Андроникова монастыря (монастырь основан в XIV в.). Здесь отбывали наказание «долгосрочные» заключенные, а также «нежелательные элементы» со сроком заключения «до конца Гражданской войны». Подведомственный Главному управлению принудительных работ при НКВД, Андрониковский лагерь был открыт, вероятно, в 1918 г. (по архивным данным, не позднее июня 1919). Лагерь был закрыт летом 1922 г. «вследствие возникновения эпидемических заболеваний и его антисанитарного состояния». В том же отчете указано, что «лагерь подлежит дезинфекции и радикальному ремонту». Большинство заключенных Андрониковского были переведены в Ивановский концлагерь.

По стечению благоприятных обстоятельств сочинение В. И. Добровольского «Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву», изданное в Санкт-Петербурге в 1903 г., сохранилось. В этом выпуске журнала мы даем фрагмент из сочинения, который освещает вопросы брачного законодательства, заканчивая эпохой Петра Великого.

В. И. Добровольский

**БРАК И РАЗВОД.
ОЧЕРК ПО РУССКОМУ БРАЧНОМУ ПРАВУ¹**
(фрагмент)

Введение

Когда реформы шестидесятых годов охватили все русское общество, повсюду стали раздаваться голоса о необходимости немедленной реорганизации духовных судов и, в связи с этим, брачного права, самым тесным образом связанного с юрисдикцией духовного суда. Но ни в эпоху реформ, ни в последующее тридцатилетие нашей дальнейшей государственной и общественной жизни ни юрисдикция духовных судов, ни брачное право не изменились, остались они на той же точке замерзания и по проекту нового гражданского уложения.

Когда обсуждались основные начала судебных уставов, признано было невозможным при быстроте, с которою вводились новые судебные учреждения, заняться разработкой брачного права и реорганизацией ведомства духовных судов. Руководящая мысль по этому поводу высказана в мотивах Государственного совета к Уставу уголовного судопроизводства в следующих словах: «Хотя издание новых постановлений, необходимых по текущим делам церкви, не противно коренным основаниям установленного в ней порядка и священным ее преданиям, но, так как всякая вновь предпринимаемая законодательная мера, к какому бы предмету церкви она ни относилась, должна быть согласна по духу и сущности с древними вселенскими постановлениями церкви, всегда долженствующими сохранять свою обязательную силу, то проистекает необходимость в особенной осторожности при обсуждении всякого рода вводимых мер, в чем-либо касающихся церковного законодательства». Таким образом, «осторожность» и боязнь в чем-либо погрешить в спешной работе против постановлений вселенской церкви заставили составителей судебных уставов оставить в неприкосновенности одну из самых застарелых частей нашего законодательства. По той же самой причине, т.е. в силу необходимости быть «осторожным», брачное право осталось в тех же самых своих формах в проекте гражданского уложения.

¹ Добровольский В. И. Брак и развод : Очерк по русскому брачному праву. СПб., 1903.

Составители проекта говорят: «Пересмотр действующих законов о семейственном праве требовал от Редакционной комиссии особой «осторожности»». «Не только не могло возникнуть предположения, — говорит далее Комиссия, — об изменении основного правила действующего законодательства, что во всех признаваемых законом вероисповеданиях брак возникает не иначе, как в силу венчания или исполнения иного обряда, требуемого вероисповеданием вступающих в брак, но и вообще предположенные во второй книге проекта (закрывающей семейственное право) существенные изменения действующих гражданских законов представляются сравнительно немногочисленными». Сохраняя в неизменном виде разнообразие правил брачного права в зависимости от вероисповедания лиц, вступающих в брак или состоящих в браке, Редакционная комиссия, по ее словам, признала лишь необходимым изменить систему изложения правил действующего законодательства. Итак, по заключению составителей проекта, наша жизнь, очевидно, не выдвинула никаких вопросов в области брачного права и потребовала в проекте нового законодательного акта лишь иной системы его изложения.

Сколько бы, однако, ни стараться доказывать совершенство наших законов о браке, сколько бы ни прикрываться доводами, что законы эти укрепились в формах церковных постановлений, которые вытекают из существа таинства, сколько бы, наконец, ни указывать на необходимость сохранения исконных семейных начал, как бы последние ни противоречили современным нравственным понятиям, — жизнь действительная далеко не вторит этим указаниям и с великими страданиями рвет искусственно наложенные путы. В самом деле, стоит лишь немного всмотреться в повседневную действительность, и станет ясно, что реформа брачного права и юрисдикция брачных дел не могут ограничиться одним лишь изменением системы их изложения, но требуют широкого преобразования в отправных коренных своих началах. Недостатки нашего гражданского законодательства по делам брачным дают себя чувствовать по всему строю нашей общественной жизни, охватывая все классы общества. Судебная практика представляет в этом отношении самые назидательные картины, свидетельствуя, что преступность по делам семейным прямо пропорциональна несовершенству брачных законов. Напрасно бояться греха. Канонический закон нисколько не может парализовать прогрессивного развития брачного законодательства в направлении, согласном с общегосударственными правовыми началами и общественной нравственностью. Не надо забывать, что каноническим определениям нередко приписываются такого рода требования, коих они

далеко не заключают. Главным каноническим сборником является *Кормчая книга*. Однако, по капитальному исследованию ее содержания и происхождения, сделанному проф. Горчаковым в его труде «О тайне супружества», оказывается, что большая часть содержания постановлений *Кормчей* весьма наносного характера и почерпнута не из вселенских постановлений церкви, а из римских, византийских и даже древнерусских законодательных актов. Например, постановление о воспрещении виновному в прелюбодеянии супругу вступать в новый брак относится лишь к XVI столетию и никакой канонической подкладки под собою не имеет. Поэтому в интересах правильного сложения и развития семьи мы можем надеяться, что наше брачное право до того времени, как оно выльется в окончательном законодательном акте, воздавая Божие Богови, а кесарево кесареви и согласуя канонические требования с требованиями государственного правопорядка и общественной нравственности, совершит значительный шаг вперед сравнительно с проектом гражданского уложения, составители которого остались лишь верными девизу «осторожности» и ограничились, по собственному сознанию, только «новой систематизацией» брачного права. Этого мало. Жизнь идет вперед. Канонические постановления, как и высокие Евангельские истины, служат и могут служить светочем в нашей общественной и государственной жизни, но не должны останавливать ее развития. Подобно тому как несопротивление злу, всепрощение и другие принципы высшей братской любви Св. Евангелия не останавливают отправления государственного правосудия, и судья не вкладывает меча в ножны, но во имя существующего правового порядка карает виновного, точно так же во имя того же правопорядка канонические требования не могут заменить закона государственного, и закон государственный, во имя существующего правопорядка и общественной нравственности, должен идти свободно и независимо в своем поступательном движении вперед.

Осуществляя нашу задачу дать краткий очерк брачного права, мы в дальнейшем будем держаться следующей системы. Изложению догматической стороны мы считаем необходимым предпослать небольшую историческую справку для выяснения происхождения современного брачного законодательства. Вторую часть займет изложение форм и условий вступления в союз брачный и последствий, отсюда проистекающих в личных и имущественных отношениях супругов. Третью часть нашего очерка мы посвятим вопросу о расторжении союза брачного: фактическому, т.е. в виде раздельного жительства супругов, и юридическому — в форме полного расторжения брачных уз. Наконец, четвертая

и последняя часть составит исследование законодательных положений брачного права по новому проекту гражданского уложения.

Исторический очерк

Понятие брака. Большинство исследователей сходится в том, что брачный институт включает в себе следующие элементы: 1) естественный (физический) половой, обусловленный природным влечением лиц разного пола, 2) нравственный, основанный на умственном и этическом сродстве, 3) экономический, вызываемый совместной жизнью и общностью материальных интересов, 4) юридический, в силу которого лица, связанные браком, получают особое положение в сфере государственных и частноправовых отношений и 5) религиозный, так как ни одна религия не относится безразлично к браку.

Естественно, что брак, заключая в себе столь многообразные элементы этического и юридического характера, всегда отражал в своих формах степень нравственно-духовного, экономического и правового состояния общества.

Заключение брака требует для действительности своей наличности предписанной законом формы. Брак, совершенный не по установленной форме, не признается браком. Это требование вытекает из двух причин — из особенной важности брачного союза для брачующихся лиц и из высокого общественного значения этого союза. История брачного права указывает, что формы заключения брака разнообразятся в зависимости от национальных и культурных особенностей народа. С развитием, однако, народной массы вырабатывается известное единство, причем у европейских народов можно проследить три периода развития брачного права: первый период, когда формы брака регулируются народными обычаями, второй, когда церковь и государство регистрируют формы брака, причем церковные обряды играют главную роль, и, наконец, третий период, когда брак считается установлением государственным, благословение же церкви предоставляется испрашивать по свободному убеждению и совести самих брачующихся, т.е. устанавливается форма так называемого гражданского брака.

Законодательные памятники брачного права

Наши законодательные памятники, которыми регулируется брачное право, можно разделить на две категории: 1) памятники,

заимствованные русской церковью у греческой, и 2) памятники самостоятельного русского законодательства. Русская церковь в течение многих веков, а именно со времени ее основания до XVIII века, заимствовала от греческой церкви многочисленные законодательные акты. В греческой церкви в продолжение VI—X вв. составлялись разнообразные сборники, которыми регулировалось брачное право. Эти сборники в Византии получили главным образом наименование Номоканонов, в России же они стали известны под именем Кормчих книг. Кормчая книга проникла в Россию в разнообразных списках. Из них наиболее известны список болгарский, ярославский, сербский или рязанский и софийский. В XV столетии стали делаться попытки к печатанию Кормчей книги.

Вопросу брачному в Кормчей книге посвящена 50-я глава (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-я гл.) «О тайне супружества». По своему содержанию 50-я глава разделяется на три главные части. В первой части дается общее понятие о существе брачного союза и излагаются, в виде руководства для приходских священников, правила, касающиеся установления брака, а именно: о порядке, условиях, месте и времени совершения браков. Вторую, самую обширную, часть главы составляют: а) таблицы степеней родства кровного и свойства — двухродного и трехродного, в которых запрещено или дозволено вступление в брак и б) собранные из различных источников учения, правила и законы о духовном родстве, проистекающем от восприимчивости при крещении, от усыновления, и о влиянии этого родства на брачное право. В третьей, и последней, части содержатся общие указания о круте родства, в котором запрещается заключение брака, и приведены узаконения и правила на разные случаи, в которых может возникать вопрос о законности или возможности вступления в брак лицам, состоящим в разных близких отношениях. Положения 50-й главы Кормчей книги со времени появления своего в печати на славянском языке получили громадное значение в истории развития нашего брачного права, имели исключительное влияние на практику церковных судов по делам брачным в течение XVII и XVIII столетий и сохранили за собою значение канонического закона в брачном праве и по настоящее время.

В последний раз Кормчая книга была издана в 1839 году под названием «Книги правил» на греческом и русском языках.

Вторым разрядом памятников, регулирующих брачное право, являются самостоятельные акты русской законодательной власти: уставы великих князей св. Владимира и Ярослава, Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебники 1449 и 1550 годов.

Главным, однако, законодательным актом по вопросам брачного права надо признать положения Стоглавого собора 1551 года. Затем, в императорский период, брачное право регулируется Духовным регламентом, указами св. Синода и Правительствующего сената, Уставом духовных консисторий и, наконец, главным образом, положениями X и XI т. Св[ода] зак[онов], из которых в первом заключаются законоположения о союзе брачном и протекающих из брака личных и имущественных отношениях супругов, а второй включает в себе Устав духовных дел иностранных исповеданий.

Формы установления брака у славян

На низких ступенях культуры духовному и нравственному элементу в браке отводится последнее место, и брак рассматривается главным образом как средство к удовлетворению физической потребности общения полов. Отсюда — многоженство, эта первоначальная форма брака, наблюдаемая у всех народов, стоящих на первых ступенях развития. В наших летописях мы находим сказания о том, что славяне имели по две и по три жены. Понятно, с принятием христианства и со смягчением нравов, а главным образом, благодаря влиянию церкви, многоженство стало исчезать. При низком уровне нравственных понятий не могло быть речи о заключении брака путем свободного соглашения жениха и невесты. Жених силою добывал себе жену, и похищение являлось обыденною и нормальною формою заключения браков. В наших летописях находим про славян указания, что «живяху как звери и браци не бываху у них, но игрища межи сел: схожахуса на игрища на плясанье и ту умыкиваху жены себе, с нею же кто совещаешеся». Далее, в летописных сказаниях специально уже про древлян говорится: «убиваху друг и друга и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девицы жены себе». Из этих сказаний летописца видно, что похищение жены в то время имело у славян уже лишь обрядовой характер, но, несомненно, в то же время существование этого обряда свидетельствует о том, что во времена более ранние брак совершался насильственным захватом жен. Впрочем, в форме совершения брака у древлян одни исследователи видят действительное заключение браков путем похищения жен, другие же усматривают в поимке жен у воды — исполнение языческой обрядовой стороны заключения брака. О купле невесты у нас в летописных сказаниях не имеется сведений, но

многие исследователи предполагают, что этот способ заключения брака, несомненно, должен был у нас существовать. Без купли невесты трудно понять появление в жизни славянских племен Древней Руси договорной формы брака между родственниками жениха и невесты. Наличие многочисленных свадебных обрядов со сватовскими формулами: «у нас товар, у вас купец» и т.п. подтверждает предположение о существовании купли невесты. «Вено», о котором говорит летописец, есть тоже не что иное, как выкуп, который платил жених родственникам невесты. Наконец, последний способ заключения брака состоял в приведении невесты в дом жениха: «не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а по завтра приношаху по ней, что вдадуче».

Форма установления брака с принятием христианства

С принятием христианства вводится греко-римский порядок установления брака. Церковь, получив в свое ведомство заключение браков, применила к ним те начала, которые требовались от вступающих в брак каноническими законами и постановлениями византийских императоров. Тем не менее прошли целые века, пока условия вступления в брак и юрисдикция брачных дел вылились в строго определенные формы. Постепенно вводятся брачные правила о возрасте жениха и невесты, об отсутствии между брачующимися родства и свойства, о свободном согласии и желании жениха и невесты вступить в брак. Но эти условия первоначально главным образом соблюдались лишь высшими классами — князьями и боярами, простой же народ считал церковное венчание ненужным и продолжал совершать браки по языческому обряду. В течение всего допетровского периода Русская церковь не переставала бороться против заключения браков без церковных обрядов и в конце концов приняла в свое ведение совершение браков. С XVIII в., можно сказать, церковное венчание делается общим правилом, а со времени Петра I брак совершенно подчиняется церкви и приобретает значение таинства. Указом от 8 апреля 1702 г. Петр I запретил рядные и стоворные записи и всякого рода договоры, определявшие подробности и разные условия вступления в брак. Петр Великий исходил главным образом в этом случае из желания устранить в браке всякий принудительный элемент. Между тем указ возымел и другие последствия, он устранил в браке элемент гражданский и дал перевес элементу духовному в форме таинства. До этого времени обручение и венчание составляли два разных акта, и воля жениха и невесты связыва-

лась уже актом обручения. Петр Великий отменил составление стоворных записей. В царствование же Екатерины II обручение и венчание были соединены в один акт. Так постепенно развивались формы установления брака. В XVIII же столетии впервые Синод признал возможным вступление в брак лиц православной веры с лицами других христианских вероисповеданий. В дальнейшем этот вопрос о браках лиц разных вероисповеданий получил окончательную разработку в царствование императора Николая I.

Исторические формы и условия расторжения брака в древнейший период

В историческом своем развитии правила о расторжении брака так же, как и формы заключения брачного союза, были заимствованы из Византии, при этом источником их также главным образом являлись те же правила Номоканона. Но в первые времена далеко не руководствовались каноническими правилами о нерасторжимости брачного союза. Из судебной практики князей видно, что развод допускался у нас по многим поводам, вовсе не известным Кормчей книге. Так, великий князь московский Семен Иванович развелся с своей женой Евпраксией потому, что она будто бы была испорчена и казалась ему мертвой, когда с ним лежала. Другой московский князь Василий Иванович развелся с своей женой Соломонией по причине ее бесплодия.

Что касается формальных поводов к разводу, выработанных церковью, то они по Кормчим книгам заключались в следующем.

Главным поводом являлось прелюбодеяние. Но, в противоположность теперешнему взгляду, муж считался нарушителем супружеской верности, лишь вступая в связь с замужней женщиной, в отношении же к жене всякая связь считалась нарушением супружеской верности. По греческому праву муж, избличивший жену в измене, должен был ее бросить, если не желал навлечь на себя позора. В нашей церковной практике обязательный развод вследствие прелюбодеяния жены предписывался только для священнослужителей. Это льготное положение мужа в вопросе о значении прелюбодеяния для развода находило себе полную поддержку и сочувствие в народных взглядах. По древнерусским обычаям, развод мог иметь место только при неверности жены, а не мужа.

Вторым поводом к разводу служила неверность невесты жениху, а тем более — добрачная беременность не от жениха. Этот

повод мог иметь место в зависимости лишь от обязательности уз, налагавшихся на жениха и невесту обручением.

В-третьих, брак расторгался вследствие неспособности к брачному сожитию, если она добрачная и продолжалась в браке не менее трех лет.

В-четвертых, вследствие безвестного отсутствия в течение пяти лет или взятая супруга в плен.

В-пятых, вследствие болезни. В Кормчей специально упоминается о прокаже, а в Уставе Ярослава — о лихом недуге.

В-шестых, вследствие пострижения. Это был самый излюбленный и распространенный повод к расторжению брака, хотя основным правилом в древнецерковной практике и народным правосознанием требовалось обоюдное согласие мужа и жены на прекращение брака этим способом, тем не менее нередко воли одного супруга, и преимущественно мужа, было вполне достаточно для того, чтобы путем самопострижения и пострижения жены расторгнуть брак. Чаще всего имело место приневоление другого супруга к принятию монашества.

В-седьмых, брак мог быть расторгнуть вследствие бесплодия жены. Яркий пример этого повода представляет развод великого князя Василия Ивановича, разведшегося с своей женой Соломонией после 20-летнего супружества.

Сверх сего, основанием к разводу служили случаи, аналогичные с прелюбодеянием, в которых, хотя супружеская неверность и не являлась доказанной, но могла предполагаться с известной вероятностью. Эти случаи, включенные в Кормчую книгу, отражают в себе главным образом византийское право и мало общего имеют с русской жизнью. По этим правилам развод мог состояться, если жена против воли мужа пировала с посторонними мужчинами, если она мылась в бане с мужчинами, если без ведома посещала цирк или театр и, наконец, если провела ночь, против воли мужа, вне дома. В русской жизни не было зачатков для восприятия указанных поводов. В древнейшее время русская женщина пользовалась значительной свободой, и женщины всегда свободно присутствовали на пирах и братчинах.

Есть еще весьма важные указания на другие поводы к разводу, развившиеся уже на почве чисто русских нравов, а именно расторжение брака вследствие вражды и несогласия супругов и, наконец, расторжение по взаимному добровольному уговору.

О первом из этих поводов Котошихин говорит, что если муж бил и увечил жену, то она могла чрез посредство родственников подать жалобу архиерею, и архиерей назначал суд и следствие. Спрашивали людей окольных и, если действительно оказывалось,

что муж нехорошо обращался с женою, то его отдавали в монастырь для смирения. Если после освобождения муж снова бил свою жену, то родственники могли опять жаловаться архиерею, который назначал новое исследование. Если по следствию обнаруживалось, что муж действительно нехорошо обращается с женою, то давали развод, причем движимость делилась между супругами пополам. По прошествии семи лет с момента развода разведенные могли вступать в новый брак.

Второй повод, т.е. обоюдное согласие, являлся также безусловным основанием к расторжению брака. Об этом документально свидетельствуют разводные XVI и XVII вв. «Мы договорились любовно, чтобы нам расторгнуть брак, и мужу на иной жене жениться»; «как мы по своей воле сошлись, так по своей доброй воле разошлись».

Таким образом, в допетровский период основанием к расторжению брака помимо поводов, заимствованных из правил канонических, являлись как взаимное добровольное согласие супругов, так и невозможность продолжения совместной супружеской жизни вследствие дурного и жестокого обращения. Эти два повода были выдвинуты самой народной жизнью, и церковь и государство не могли с ними не считаться и не санкционировать их как формы и условия расторжения брака в XVIII в.

Со времени Петра Великого светская власть начинает усиленно регламентировать вопрос о формах и основаниях расторжения брака. Что касается поводов к разводу, то отчасти видоизменяются старые, отчасти вводятся новые. По исследованию профессора Загоровского, в эту эпоху, как и ранее, основным поводом к разводу является супружеская неверность, но со следующими изменениями. Прелюбодеяние мужа признается в такой же степени поводом к разводу, как и прелюбодеяние жены, причем безразлично, была ли им нарушена супружеская неверность с замужней женщиной или незамужней. Что касается принудительного развода вследствие прелюбодеяния жены, то о нем не имеется никаких уже следов. Двоебрачие давало право на развод оставленному супругу. Неспособность к брачному сожителству, оставаясь поводом развода для жены, распространяется и на мужа, давая ему право на развод при неспособности жены. Болезнь продолжала считаться поводом к разводу, но — далеко не всегда и с известными ограничениями. С течением же времени болезнь перестала служить поводом к разводу. Исключение составляла лишь болезнь психическая. Безвестное отсутствие служило поводом к разводу в том только случае, если оно продолжалось в течение пяти лет, если в отлучке не была виновна оставшаяся сторона и если она

в отсутствии другой стороны была добронравного поведения. Пропавший без вести супруг, в случае его возвращения, осуждался на вечное безбрачие.

Затем выдвигается совершенно новое основание к разводу — ссылка за совершенное преступление. Кормчая книга абсолютно не знала этого основания к разводу. По этому поводу совершенно справедливо замечает проф. Загоревский, что русское законодательство, вводя этот повод к разводу, не встречало затруднения в согласовании его с постановлениями Кормчей, и, что еще важнее, с учением евангельским и правилами апостолов. Нельзя было игнорировать жизненные требования, это было ясно для церкви и государства. Между тем ныне, когда возникает необходимость провести новые формы и основания к расторжению брака, то оказывается, что постановления Кормчей книги и Номоканонов никогда ни для кого не были столь обязательны, как для нас в настоящее время. Далее, покушение одного супруга на жизнь другого, оставаясь в начале XVII в. поводом к разводу, в то же время постепенно выходит из практики и постепенно утрачивает свою силу как основание к расторжению брака. Принятие монашества является по-прежнему основанием к расторжению супружеских уз. Но церковная практика вводит известные ограничения. Для пострижения стали требоваться дозволение Синода, определенный возраст и надлежащее разрешение детей. Возникновение или существование до брака духовного родства между мужем и женою считались безусловным основанием к разводу. Таким образом, не только восприятие чужого ребенка до брака служило основанием к расторжению его, но и восприятие собственного ребенка от крещения считалось поводом к разводу. Совершенно новым основанием является обращение одного из супругов из раскола в православие, причем по расторжении брака стороне, принявшей православие, дозволялось вступать в новый брак. Последним формальным основанием к расторжению брака являлось невозвращение военнопленного в течение двух лет из плена в свое отечество.

Кроме этих формальных оснований к расторжению брака на практике существовали разводы самовольные, которые большею частью происходили вследствие обоюдного соглашения супругов. Выдача «отпускных» мужьями совершалась с согласия духовных властей, и, что всего знаменательнее, сам Синод склонен был признавать известное значение за «отпускными письмами». Помимо этого, со времени Петра I светская власть, упразднив патриаршество и заняв верховное положение в качестве главы церкви, признала за собою право и на высшую юрисдикцию по

делам брачным. С соизволения русских государей разрешаются разводы, в особенности лицам высших сословий.

В этот же период времени впервые дозволяется на законном основании разлучение супругов. Главным поводом к разлучению служит по большей части грубое и жестокое обращение мужа с женою.

Историческое развитие личных и имущественных отношений супругов

Брак, охватывая собою физическую, нравственную, экономическую, юридическую и религиозную стороны жизни, естественно, должен отражаться на личных и имущественных отношениях супругов. Как отмечено нами выше, первичными формами брака были у нас похищение и покупка жены. Подобные формы заключения брака, не считавшиеся с волей женщины, неизбежно вызывали полное подчинение жены власти мужа. Иллюстрацию полного бесправного состояния жены и всей вообще семьи пред личностью мужа дает Русская Правда князя Ярослава. Если убийца, совершив преступление без всякой ссоры, скроется, то волость, в которой он жил, за него не платит, а выдает все имение его, жену и детей на «поток и разграбление». Таким образом, жена приравнивалась к имуществу мужа, и судьба ее всецело зависела от воли и судьбы мужа.

С принятием христианства взгляд на подчиненное положение жены мужу должен был все же смягчиться, а во взаимных отношениях супругов проявилось более равенства, чем это было ранее. Но в общем можно сказать, что христианство резкой перемены в личные отношения мужа и жены не внесло, и картина семейного быта с резко выраженной деспотической властью мужа осталась та же. Реальнее всего эта власть выражалась в бесконтрольном праве мужа наказывать жену. Полнее всего власть мужа и подчиненное положение жены обрисованы в знаменитом «Домострое» попа Сильвестра. Семейный быт, по взгляду Сильвестра, должен быть построен на полном главенстве мужа. «Подобает убо мужем поучати жен своих с любовью и благорассудным наказанием. Жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии, как душа спасти и Богу и мужу угодить и долг свой добрее строити, и во всем мужу покорятся, что он накажет, то с любовью и со страхом внимати и творити». Далее «Домострой» предлагает целый ряд мер, как должен муж пользоваться своею неограниченною властью. Меры эти, главным образом, заключаются в побоях, при

этом советуется лишь не увечить и не употреблять палки, вообще же бить «наедине, а не перед людьми и, поучив, примолвити и пожаловати, а ни какож не гневаться друг на друга, а про всякую вину по уху и по лицу не бити ни кулаком, ни под сердце, ни пинками, ни посохом не колоти, никаким железом, ни деревом бити». Так понимал отношения мужа и жены Сильвестр — один из просвещеннейших и передовых людей своего времени.

Насколько в то время жена вообще своей воли при муже не имела, служит указ царя Ивана IV, по которому велено было духовные завещания жен, в коих мужья назначались душеприказчиками, считать недействительными: «та духовная не в духовную, потому что жена в его воле, что ей велит писати, то она и пишет».

Прогресс в правах жены отражается в свидетельстве Котошихина. Жена, говорит он, в случае жестокого с нею обращения мужа, могла жаловаться патриарху. Первоначально мужа наказывали заключением в монастырь, а в случае неисправления брак мог быть расторгнут. Несомненно, это представляет громадный шаг вперед. Впрочем, это свидетельство Котошихина не дает права впадать в слишком большой оптимизм относительно положения жены, так как по законодательному акту того же времени, царя Алексея Михайловича, муж мог себя с женою в голодный год закабалить. Сопоставляя эти начала, неизбежно можно прийти к выводу, что жена в допетровский период нашей истории ничем не была ограждена от полнейшего произвола мужа.

Из начала зависимости жены следует, что права состояния жены всегда определялись по состоянию мужа. В силу этого принципа жена, имевшая по рождению права высшего состояния сравнительно с мужем, теряла их при замужестве. Из этого общего правила наше древнее право знало одно исключение: вступивший в брак с рабыней без особого договора с ее господином, не только не сообщал ей свободы, но сам делался холопом. В данном случае применялся принцип: «по рабе холоп и по холопе раба».

Вразрез с полным подчинением жены мужу идет во всей нашей истории начало раздельности имущественных прав супругов. В имущественной сфере женщина имела значение сама по себе как всякий полноправный член государства. Это начало имущественной самостоятельности проведено во всех законодательных актах, начиная с Русской Правды. В этом же смысле высказывается Псковская судная грамота. То же находим в Уставе св. Владимира, где говорится о споре об имуществе между мужем и женою. Конечно, начало раздельности имущественных прав не могло быть полностью проведено ввиду абсолютного подчинения жены воле мужа. В силу этого, например, приданое на время бра-

ка поступало в распоряжение мужа. Что касается недвижимого имущества, то о нем между мужем и женою заключался особый договор. Если же его не было, то недвижимость возвращалась в род невесты.

В московский период отношения мужа и жены в сфере имущественной не получили точной регламентации. Есть данные, по которым необходимо прийти к заключению, что приданое поступало в общее владение супругов. Но если приданое ко времени смерти мужа оказывалось налицо, то оно возвращалось жене. Хотя общий принцип раздельности имущества остается, тем не менее нельзя отрицать того обстоятельства, что в известных случаях жена отвечала за долги мужа. Но раз жена обладала имением, то в отношении к нему право распоряжения сохранялось за нею. Нельзя отсюда не прийти к заключению, что известная неопределенность имущественных отношений супругов характеризует московский период, и отношения эти получают точную регламентацию лишь в петровскую эпоху.

Личные и имущественные отношения супругов со времени Петра Великого

В личных отношениях супругов со времени Петра Великого до настоящего времени можно отметить три ступени развития. Эпоха Петра, когда остается прежняя форма подчинения жены воле мужа. Затем — время Екатерины II, когда под влиянием общего смягчения нравов вносится в законодательство целый ряд сентенций нравственного свойства, долженствующих регулировать семейный быт: «Жена, — говорит Устав благочиния, — должна пребывать в любви, почтении и послушании к своему мужу и обязана оказывать ему всякое угождение. Муж должен извинять ее недостатки и облегчать немощи». Наконец, при императоре Николае I у мужа отнято право жестокого обращения с женой. За истязания и увечье жены муж подвергается равному со всеми преследованию.

В правах состояния жен, вступивших в замужество, со времени Екатерины II происходят весьма существенные изменения. Прежнее наше законодательство держалось того начала, что жена следует состоянию своего мужа. Следовательно, жена, по рождению принадлежащая к высшему состоянию, с выходом в замужество, теряла свои права, если муж принадлежал к низшему классу. Это начало имело применение до Екатерины II, при которой в Жалованной грамоте дворянству было проведено новое начало,

в силу коего жена низшего состояния приобретает права высшего состояния, принадлежащие ее мужу; но если она по рождению имеет высшие права, то с замужеством она их не теряет. При Императоре Александре I это начало получило детальное разъяснение по вопросу о том, что если жена по рождению принадлежит к низшему состоянию, затем замужеством приобрела права высшего состояния, но потом, овдовев, вышла замуж вторично за лицо низшего состояния, то она сохраняет в данном случае права высшего состояния, приобретенные первым браком?

В отношении лиц несвободного состояния произошли также существенные изменения. Древний принцип, что несвободная сторона порабощает свободную, был отменен в одной своей части в царствование Екатерины II. Муж свободный, вступая в брак с несвободной, сообщал ей права свободного состояния. В царствование же Александра I в этом направлении был сделан второй шаг в том отношении, что жена свободная, вышедшая замуж за несвободного, сохраняла права состояния свободной женщины. Конечно, с падением крепостного права судьба лиц несвободного состояния приобретает лишь исторический интерес, и ныне остается в полной силе для всех классов состояния одно начало, что жена высших своих прав, по рождению или по замужеству приобретенных, никогда в замужестве с лицом низшего состояния не теряет, но замужеством права высшего состояния приобретает.

Заканчивая историческую часть нашего очерка, остается нам лишь отметить, что неопределенность имущественных отношений супругов, имевшая место в московский период, окончательно отпала в эпоху Петра Великого, когда указом 1716 года была установлена полная раздельность имущества супругов. Это начало неизменно сохранилось по настоящее время и составляет одну из отличительных черт нашего семейного права.

Итак, бросая обратный взгляд на историческое развитие и образование форм заключения брака, на расторжение его и на личные и имущественные отношения супругов, из брака вытекающие, неизбежно прийти к выводу, что в установлении брака государственный и договорный характер вполне поглотился религиозной его стороной, и церковное венчание объединило в себе публичный и частноправовые элементы брачного института. В условиях расторжения брака также произошла сильная эволюция: бытовые начала и многие поводы к расторжению брака, позаимствованные у византийского права, постепенно отпали, и в XIX ст[олетии] основания к расторжению брака свелись до минимума. В личных, однако, отношениях супругов мы остались вполне верными старине. Муж и по действующему законодательству глава дома.

Конечно, прогрессивное смягчение нравов не могло не отразиться на отношениях супругов, но принцип в законе остался тот же, будучи лишь смягчен благопожеланиями нравственного свойства, в изобилии введенными в наше законодательство в царствование Екатерины II и перешедшими ныне в Свод законов гражданских. В сфере имущественных отношений супругов мы также остались верными старине. Исконное начало о разделности имущества супругов прошло красною нитью через всю нашу историю и со времени Петра Великого окончательно запечатлелось в нашем законодательстве.

Таков исторически сложившийся остов форм установления и расторжения брака и личных и имущественных отношений супругов. Как развиты эти основы брачного института в современном нашем законодательстве, составит содержание дальнейшего нашего изложения.

В. В. Розанов
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЕ¹
(фрагмент)

Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель и религиозный философ.

После окончания гимназии Розанов поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Еще в студенческие годы он женился на А. П. Суловой, женщине значительно старше его, бывшей возлюбленной Ф. М. Достоевского.

В 1882 г., Розанов получил место учителя истории и географии в брянской прогимназии. Здесь он написал первое крупное философское произведение — трактат в 737 страниц «О понимании».

Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки и цельного знания». Книга была издана в Москве в 1886 г., но критики практически не заметили ее.

В 1887 г. Розанов был переведен преподавателем в елецкую гимназию. В Ельце он познакомился с В. Д. Бутягиной, ставшей в 1891 г. его второй женой. Начал публиковать в журналах статьи, заинтересовавшие писателя-славянофила Н. Н. Страхова и профессора С. А. Рачинского. Благодаря их помощи он в 1893 г. сумел получить место чиновника особых поручений 7-го класса в Государственном контроле и переехал с семьей в Петербург. В столице продолжил сотрудничать с редакциями, а в 1899 г. оставил государственную службу ради журналистики.

Постепенно известность Розанова росла. Укрепило ее появление ряда книг и критических сборников («Легенда о Великом Инквизиторе», 1894 г.; «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», оба 1899 г.; «Природа и история», 1900 г.; «Религия и культура», «В мире неясного и нерешенного», оба 1901 г.; «Семейный вопрос в России», 1903 г.). Последним опубликованным при жизни произведением Розанова стал «Апокалипсис нашего времени» (1918 г.), в котором он давал оценку разразившимся в России революционным событиям.

Скончался 5 февраля 1919 г. в Сергиевом Посаде, похоронен на кладбище Черниговского скита недалеко от Троице-Сергиевой лавры.

¹ Розановъ В. В. Семейный вопросъ въ Россіи. СПб. : Типографія М. Меркушева, 1903.

1. Семья как предмет закона

1

Совершенство закона выражается не в том, что он словесно и юридически повторяет и без закона правильно текущую жизнь, но в разрешении жизненных запутанностей; в облегчении жизни, в умиротворении жизни; в очищении жизни там, где она загрязняется, ожесточается, становится непосильно трудна для человека и толкает его в обман или преступление. Есть гигиена тела — предупреждение заболеваний; естественно ожидать, чтобы и закон подумал о некоторой социальной гигиене, о предупреждении преступления, а не только о «пресечении» его или «наказании», чем он до сих пор занят и поглощен.

Мысли эти невольно вызываются семейным правом, юридической тканью около физиологического и вместе религиозного факта семьи. Нормальная семья, в чистоте и счастье доживающая век, празднующая «серебряную» и «золотую» свадьбу, не нуждается в мудрости юристов; она светит своим светом, согрета своею теплотою, свята своею святостью. Она самодовлеет и, хотя радуется, что закон повторяет ее в своих нормах, «статьях» и «примечаниях» к ним, — но, в сущности, не нуждается в этом. Но закон призывается к «соломоновой мудрости» всякий раз, когда в святом и нежном цветке семьи заводится «червоточинка», когда семя греха падает и заражает ее. Здесь всеобщая норма сейчас же становится неприменима: как вы будете пичкать больного тем, что нужно и возможно для здорового? И неужели для болящего у вас не найдется ничего, кроме обычных трех блюд обеда, которых он теперь не может переваривать? Тогда у вас нет медикаментов, нет науки медицины.

Перенесите это в гражданский быт, подумайте о ненормальностях, о несчастиях супружества, и вы увидите, что закон, имеющий для всех случаев заболевания семьи «три обычных блюда», т.е. идеал нормально текущей семьи, — есть бессильный закон, есть ненужный закон, есть закон, не помогающий человеку и не предохраняющий его от преступления. Мы говорим это ввиду внесенного в Государственный совет законопроекта о разлучении супругов. Не одна текущая пресса, но и большая художественная литература с болью и скорбью останавливалась на этой теме. Вспомним «Дворянское гнездо» Тургенева, с судьбою Лаврецкого и Лизы Калитиной; «Анну Каренину» — с ужасным сплетением в ней отношений, которые задушили в себе Анну, и не нашлось

«милостивого самарянина», который вынул бы ее из петли, не нашлось юридического или религиозного «Соломона», который решил бы распрячь нескольких давящих друг друга людей, как бы ждущих смерти один другого. Умри Каренин или умри Анна, умри Вронский, умри дети Анны от разных мужей — и все разрешается: люди выходят в свет и радость. Таким образом, жизненное сцепление стоит перед: «умри»; и вот просвет к разгадке, что задушиваемые петлею люди начинают искать чьего-нибудь «умри». Здесь-то и нужен закон, совершенно не нужный в нормальных случаях; тут-то и предложит ему дать решение Соломона или ответить: «не знаю», «не умею», «как хотите», «мое дело — сторона». Но читатель видит, что вопрос этот — колоссальный. Он объемлет гражданское законодательство, он объемлет церковь; он охраняет целомудрие общества, он борется с развратом.

Можно сказать, огромное большинство людей жаждут семьи, но, чтобы эта семья и навсегда оставалась жаждемым идеалом, — нужно, чтобы во что бы то ни стало она была сохранена в чистоте, в целомудрии, в святости своей. Законодатель и должен руководиться этими двумя краеугольными мыслями: всеобщей желаемостью семьи, верный, правильный и религиозный инстинкт которой он должен удовлетворить; и идеалом чистой семьи, который он не должен замутить в своих усилиях насытить этот правильный инстинкт. Читатель видит, что в постановке вопроса, которую мы делаем, есть существенные отличия от того, как этот вопрос ставится юридически и канонически, но она отвечает именно пожеланиям, и правильным пожеланиям, человечества. Все жаждут семьи, но все жаждут чистой семьи.

2

Вопрос нужно именно ставить о семье, т.е. о существенном содержании брака, и, остановившись на двух мыслях: всеобщей для всех ее необходимости и ее неременной чистоте, — решить вопрос о тех запутанностях нормы семьи, которые одни подлежат урегулированию законом. Вот почва, на которой может быть найдено что-нибудь утешительное, и это найденное может остаться твердою нормою, а не вечно нарушаемым правилом. Статистика показывает, что при неизбежности собственно номинальной стороны семьи, венчания и записи о нем в метрические книги, семья тает в Европе; а нравы и литература показывают, что она и развращается. Данные, относящиеся к 1892—1894 годам, показывают, что во всех западных государствах Европы из общей совокупности рождений незаконные составляют ежегодно

8,51 %; в Петербурге из 1 000 женщин, разрешающихся первым ребенком, 437, т.е. близко к половине, рожают вне брака. Это такой процент, который сводит семью, и особенно чистую и целомудренную семью, на степень таящего явления, как бы «убывающей луны», которая грозит величайшею темнотою всей природе человека, всему гражданскому строю.

Это — одна сторона медали; посмотрим другую. Не так давно бывший в Петербурге съезд сифилитологов показал, что даже народная масса огромными пятнами как бы лишая покрыта ужасною болезнью: это — вырождение народной крови. Государство и вообще светская власть не может не остановиться перед этими явлениями, — явлениями, разъедающими и съедающими народное тело. Но это явление народилось и растет при полной ненарушенности собственно канонических норм брака, которые у нас и в Европе те же сейчас, что при Ярославе Мудром и Карле Великом. Таким образом, сама жизнь и элементарный инстинкт самохранения нудит оставить почву обсуждения форм, которые остаются в целостности, но ничего не охраняют, и сосредоточиться на сбережении гибнущего зерна. То есть вопрос о «браке» заменить вопросом о семье, и не семью регулировать браком: эта попытка не удалась; но брак регулировать семьею, что еще не испытано. Здесь важно обратное соотношение подчиняющего и подчиняемого.

Нельзя отвергнуть, что такой взгляд — и вполне религиозный: несомненно, именно семья устанавливается как известными словами Ветхого Завета, так и Новозаветным подтверждением ветхозаветных слов.

Религия при благословении человека в сопряжение полов, конечно, утверждала самую семью, а не способ ее начинания; и человеку в последующей законодательной деятельности нужно было найти формы, соответствующие этому благословию и укрепляющие и очищающие семью, но отнюдь этими формами не затруднять, не стеснять и особенно не грязнить семью. Между тем вышло совершенно обратное: формы, а не существо были поставлены краеугольным камнем брачного законодательства, как будто бы Бог благословил именно подробности церковного ритуала и указал их хранить, а не семью. Читатель видит, что постановка вопроса совершенно обратна элементарной истине, и именно истине религиозной. Семья рушена или рушится: это не составляет ни юридической, ни канонической, ни моральной тревоги; но чин венчания, в тех все более и более редких случаях, когда он ищется человеком, совершается теперь, как и при Ярославе Мудром, в «незамутившейся» текстуральной точности; и удовлетворенный закон думает: «В человецех мир и благоволение».

В устанавливаемом нами освещении мы получаем ответ на частные вопросы. Возьмем несчастные случаи, когда муж начинает жестоко обходиться с женою, и эта жестокость нудит законодателя дать фактическое разлучение супругам. Конечно, это так; но, собственно, рассматривая какой-либо институт, гражданский или религиозный, лучше рассматривать его, так сказать, в соке его собственной природы, не прибегая к мотивам извне.

Ранее разлуки начинается в семье фактическая полигамия или полиандрия, недоказуемая с «документами» в руках, но которая выражается в совершенной пассивности, омертвлении семьи, и свидетелями этой полигамии или полиандрии становятся дети. Колыбелью их воспитания становится равнодушная или враждебная, безнравная, растленная семья.

Вот очерк фактического положения, которое так ужасно, что преступление здесь уже назревает: побои есть только симптом, что семья «умерла» и под одною кровлей, в одной квартире, иногда на одном ложе — живут равнодушные или враждебные друг другу люди.

Попробуйте жить с презируемым товарищем на одной квартире: вы, внутренно ежась, проживете месяц, протянете год, промучаетесь три года — но всю жизнь? Да и не с товарищем, не в одной квартире, но на одном ложе и так сказать «душа в душу»? Вы постигаете, что тут разыгрываются такие степени отвращения и ненавидения, о каких не могут дать никакого представления все остальные формы человеческих отношений.

В этой атмосфере злобы, отвращения и, наконец, нравственной грязи растут и мучаются, «воспитываются» дети. Повторяем, законодателю в нормальных случаях нечего делать, и он даже в них «лишний человек», но вот — аномалия, и что же скажет Соломон? Притворится, что ничего не видит? Что все — «не доказано» и оснований к «мерам» нет? Но воспитание детей: ведь оно зиждется не на юридически доказуемом, а на фактически существующем. В деревнях Индии в случае появления чумной заразы жители разбегаются в горы: вот лучшая гигиена и действительное спасение от гибели. Чума неверности пала в семью и выразилась просто во взаимном отвращении членов друг к другу: бегите же от чумы, и дайте силы, свободу бежать. Это спасение для людей, которых вы только умертвите, — умертвите граждан, членов общества, ремесленников, удерживая их насильственно в загнившем гнезде. «Не разбегутся ли тогда и здоровые? Из здорового гнезда?» — Дубьем их не разгонишь. И где есть любовь и теплота семейная, там члены, даже насильственно разлученные, сыщут друг друга на дне морском и воссоединятся в семью.

Таким образом, проектируемый закон о фактических разлучениях супругов есть закон о разорении гнезд семейной заразы, есть вентиляция семьи, есть дезинфекция семьи. Нужна ли она?.. Вглядитесь в море растленных семей, и вы убедитесь, как давно нужен этот закон, как долго дети воспитывались в гнездилищах заразы, под предлогом, что этот чумной бубон есть «семья»; как искусственно законодательством поддерживалось это тление «мертвых костей» в красивом гробе внешностей. И так как таковым гробом является великий и святой институт семьи, то это распространило всеобщее к нему неуважение, всеобщее к нему недоверие: что отразилось умалением жажды обзаводиться семьею, уменьшением браков; бездомностью мужчин и бесприютностью женщин.

Как удивительно просты бывают по временам причины сложнейших культурных фактов. Но, спросят, при разлучениях — как же дети? Конечно, они поступают к относительно здоровому члену семьи: и всегда есть свидетели, никогда жизнь не бывает столь затаенная, чтобы нельзя было решить в каждом порознь случае, который именно член семьи загнивший и который — цельнее, менее разрушен. Экономическое положение? Но кто же не видал, как овдовевшая семья, освободившаяся от пьяницы-отца, от распутника-отца, от буйного отца, — оправляется, что нива под солнцем, и при трудолюбии одной матери существует лучше, чем прежде при тунеядстве двоих? То же самое и наоборот, если пороки не отца, а матери служат причиной распада семьи. Но вообще — это есть уже подробность, которую легко юридически урегулировать, как делается и теперь в случаях редчайшего разлучения супругов.

3

Вопрос о незаконнорожденных детях, тех, которые знают мать и не знают отца, — давно наболевший вопрос. Нет в христианстве греха неискупимого: вот альфа, которую нужно положить в фундамент обсуждения судьбы этих детей. Грех их матери есть грех: но тем ли она загладит его, что бросит дитя свое в нечистое место? Отошлет его в воспитательный дом? Так или иначе откажется от него, покинет его или подкинёт его? Закон может стоять только на почве правды, никоим образом он не может впадать в искусственное неведение, в притворство.

Неискупимость греха толкает матерей на преступление, с которым каждая из них борется и уступает ему в отчаянии, потому что после падения для нее все остальное становится непоправимо. Закон уже сделал здесь некоторый шаг вперед: дал

права узаконения рожденным вне венчания детям — при условии вступления родителей в венчание, но это бывает в тех случаях, когда девушка не окончательно обездолена, когда ее любят; но вот — она брошена, пусть брошена после обещаний и собственной веры. Как бы то ни было, с ребенком на руках и с потерянным женихом — она вдвойне несчастна и уже шагает перед преступлением. Дайте же ей форму покаяния: она просится на вид, она мечется в глаза — это беспомощный младенец! Дайте элементарный по милосердию закон, что младенец, от которого не отказалась мать, но честно и в страхе Божиим его воспитала (могут же быть найдены этому свидетели, да что-нибудь может сказать об этом и самый вид ребенка лет 10—12), — получает фамилию матери и что-нибудь юридически оформленное, какое-нибудь юридическое положение, вместо позорящей сейчас клички.

Как больно бывает сейчас иногда слышать бывших «питомцев» и «питомиц» воспитательных домов, проклиняющих своих матерей: вот поистине грех, опутавший по рукам, по ногам, с макушкой головы человека. Там — грех отречения матери от своего ребенка, здесь ребенок — не знающий имени матери и только бессильно относящийся к ее существованию материнства проклятие. Что же это за ужас, среди которого человек живет? И это — в христианском мире, в мире «любви». Да не будет этого! Да не будет этой египетской казни над человечеством: мы не говорим о трудности и боли подобных отношений, но именно и именно о грехе, о какой-то пронизанности проклятием самой атмосферы подобных отношений. И кто это допустил? Чье ухо слышит и не возмущается? И где же слова Спасителя: «Милости хочу, но не жертвы»? И из чего сплетена печальнейшая «жертва» «Спасу Милостивому»? Из крови детской, из рыданий материнских, разрешающихся взаимными от глубины несчастья проклятиями? Как печально обернулась история. Нам обещали милосердие, а мы вкушаем жестокость.

Никому не нужно извращение природы человеческой, и самый элементарный закон зовет преступника к исправлению, а на невинного не налагает кары. Мы разумеем ребенка и разумеем призыв виновных матерей к искуплению вины своей через труд, через работу, до полного забвения им и отпущения их вины. Еще два слова, чтобы предупредить возражение: скажут, понятие «незаконнорожденных детей жило даже в Ветхом законе». Совершенно иной оно имело там смысл и иную почву под собою: «Ветхий завет» не знал вовсе того печальнейшего и уже совершившегося (у нас) упадка семьи и брака, там не было ни «холостого быта» в таком чудовищном развитии, какое мы допустили у себя, ни

обширнейшего контингента старых и никому не понадобившихся дев.

Ветхий завет был насыщен семьей и браком, насыщен до 100, до 98 градусов; да будут прощены эти грубые, но яркие сравнения. Поэтому «незаконность рождения» там являлась чудовищною аномалией, произволом человека, возмущавшим закон и толпу. Но у нас, при 55 градусах насыщения атмосферы семьей, при этой бесприютности девушек? Кто смеет бросить в них камень? Кто осмелится возвести в «непрощенный грех» инстинкт материнства, так глубоко зароненный в девушку, — что, толкаемая им, она поверила юноше больше, чем сколько могла и должна была верить, поверила тому, кто обездолил ее, обесчестил и ко всему этому хочет еще казнить. Да не будет. Да не будет этого греха в мире и «камня на шее человеческой»!

4

В восьми главных западноевропейских государствах: Австро-Венгрии, Германии, Англии с Шотландией и Ирландией, Италии, Франции, Швеции, Норвегии и Сербии на 7 мил[лионов] с немногим всех ежегодно рождающихся младенцев приходится незаконных 607 тыс., с немногим, или 8,54 проц[ента]. Обращаясь к России, находим в 50 ее европейских губерниях, в годы 1884—1892, число незаконнорожденных колеблющимся между 107 750 и 117 790 ежегодно. Действие законов на процент незаконнорожденности особенно можно наблюдать в Баварии; в ней с 1835 года по 1862 год, когда действовал закон, стеснявший вступление в брак имущественным цензом, на каждые 100 рождений приходилось 21 незаконное, а после отмены этих законов приходилось только 13.

Это значит, что число рождений или сила рождаемости остается величиною постоянною, и стеснить в чем-либо вступление в брак — не значит уменьшить рождение, а значит только вывести известную сумму рождений за черту законности, т.е. родник незаконных рождений лежит не в человеке, а в регуляторе брака. В Петербурге из 1 000 разрешающихся первым ребенком женщин — 437, т.е. более $\frac{2}{5}$, рожают вне венчания, а в общем итоге за те же 1884—1892 годы незаконные рождения в православном населении составляют постоянно 30 проц[ентов] всего числа рождений, каковой процент, по ведомостям городской думы, к 1898 году возрос до 50 проц[ентов], т.е. незаконными рождается половина из всех; в то же время у католиков рождается

13 проц[ентов] незаконных, у протестантов — 9 проц[ентов], у евреев — 0,6 проц[ента], у магометан — 0,3 проц[ента].

Эти цифровые данные интересны в следующем отношении. Мы стоим в данную историческую минуту перед нежеланием раздвинуть нормы брака, например, в смысле как облегчения развода уже не живущим друг с другом супругам, так и в смысле разрешения мужской стороне, обычно принимающей на себя при разводе вину, вступить в новый брак. С другой стороны, тот же закон и в тех же руках находящийся осуждает внебрачные рождения.

Такое положение ненормально. Поэтому, не вдаваясь в тонкие споры, нельзя не пожелать того, чтобы легализация семейного положения страны и наблюдение за нравственно-санитарным состоянием населения страны была сосредоточена в которых-нибудь одних руках и они, эти руки, имели бы у себя данные по всем отраслям этого обширнейшего, но одного и того же вопроса. А то у нас браки разрешает одно ведомство, статистику населения ведет другое ведомство и управляется с проституцией — третье ведомство, когда это суть части одного вопроса. Более чем понятно, что все меры, принимаемые в котором-нибудь одном ведомстве, не имеют, при неподвижности других ведомств, ни малейшего успеха.

II. Суд Линча

Только что окончившееся в Петербургском окружном суде дело об убийстве Коновалова, совершенном совместно его женою, Кисилевою, Анисимовою, Павловою и Телегиным, поражает зрителя и читателя, поражает моралиста и должно поразить законодателя. Это — суд Линча в полной его выразительности. Приговорены к наказанию только Павлова и Телегин, подстрекатели к убийству и вероятные убийцы; остальные, и именно ближайšie к убитому лица — жена и ее мать, — «признаны по суду оправданными», хотя именно жена убитого нарисовала наиболее полную картину убийства, совершившегося по крайней мере на ее глазах, если и не при содействии ее. Старуха-мать ее уходит из дома со словами: «Какое вы дело затеяли под такой праздник», т.е. с полным знанием готовящегося убийства, и не предупредив о нем ни полиции, ни кого-либо из соседей, вообще не предупреждая преступления.

Трудно нарисовать даже фантазии романиста или художника бо́льшую нравственную и бытовую темь, которая, однако, составляет уголок действительности. Вся дрянь, т.е. все это корыто не

выброшенной в помойную яму грязи, трясется, болтается, плещется годы и годы и, наконец, раздражается убийством скопом, судом Линча, — в сущности из-за паспорта! В основе — подневольное замужество, к которому падчерицу вынуждает вотчим подзатыльниками. Вотчим этот пьет; муж — тоже пьет; и вообще все действующие лица — пьют, в особенности в вечер убийства, когда они составляют одну «угощающуюся компанию». Подневольная или, пожалуй, подъяремная, семья, конечно, распадается назавтра или послезавтра после венчания и держится «паспортом». Пьянство, побои, ругань, сальные пьяные ласки и в трезвом-то виде нелюбимого мужа заставляют сбежать жену.

Начинаются то работа, то приключения, и, наконец, она устраивается на содержание в чистенькой, нанятой для нее комнатке на стороне. «Вот-вот муж потребует» из «комнатки» к себе. Он то требует, то не требует; словом, — бессмыслица, о которой и читать мерзко, не только жить в ней. Каждая конюшня и всякий коровий хлев представляют большую чистоту нравственных и даже физиологических условий существования. Последнее пьянство началось весело потому, что муж решил выдать «отдельный вид на жительство» жене, и даже они толкнулись было в участок, но их оттуда вытолкнули, велев приходиться вытрезвившись. Опять пьют. Совершенно опьяневший Коновалов бормочет, что он не даст вида на отдельное жительство. Павлова подсказывает: «Ведь я всегда говорила, что не даст и что от него не отделаешься, не прикончивши». Мать жены встает и уходит «от греха»; жена идет к кровати, на которой спала ее несовершеннолетняя сестренка, и закрывает ее пологом, чтобы «не испугалась». Затем начинается операция: от корсета отрезали какую-то тесемку, сделали мертвую петлю и задушили. Ноги же были связаны. Супруг только дрыгнул ногами. Затем — в сундук, затем — на Николаевский вокзал, и куда-то отправили. Дали круговую поруку хранить тайну и к тайне обязали и вернувшуюся вскоре тещу. Об убийстве стоваривались уже за неделю назад, и все эти самые лица, все родство жены. Таким образом, случайны здесь подробности; в другой обстановке, в трезвом виде — произошло бы то же самое. Ничего случайного, все «как по писаному», т.е. в смысле отсутствия непредвиденного и «аффектов».

Все эти годы нет ни совета над ними и об них, нет им совета, и вообще, живя в столице цивилизованного государства, они, в сущности, одиноки, как уличные собаки. Жизнь собачья; собачий и конец. Тут только, когда «конец» пришел, вспоминают все, что они — люди и должны бы жить по-человечьи, а поелику они жили не по-человечьи, а по-собачьи, то этим человекам будет

собачье наказание: плеть и ошейник или ошейник и цепь. Взялись — на цепь. Суд есть о смерти; но суда не было о жизни и пока жили. Ни суда, ни рассуждения. «Как хотите...» Из этого «как хотите» и вышел суд Линча. «Мы — дураки, звери; мы умеем только по Линчу». — «По Линчу — нельзя, то в Америке, да и в Америке-то в первобытных дебрях, а вы — в России, возле университета, окружного суда, на глазах общества покровительства животным и даже в месте подвигов Иоанна Кронштадтского». Вот сколько святости и сколько мудрости!

«Но эта мудрость и святость — не про нас; мы — псы, и ведь это только в Евангелии давались псам крохи от стола господина их. Теперь нет и крох. И мы, голодные, десять лет грызлись, на одиннадцатый — загрызли одного».

Да, тут есть предмет для горести моралиста; но и есть предмет для мудрости законодателя. Ведь есть же попечительства о голодных, нужно также попечительство и попечение о злых. Тем более, что и злоба-то приходит на одиннадцатый год, скапливаясь десять лет и начинаясь просто с несчастья. Сегодня несчастен, завтра несчастен, а послезавтра — зол.

III. Запоздалое судоговоренье

Вторично рассмотренное на суде дело Коноваловой окончилось вторичным оправданием жены убитого. Три месяца тюремного заключения по делу, предмет которого столь тяжек, есть, в сущности, не признание вины, а только напоминание, упрек, выговор за неосторожность. Присяжные ответили на вопрос суда, что «признают Коновалову виновною лишь в недонесении об убийстве мужа», и в этом полуотрицании, полутверждении вины все стороны должны найти для себя удовлетворение, ибо в точности вина и была, и не была.

Само собою разумеется, что уже одно равнодушное присутствие при убийстве мужа есть нечто чудовищное, невыносимое для совести, неразрешимое для ума размышляющего. Так мы судим а priori, и так это есть на деле а priori. Но а posteriori муж был для нее злейшим врагом, и это видели присяжные, и впечатление этой картины факта отразили в своем приговоре. А присутствовать при умерщвлении злого своего недруга и мучителя хотя тоже ужасно, но здесь главный ужас переносится на самую связь отношений и облегчается на лице виновном: виновное лицо или было тупо в этот момент, придавлено или болезненно приподнято в ощущениях всем выжитым, перечувствованным, чего посторон-

ние зрители или читатели газет не переживали и не чувствовали. Здесь — разница.

Читатель или зритель судит норму и нормально, тогда как перед присяжными проходило исключительное положение, и они справедливо судили его исключительно. Повторяем, главный ужас здесь заключается в связи отношений, которые держат в принудительном единстве людей не только не объединенных, но наиболее один другому враждебных. Чтобы войти в психику, которая развивается в этой принудительной связанности, нужно представить себе сожителя, с которым вы наняли одну комнату и у которого оказался весь образ жизни, весь склад души, все привычки, требования, убеждения диаметрально противоположными вашим. Вы ищете ночью покоя; он любит долгий сон поутру, а на ночь зовет друзей; вы хотите проветрить комнату, он боится холода и не дает вам открыть форточку; вы любите солоно, он любит пресно; вам нравится кофе, он предпочитает чай; вы трезвы, он всегда выпивши и т.д. При всем миролюбии, вы будете стараться уходить из дома, и это вы сделаете тем нетерпеливее, чем тоньше организованы.

Самый лучший человек так поступит, и не было еще праведника, который годы и годы и, наконец, десятилетия перенес бы сожительство в одной комнате с человеком, которого каждый шаг есть неуважение и презрение к терпеливому праведнику. О таких страдальцах мало рассказывается и в Четь-Минеях. Но есть один грешник, обыкновенный слабый человек, которому эта ноша предполагается посильною. Этот особенный человек называется «женою». Она любила пресно, «теперь полюби солоно»; «тебе спать хочется, а мне гулять»; «ты любишь чисто плотно, а меня эта чистоплотность томит». Идут под руку: один скоро, другой тихо. Шла-шла жена нога в ногу; полюбила и запах пота в непроветренной комнате, и выпивать с мужем стала, и то, и другое, и третье, а на десятом — оборвалось. «Не могу солоно». — «Понудь себя!» — «Принуждала, душа не выносит». Мы взяли сожительство, но нужно представить себе интимность семейной жизни, где люди сливаются до глубочайшей ниточки, чтобы воскликнуть: «Нет праведника, который до такой степени умер бы в себе, чтобы во всем и всячески, органически и духовно, в быту и привычках, приспособил себя к другому». — Одежда, и та рвется, не по мерке сшита; лопаются перчатки не того нумера; можно ли представить себе жену, женщину, чтобы она так же мало чувствовала, как каучуковый шар, который можно всячески раздуть, растянуть и надеть на какой угодно манекен без боли и разрыва. Вот почему при разнообразных распяливан-

ях манекена-жены местами «рвется». У Коноваловых порвалось. Шестнадцати лет уже жена, она девятнадцати лет равнодушно присутствует при удушении мужа. Была ли тут любовь? Смешно спрашивать. Равнодушие? — Тоже нет: это был самый для нее ненавистный человек на земле, и от которого она зависела. Собственно, и зависимость давно порвалась: осталась веревочка — паспорт, за которую он ее дергал. Станный муж; странная семья; странное супружество. Мы их допустили в быту и допускаем юридически: чтобы и не муж более, и не семьянин более — был паспортодержателем, так сказать, антрепренером человека. Коновалова была в вечной антрепризе у убитого, и ее внешнее положение очень напоминает положение и духовное состояние собаки, которую чужой охотник выпросил у ее хозяина взять с собою на охоту. Не принадлежа ему «ни душой, ни телом», она, только выслушивая «пиль», — должна бежать туда, сюда, гнаться за зайцем или вспугивать бекаса. Связанность двух Коноваловых есть зависимость территориальная, без всякой другой связи, и их отношение есть отношение дерганья за веревочку. Нам думается, что суд присяжных, суд после убийства, есть прежде всего поздний суд, есть попытка что-то сделать после «расправы по закону Линча», печальную картину которого являет это дело. Здесь нужен более ранний суд; решение вовремя, когда один еще не погиб физически, а другой — нравственно. То есть нужно светлое и ясное законодательство о семейных запутанностях и судебная помощь в них людям, исполненная рассудительности, внимания и заботы. Тогда дела Коноваловых, — которых в подготовке и в возможности сейчас легион, — не будут получать «уродливого решения», как жалуются все сейчас, но они предупредятся и исчезнут как уродство само по себе, как ненормальность сама по себе, для которой, раз она совершилась, уже и исхода, и суда, и нормы нет. Нам все проповедуют в суде уголовную хирургию; мы же напоминаем, что есть еще гигиена общества.

Семья и семейные традиции в России

Каждый человек не только в России, но и во всем мире во многом живет своим прошлым. Мы частенько вспоминаем начало своей сознательной жизни, которое, конечно, связано с ближайшим окружением. Перед глазами образы родных людей, тепло общения, совместные радости и огорчения, забота о каждом члене семьи в силу своих возможностей.

Семья — это та среда, которая помогает молодому поколению интегрироваться в социум, найти свое место в жизни. В России дружная, крепкая семья учит переживать радости успехов и противостоять неудачам. Хороший домашний очаг силен своими обычаями. Так было испокон веков. Так должно продолжаться и сегодня.

Велика здесь роль государства.

«Мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации каждого народа», — сказал Владимир Путин во время оглашения Послания Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. По его словам, речь идет о традиционных семейных ценностях, «жизни не только материальной, но духовной, ценности гуманизма и разнообразия мира».

Традиции и система семейных ценностей в Российской империи

Российская империя была не только одним из самых больших из когда-либо существовавших государств, она обладала также огромным культурным потенциалом. Этот потенциал сформировался из синтеза русской национальной культуры и европейской культуры, которая после реформ Петра Великого осваивалась очень интенсивно.

Крестьянство составляло самый большой процент от населения Российской империи — в разные годы около или более 80 %. Поэтому традиционные представления о ценностях жизни формировались в обществе на основе крестьянского образа жизни, в котором одной из главных ценностей была семья.

Семья староверов (1903 г.)

Семья и семейные традиции — одна из главных ценностей в жизни высших и низших сословий в Российской империи. Авторитет семьи в российском обществе был необычайно высок.

Именно в семье формировалась национальная культура, этический «кодекс» социального поведения. Семья являлась исходной точкой национального мировоззрения. В семье — начало, продолжение и финал жизни.

Возникновение на Руси института полноценной семьи было связано в первую очередь с принятием православного христианства (988 г.). Именно христианство отводит столь важное место семье в системе вероучения. Православие — это семейно ориентированная религия. В христианской культуре важное значение имеют также отношения родители-дети, основанные на глубоком взаимном уважении и ответственности друг перед другом.

Для дореволюционной России вплоть до конца XIX в. были характерны ранние браки и всеобщность брака: в брак вступали практически все, за исключением тех людей, кто по состоянию здоровья был вынужден оставаться внебрачным или думал посвятить себя монашеству.

Для дореволюционной России вплоть до конца XIX в. были характерны ранние браки и всеобщность брака: в брак вступали практически все, за исключением тех людей, кто по состоянию здоровья был вынужден оставаться внебрачным или думал посвятить себя монашеству.

Бракосочетание императора Николая II

Добрачные связи обществом осуждались. «Домострой» излагал социальные нормы средневековой Руси так: *«Беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу... Если дочери у тебя, будь с ними строг, тем сохранишь от греха: чтобы не посрамила лица своего, пусть в послушании ходит, а не по своей воле, а то по глупости осквернит девство свое, будет всем знающим тебя в посмешище и осрамишься пред множеством людей. Если отдашь замуж свою дочь невинной, то великое дело сделаешь и в любом обществе похвалишься, и при конце жизни не будешь плакать о ней»*. Но необходимость воздержания от добрачных связей касалась не только девушек: *«Отрок имеет быть трезв и воздержан... От чужеложства (блуда), играния и пьянства должен каждый отрок себя вельми удержать и от того бегать, ибо из того ничто ино вырастает, кроме великой беды и напасти душевные и телесные и душевные, от того ж рождается и погибель дому его, и разорение пожиткам»*.

Супружеская неверность считалась более серьезным прегрешением, чем даже добрачный блуд. Измена жене или мужу могла стать исключительным поводом для расторжения брака, что было весьма редким событием в христианский период отечественной истории.

Не иметь супруга в зрелом возрасте было делом противоестественным. Холостой мужчина до женитьбы в деревне не являлся полноценным членом общества: он не имел права голоса при решении принципиально важных вопросов в семье и на крестьянском сходе. Брак считался главным условием благонадежности и порядочности человека, его материального благополучия и общественной значимости. Только после создания семьи молодой человек становился полноправным членом «мира» — сельской общины. Как правило, только семейный крестьянин получал земельный надел. Для девушек поздний брак воспринимался как чрезвычайное обстоятельство, а безбрачие вызывало общественное осуждение.

Брак расторгался редко. Согласно законам Российской империи, действовавшим до начала XX в., брак прекращался только после смерти одного из супругов, расторжение же брака допускалось в качестве исключения лишь в двух случаях: при доказанной супружеской измене (прелюбодеянии) и возникшей еще до брака «неспособности одного из супругов к брачному сожитию», которая не была известна до вступления в брак.

Семья обычно была многодетной. Это подтверждается многочисленными пословицами: «Изба детьми весела», «Все равны детки — и пареньки, и девки», «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын» и др. В семье часто принимались сироты, приветствовалось усыновление. Все эти нравственные установки гарантировали в Российской империи высокую рождаемость и бурный прирост населения.

Семья была хранительницей и передатчицей из поколения в поколение жизненного опыта, нравственности, здесь проходили воспитание и обучение детей. В дворянских усадьбах сберегали портреты дедов и прадедов, рассказы и предания о них, а также их вещи. В каждой семье были «любимое кресло бабушки», «любимая чашка маменьки» и т.д.

Понятие «дом» не ограничивалось значением «жилплощадь». До наших дней выражение «отчий дом» или «родной дом» наполнено особым смыслом и теплотой.

В доме всегда был «красный угол» с иконами, которые переходили от стариков к молодому поколению. Все, что составляло дом, пользовалось уважением, а в разных частях дома даже вести себя следовало по-разному. Например, в «красном углу» поведение было более сдержанным.

Сохранение памяти о старших — еще одна семейная традиция.

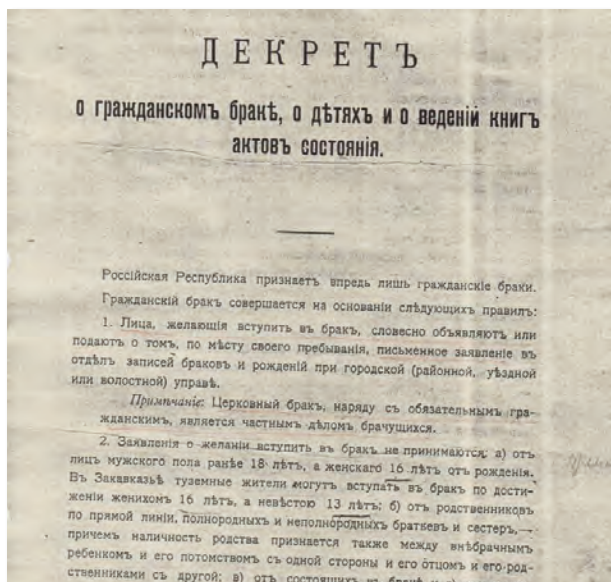
Высшие и низшие сословия в Российской империи имели практически одинаковые нравственные ценности.

Традиционная сельская семья конца XIX в.

Семья нижегородцев Каменских. Пермская губерния, Российская империя (1908 г.)

Отношение к семье и браку в советское время

Несмотря на внешнюю интимность, форма свадебной церемонии почти всегда определяется установками власти. В императорской России существовал только церковный брак, который заключался по благословению церкви, а венчание проводилось по строгим религиозным обрядам. Только этот брак имел тогда подлинную юридическую силу, а регистрация актов гражданского состояния возлагалась исключительно на религиозные институты. В атрибутику этого значимого «действия» входило венчание в храме, при этом подразумевалось наличие обручальных колец, белого венчального платья невесты и фаты, а также пышного праздничного застолья.

С 1917 г. новая коммунистическая власть отказалась от утонченной эстетики русского венчания, покончив с его пышностью и великолепием. Официальная

брачная церемония теперь отличалась революционной простотой, сдержанностью и крайним аскетизмом: ни кольца, ни венчального белого платья, ни последующего праздничного застолья.

В новом Советском государстве символику свадеб теперь определили Кодексы о браке и семье. Первый такой документ появился уже в 1918 г. Таким образом, была реализована давно назревшая общественная потребность во введении гражданского брака. Такая форма брака обеспечивала определенную свободу частной жизни и способствовала уничтожению уже отживших, феодальных черт российской семьи.

В советской России при органах местного самоуправления стали действовать загсы, при этом они были подведомственны и НКВД. Правила светской свадебной церемонии были значительно упрощены. В Кодексе лишь указывалось, что заключение брака должно публично проводиться в определенном помещении. При этом от будущих супругов должны быть предварительное заявление и удостоверения их личности. Уже после перехода к нэпу вновь встал вопрос — в какой форме и с соблюдением каких правил следует заключать брак в обществе строителей коммунизма. Хотя при этом четкого и удобоваримого суждения о форме брачного ритуала новая власть так предложить и не смогла. Одна часть большевистской верхушки к институту брака относилась скептически. «А нужен ли он теперь свободному советскому человеку?». Другая — с особым остервенением и фанатизмом воевала с церковными свадебными обрядами и ритуалами.

Регистрация брака в загсе в 30-е гг.

Еще в начале прошлого века Троцкий писал Ленину о том, что считает семью полностью изжившим себя буржуазным институтом. И что об этом обязательно надо разъяснять рабочим. Ленин соглашается с ним: «И не только семья. Все запреты, касающиеся сексуальности, должны быть сняты... Нам есть чему поучиться у суфражисток: даже запрет на однополую любовь должен быть снят». Возможно, благодаря столь смелым и сверхлиберальным взглядам большевиков во власти, в 1918 г. в Советском государстве был принят закон об отмене наказания за гомосексуализм.

В декабре 1917 г. выходят Декреты «Об отмене брака» и «О расторжении брака», а также — Декрет «О гражданском браке». Согласно новым законам признавался только гражданский брак, а церковный, «наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся». Брак, согласно новому закону, становится актом, который устанавливал гражданское и моральное право супругов, а внебрачные дети уравнивались в своих правах с законнорожденными. Ведение регистрационных книг гражданского состояния теперь возлагалось на официальные государственные органы страны, а документы о заключении брака, выданные в дореволюционный период религиозными институтами, теперь приравнивались к документам, выданным советскими загсами.

Одной из самых ярких фигур, выступающих против института брака во времена нэпа, была Александра Михайловна Коллонтай. Она была лидером женского движения, одним из разработчиков Кодекса о браке, а также первой женщиной — наркомом (министром) и дипломатом в Советской России.

В период нэпа Коллонтай была заведующей женотдела ЦК РКП (б). Этот отдел вел борьбу за повышение статуса женщины в новом обществе и за уравнивание ее прав с мужчиной. Помимо этого, женотдел вел активную работу по ликвидации неграмотности среди женщин, которая в тот период была просто катастрофической, а также занимался информированием о новых условиях труда и организации семьи.

В первые же послереволюционные месяцы, в принятых новой властью декретах, содержались пункты, которые касались женских прав. Во-первых, был запрещен ночной труд женщин, во-вторых, с ноября 1917 г. женщинам полагалось пособие по беременности и родам, в-третьих, устанавливалась равная оплата труда и для мужчин, и для женщин, в-четвертых, в Декрете о гражданском браке уравнивались женские права в семье и браке.

«В волостном загсе» (1928 г.)
художника Александра Моравова

Дыбенко и Коллонтай

В первую половину 20-х гг. XX в. появились свои коммунистические ритуалы — «красные крестины», «октябрины» и «красные свадьбы». Подобные церемонии воспринимались советскими людьми не как семейные празднества, а как значимые общественно-политические события. Такое массовое явление, как «красные свадьбы», просуществовало почти до середины 30-х гг. Первой «красной свадьбой» можно назвать свадьбу наркомов Коллонтай и Дыбенко (знаменитого предводителя балтийских «братишек»), которая состоялась в марте 1918 г. Невеста была старше жениха на 17 лет. К моменту свадьбы Александре было 46, а голубоглазому красавцу Павлу — 29. Их страстный, пламенный революционный брак просуществовал до 1923 г.

В исторических источниках феномен «красных свадеб» фиксируется как некое сугубо политизированное действо. Типичный пример хода «красной свадьбы»: «После избрания президиума, в который вошли и новобрачные, секретарь ячейки РКП делает доклад о значении красной свадьбы в новом быту. После доклада новобрачные, взявшись за руки, выходят вперед — на край сцены, за ними развеивается комсомольское знамя. Читают договор, из которого видно, что она — беспартийная работница... и он — технический секретарь ячейки РКП, коммунист... вступают в союз по взаимному согласию и обязуются жить честно, воспитывая детей честными гражданами СССР. Последнее слово покрывается рокотом аплодисментов. Здесь же подарки: от женотдела — одеяло, от заводоуправления — отрез сукна, от культкомиссии — три книжечки — “Азбука коммунизма”, “Дочь революции”, “Вопросы быта”. После торжественной части спектакль — “Драма летчика”, сильно взволновавшая рабочих».

К середине 20-х гг. загсы выходят из подчинения НКВД и полностью переходят под юрисдикцию местных советов. Но принятие в 1926 г. нового брачно-семейного кодекса, приравнивавшего незарегистрированные браки к зарегистрированным, свело на нет значимость свадебного обряда. Фактический брак теперь в любой момент мог по решению суда получить юридическую силу. Таким образом, власть полностью устранялась от его регулирования.

Юридическое оформление брака и форма церемонии (церковный или гражданский) теперь стали частным делом вступающих в брак. На рубеже 1920—1930-х гг. традиция ношения обручальных колец, зародившаяся еще в стародавние времена, начала отмирать. Теперь их не надевали не только молодожены, но и супруги со стажем. Причиной этому была прежде всего идеологическая властная установка — отрицание прежней церковной венчальной церемонии как пережитка прошлого, а также материальные трудности, заставляющие нередко отдавать дорогие сердцу семейные реликвии в систему Торгсина. В начале 1930-х гг. в связи со всеобщей паспортизацией населения и введением обязательной прописки паспортов загсы были вновь переподчинены НКВД. Это было сделано с целью возможности учета демографических изменений в стране.

Загсы НКВД теперь стали размещаться в зданиях местных отделов милиции. Это, естественно, не придало обряду бракосочетания дополнительной торжественности, если не считать штампа в паспорте. Единственный антураж — стол, покрытый красной скатертью, на стене — портрет Ленина и строгий делопроизводитель. А в качестве музыкального сопровождения — гимн... Так свадьба стала самым обыденным событием в жизни советского человека.

Интересное описание советской свадьбы дает иностранный гражданин (нотариус) Луис Ойос Каскон в своей книге «Московский меридиан». Ему «посчастливилось» побывать на свадьбе инженеров в августе 1932 г. в качестве свидетеля. У жениха «была трехдневная щетина, он стоял в рубашке с засученными рукавами и без носков». На невесте «также не было чулок, а голова была непокрыта». Они лишь предъявили сотруднице загса свои профсоюзные билеты, она «зарегистрировала их брак без какой-либо торжественности», и через минуту они покинули помещение. Вот и вся церемония... То есть свадьба, по его мнению, превратилась в самую скучную и обыденную процедуру, все равно что остановиться и «выпить аперитив, чтобы затем идти своим путем».

В 1920—1930-е гг. в советском обществе семья потеряла былой статус, а слова — «семейный очаг», «семейный уклад» стали восприниматься обществом как некий архаизм, «буржуазная» семья с его эгоистическим, закостенелым индивидуализмом была объявлена виновной в моральной и социальной патологии отжившего дореволюционного общества. Семья теперь воспринималась как «ячейка общества», как часть большого и дружного коллектива единомышленников — счастливых строителей нового коммунистического общества. Главную ответственность за воспитание детей теперь возложили на государственные дошкольные и школьные учреждения. Они должны были исправлять «негативное» воздействие семьи на формирование личности ребенка.

К концу 1930-х гг. в СССР были официально провозглашены нормы семейной жизни, включающие в себя ориентацию на моногамный брак. Несмотря на изменения формы брачного ритуала, суть семейных ценностей и норм семейной жизни в советском обществе остались прежними. Они практически полностью совпадали с традиционными, религиозно-патриархальными. А в 1944 г. власть оформляет указ, который вновь возвращает официальному браку былой статус. Теперь юридически действительным будет признаваться только зарегистрированный брак. Толчком этому послужило примирение в период войны государства с православной церковью. Это породило в народе надежду на более лояльное отношение к церковному венчальному браку или хотя бы к традиционной брачной обрядности.

Комсомольская свадьба.
После регистрации в городском загсе (1960-е гг.)

Сцена свадьбы из фильма «Свадьба с приданым»

Московская семья в послевоенные годы

Н. С. Хрущев с семьей на природе

В период позднего сталинизма уже начинается приветствоваться проведение свадебных торжеств. Об этом свидетельствуют такие фильмы, как «Свинарка и пастух», «Свадьба с приданым», «Кубанские казаки». В фильме «Свадьба с приданым», который вышел на экраны в 1953 г., была показана любовь бригадиров двух соревнующихся колхозов — Ольги и Максима. Апофеозом отношений молодых людей (блестяще сыгранных Верой Васильевой и Владимиром Ушаковым) стала традиционная осенняя большая свадьба, на которой невеста появляется в белом платье и в накинутом на голову белом шелковом шарфике, напоминающем фату.

Но в сталинскую эпоху власть придерживалась весьма строгих правил нормирования процедуры заключения брака. Так, в 1947 г. официально было запрещено заключать браки между советскими и иностранными гражданами. Сама же свадебная церемония, с ее традиционными нарядами жениха и невесты, букетами цветов, обменом колец, застольем и танцами молодых, так юридически и не была закреплена, оставаясь по-прежнему лишь частным актом. Ритуал осуществлялся только по желанию вступающих в брак.

Возможно поэтому многие замечательные традиции и обряды русской свадьбы в наше время оказались безвозвратно утраченными. А ведь в старину этим обрядам придавалось огромное значение. Они считались самыми важными на пути молодых к браку. И если по какой-либо причине свадебный обряд нарушался или не выполнялся как положено, то этот брак уже считался несостоятельным, т.е. не совершенным до конца.

*Материал подготовил
Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
 главный редактор журнала
 «Вестник Университета
 имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
 доктор юридических наук, профессор*

Россия. 100 лет назад: месяц в истории

2 февраля (воскресенье)

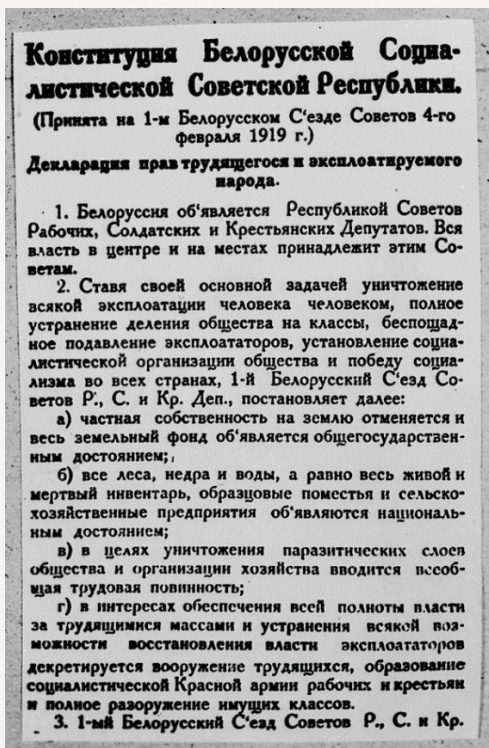
Первый в мире рабочий факультет

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

2 февраля 1919 г. при Московском коммерческом институте (ныне российский экономический университет имени Плеханова) был открыт первый рабочий факультет для подготовки к поступлению в институт. Вскоре рабфаки были созданы при многих вузах. Сначала они пытались давать своим слушателям в сокращенном виде и в популярной форме те знания, которые давались на основных факультетах института. Но потом рабфак постепенно стал превращаться в школу, которая готовила рабочих к высшему учебному заведению.

4 февраля (вторник)

Принята Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссия

На Всебелорусском съезде Советов принята первая Конституция Белоруссии. Она юридически закрепила образование нового Советского государства и его новое название — Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ).

Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии передало свои полномочия I Всебелорусскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который проходил 2—3 февраля 1919 г. в Минске.

Съезд принял первую Конституцию БССР, которая юридически закрепила образование Белорусской советской республики, основные принципы социалистического строя и советской формы власти. Конституция состояла из трех разделов и 32 статей и включала Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа Белоруссии. Беларусь провозглашалась республикой советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

На переходный период ставились следующие основные задачи: установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в лице советской власти для беспощадного подавления буржуазии и ликвидации эксплуатации человека человеком; установление социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти; победа социализма во всех странах.

Утверждалось официальное название государства — Советская Социалистическая Республика Беларусь. Конституция декларировала права трудового

и эксплуатируемого народа, определила структуру органов власти и управления. Высшим органом власти в ССРБ объявлялся Всебелорусский съезд советов, а в период между съездами — Центральный исполнительный комитет как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган, избираемый съездом и подотчетный ему.

Особенностью Конституции 1919 г. являлось то, что она не предусматривала создание совнаркома, а функции правительства возлагались на Великий президиум, формируемый Центральным исполнительным комитетом. Возглавлял Великий президиум А. Ф. Мясников. В Конституции не регламентировались структура и компетенция местных органов. Таким образом, Конституция ССРБ 1919 г. законодательно закрепила акт государственно-национального самоопределения Беларуси.

Учреждение Совета защиты детей

4 февраля 1919 г. Декретом СНК создается Совет защиты детей. Вопрос о создании Совета был поставлен А. В. Луначарским на заседании коллегии Народного комиссариата просвещения 17 января, которая признала организацию Совета желательной и поручила А. В. Луначарскому выработать проект декрета. 20 января проект, написанный Луначарским, был принят коллегией Наркомпроса, а затем 25, 30, 31 января трижды рассматривался на заседаниях Совнаркома. Проект просмотрел В. И. Ленин и внес поправки. «Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение, — указывалось в Декрете, — Совет народных комиссаров... утверждает особый Совет защиты детей». В состав Совета кроме председателя А. В. Луначарского вошли представители наркоматов социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда.

Считая дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью, а равно их эвакуацию в хлеботорные губернии одной из

важнейших государственных задач, СНК поручил Совету согласовывать планы эвакуации детей в хлеботородные губернии, объединить планы общественного детского питания и снабжения, добиваясь включения их в общегосударственный план, издания обязательных постановлений об охране здоровья детей, организацию их питания и снабжения, а также контроль за исполнением.

Декрет об учреждении Совета защиты детей

1. Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение, Совет народных комиссаров настоящим Декретом утверждает особый Совет защиты детей.

2. Совет защиты детей имеет своим Председателем народного комиссара по просвещению. В состав его, кроме председателя (представителя от Народного комиссариата по просвещению), входят по одному представителю от следующих Народных комиссариатов: социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда.

3. Совету защиты детей предоставляется право налагать «вето» через соответствующих народных комиссаров на распоряжения ведомств, не входящих в Совет, если такие распоряжения ведут к явному ущербу для детей.

4. Считая дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью, а равно эвакуацию детей в хлеботородные губернии одной из важнейших государственных задач, Совет народных комиссаров поручает Совету защиты детей:

а) согласовывать деятельность входящих в него комиссариатов по эвакуации детей в хлеботородные губернии, а равно объединять их планы общественного детского питания и снабжения в целях включения такового путем непосредственного сношения с подлежащими народными комиссариатами в общегосударственный план;

б) следить за точным выполнением той части установленного таким образом плана, которая касается питания и снабжения детей.

5. Совету защиты детей предоставляется право издавать обязательные постановления, касающиеся охраны здоровья детей, успешной организации их питания и снабжения, и вменяется в обязанность следить за неуклонным выполнением их.

Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Народный комиссар по просвещению

А. Луначарский

Управляющий делами Совета народных комиссаров

В. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета народных комиссаров

Л. Фотиева

Москва, Кремль.

4 февраля 1919 г.

14 февраля (пятница)

Переход всех земель в собственность государства

14 февраля 1919 .был принят Декрет о переходе всех земель в собственность государства и о переходе «от единоличных форм землепользования к товарищеским».

Опубликовано Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию, которое, по сути, означало конфискацию и отмену Декрета о земле, принятого в 1917 г.

Вся земля в пределах РСФСР считалась единым государственным фондом. Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на социалистической основе с применением всех завоеваний науки и техники, для воспитания трудящихся в духе социализма необходимо переходить от единичных форм землепользования к товарищеским.

Этим целям подлежали все землеустроительные работы по отводу земель, составлению плана землеустроительных работ, учету выделенных земель и т.д. Советским хозяйствам отводились самые ценные имения с многолетними культурами, с рациональными хозяйствами, со сложным техническим оборудованием, прудами, озерами и т.п.

Органами, осуществляющими процессы землеустройства, являлись Народный комиссариат земледелия, а также губернские и уездные земельные отделы. Исходя из основной задачи советской власти в земледелии — преобразования всей земледельческой промышленности на началах обобществления средств

производства, товарищеского труда и рационального ведения хозяйства, должны были организовываться сельскохозяйственные производственные коммуны. Коммуны подчинялись органам Комиссариата земледелия, которые устанавливали план для сельского хозяйства.

Излишки сельскохозяйственных продуктов коммун подлежали сдаче советским органам Комитета продовольствия. Коммуны должны были выбирать советы в составе 3 или 5 лиц, которые утверждались земельными отделами.

Таким образом, данное Положение устанавливало цели обобществления крестьянских хозяйств и практически являлось развернутой программой коллективизации.

15 февраля (суббота)

Создание лагерей принудительных работ

Всероссийский Центральный исполнительный комитет
Постановление
от 15 апреля 1919 г.

О лагерях принудительных работ

I. При отделах Управления губернских исполнительных комитетов образуются лагеря принудительных работ.

Примечание:

I) первоначальная организация и заведование лагерями принудительных работ возлагается на губернские чрезвычайные комиссии, которые передают их отделам Управления по уведомлению из центра;

2) лагеря принудительных работ в уездах открываются с разрешения Народного комиссариата внутренних дел.

2. Заключение в лагеря принудительных работ подлежат те лица и категории лиц, относительно которых состоялись постановления отделов Управления чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов, коим предоставлено это право декретами и распоряжениями.

3. Все заключенные в лагеря немедленно привлекаются к работам по требованию советских учреждений.

4. Бежавшие из лагерей или с работ подлежат самым суровым наказаниям.

5. Для управления всеми лагерями принудительных работ на всей территории РСФСР при Народном комиссариате внутренних дел по соглашению с Всероссийской чрезвычайной комиссией учреждается Центральное управление лагерями.

6. Заведующие лагерями принудительных работ избираются местными губернскими исполнительными комитетами и утверждаются Центральным управлением лагерями.

7. Кредиты на оборудование и содержание лагерей отпускаются Народным комиссариатом внутренних дел в сметном порядке через губернский исполнительный комитет.

8. Врачебно-санитарный надзор за лагерями возлагается на местные отделы здравоохранения.

9. Подробные положения и инструкции предлагается выработать Народному комиссариату внутренних дел в 2-недельный срок со дня опубликования настоящего Постановления.

Председатель
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
М. Калинин

Секретарь Л. Серебряков

27 февраля (четверг)
**ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКАЯ ССР
(ФЕВРАЛЬ-АВГУСТ 1919 Г.)**

Образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики

27 февраля 1919 г. в Вильносе провозглашено образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Лит-Бел). Ранее Первый съезд советов Белоруссии (Минск, 2—3 февраля) и Первый съезд советов Литвы (Вильно, 18—20 февраля) приняли Декларации о слиянии республик.

В связи с подготовкой Польши к войне против Советской России (Польша не оставляла намерений возродить Речь Посполитую в границах 1772 г.) Политбюро Центрального комитета РКП (б) 16 января 1919 г. приняло постановление об объединении ССРБ и Литовской ССР. Образование Литовско-Белорусской ССР не являлось объективным фактором развития

соседних народов. Предполагалось, что Литовско-Белорусская ССР станет для Польши тем буфером и той преградой, которая позволит избежать военной конфронтации.

3 февраля 1919 г. I Всебелорусский съезд советов принял Декларацию об объединении Советских Социалистических Республик Литвы и Беларуси. Затем предложение о слиянии республик одобрил I Съезд советов Литвы. 27 февраля 1919 г. в Вильно прошло объединенное заседание Центральных исполнительных комитетов Литовской ССР и ССРБ, которое приняло решение об образовании Советской Социалистической Республики Литвы и Беларуси, избрало правительство — Совет народных комиссаров и объединенный Центральный исполнительный комитет.

Основная цель создания Литовско-Белорусской ССР заключалась в создании буферного псевдогосударства на западном направлении. По версии большевиков — с той целью, чтобы предотвратить войну между Польшей и Россией. По версии большинства современных исследователей — для использования в качестве плацдарма для «экспорта революции» на Запад, и в первую очередь — для завоевания и советизации Польши. Но формальным поводом к объединению послужил тот факт, что Литовская ССР реально занимала «слишком незначительную территорию».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN 2311-5998

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.
Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс — 40650.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

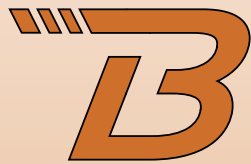
Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Редактор *Л. А. Мункуева*.

Корректор *А. Б. Рыбакова*.

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Отпечатано в типографии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >